

ДЖЕК ГОЛДСТОУН

РЕВОЛЮЦИИ

ОЧЕНЬ КРАТКОЕ
ВВЕДЕНИЕ

Джек А. Голдстоун

Революции. Очень краткое введение

Jack A. Goldstone

Revolutions. A Very Short Introduction

OXFORD UNIVERSITY PRESS • 2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА • МОСКВА • 2015

Перевод с английского Анатолия Яковлева

Главный редактор издательства Валерий Анашвили

Научный редактор издательства Артем Смирнов

Выпускающий редактор Елена Попова

Корректор Злата Худенко

Обложка Евгении Спасской

Верстка Ярослава Агеева

© Издательство Института Гайдара, 2015

Copyright © Jack Goldstone, 2013

Первое издание «Revolutions: A Very Short Introduction» было опубликовано в 2013 г.
Настоящий перевод публикуется по договоренности с «Oxford University Press».

Об авторе

Джек Голдстоун (Jack Goldstone) — американский социолог, профессор Калифорнийского университета, исследователь проблемы революций как ключевых конфликтов человеческой истории, приводящих к существенному изменению социума. Занимал должность консультанта и проводил брифинги для Конгресса США, Государственного департамента,

нескольких европейских министерств и Организации Объединённых Наций по вопросам конфликтов, поддержки демократии, государственного строительства и социальных преобразований. Занимал должности консультанта Правительства, Конгресса и Государственного департамента США, ряда европейских государственных структур и Организации Объединённых Наций по вопросам конфликтов, поддержки демократии, государственного строительства и социальных преобразований. Директор Центра глобального управления в Школе государственного управления имени Джорджа Мейсона. Автор и редактор свыше 100 научных работ, в том числе нескольких книг.

Моей жене Джине,

благодаря которой

все становится возможным

Благодарности

Я благодарен коллегам — исследователям революций за замечания по поводу отдельных частей рукописи: Марку Бейсингеру, Стивену Куку, Уильяму Дойлю, Джону Форану, Стивену Хаберу, Ричарду Хамилтону, Марку Кишлански, Алану Найту, Чарлзу Курцману, Джону Маркоффу, Иану Моррису, Шэруну Эриксону Непстаду, Джону Паджету, Сильвии Педраца, Элизабет Перри, Эрику Селбину, С.А. Смит, Уолтеру Шейделу и Гордону Вуду. Они спасли меня от множества ошибок. Ответственность за ошибки, которые остались неисправленными, лежит только на мне.

В огромном долгу я и перед редакторами «Oxford University Press» — Нэнси Тофф, Джолин Осанка и Максом Ричманом. Проявленные ими настойчивость, требовательность и превосходная работа над книгой, их усилия, направленные на повышение качества текста, можно считать образцом редакторской работы.

Моя жена Джина Салман-Голдстоун прочитала все главы, оценивая их с точки зрения ясности и стилистического единства. Так что если эта книга написана просто и интересно, то этим я обязан моей чудесной супруге.

Глава 1. Что такое революция?

Утром 14 июля 1789 г. толпа, состоявшая из парижского рабочего люда, начала штурм Бастилии. На помощь ей пришли солдаты-дезертиры, которые прихватили с собой пушки. Стоявшая неподалеку лагерем королевская армия предпочла не замечать происходящее, и под конец дня толпа ворвалась в крепость. Коменданта убили, насадили его голову на пику и прошли с нею по улицам. Говорят, что вечером того же дня на вопрос Людовика XVI: «Это что, бунт?» герцог де Ларошфуко ответил: «Нет, сир, это

революция! »[1]

Ответ герцога был продиктован его уверенностью в том, что толпы не просто требовали снижения цен на хлеб или отставки непопулярного министра и не просто выражали протест против эгоистичной роскоши, в которой жила королева Мария-Антуанетта. Парижане выступили в поддержку Национального собрания и третьего сословия — простого народа, представители которого заседали в Генеральных штатах. Три недели ранее эти люди бросили вызов королю, объявив, что именно третье сословие, а не знать и духовенство, должно стоять во главе Франции. А при поддержке народа и перешедших на их сторону солдат они могли положить конец старому общественному и политическому режиму.

В основании наших взглядов на революцию лежат два главных образа. Первый — героический: забитые и угнетенные массы встают с колен при помощи вождей, которые направляют их на свержение несправедливых правителей и помогают добиться свободы и достойного существования. Происходящее при этом насилие необходимо для уничтожения старого порядка и подавления его сторонников. Это — родовые муки нового порядка, который должен принести с собой социальную справедливость. Идеал, принадлежавший древнегреческой и римской традициям времен основания республик, был подхвачен защитниками американской и французской революций, такими как Томас Пейн и Жюль Мишле. Позднее ему была придана современная форма, названная теорией неизбежной победы бедных над богатыми и развитая Карлом Марксом, Владимиром Лениным, Мао Цзэдуном и их последователями.

Но существует и другой, противоположный образ революции — как взрыва народного гнева, порождающего хаос. С этой точки зрения, какими бы благородными мотивами ни руководствовались реформаторы, спуская толпу с привязи, они получают массу, которая жаждет крови и поднимает волны насилия, уничтожающие все вокруг, в том числе самих революционных вождей. Стремясь к заведомо недостижимым целям и личной славе, эти вожди превращают цивилизованное общество в руины, приносят неоправданные жертвы и разрушения. Такой взгляд высказывали английские критики начиная с Эдмунда Берка и Томаса Карлейля и кончая Чарльзом Диккенсом, которые испытывали страх перед эксцессами французской революции. Позднее его подхватили критики русской и китайской революций, считавшие цену за преобразования, проведенные Сталиным и Мао, непомерно высокой.

История революций свидетельствует о том, что на самом деле у медали две стороны. Революции очень отличаются друг от друга. Одни носят ненасильственный характер, другие порождают кровавые гражданские войны; одни приводят к демократии и свободе, другие — к жестокой диктатуре. Сегодня политических лидеров интересуют не столько конкурирующие революционные мифы, сколько ответы на вопросы, почему происходят революции и как они развиваются. Революции, вспыхивающие в самых неожиданных местах — в Иране и Никарагуа в 1979 г., в Советском Союзе и Восточной Европе в 1989-1991 гг. и по всему арабскому миру в 2011 г., — это не просто шок для правителей, но и нарушение мирового порядка.

В этой книге предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: почему происходят революции, в связи с чем они застают нас врасплох, какова их история, и как они влияют на национальную и мировую политику. Но вначале необходимо понять, что представляет собой революция, и чем она отличается от других видов нарушения порядка и социальных преобразований.

Определение понятия «революция»

На протяжении всей истории люди страдают от притеснений и гнета. В большинстве случаев они проявляют стойкость духа и смирение; возносят молитвы и надеются на лучшее. Как правило, люди считают власть слишком сильной, чтобы можно было ее изменить, а самих себя слишком малочисленными и слабыми, чтобы осуществить преобразования. И даже если они все-таки восстают, их действия по большей части не находят широкой поддержки и легко подавляются.

Поэтому революции случаются редко — гораздо реже, чем репрессии и несправедливые деяния. Они происходят только тогда, когда правители слабеют и оказываются в изоляции, когда элиты нападают на власть, вместо того чтобы ее защищать, а люди начинают чувствовать себя частью многочисленной, сплоченной и исполненной правоты группы, способной действовать сообща ради перемен.

Политологи и историки определяют понятие «революция» по-разному. Большинство считает, что революции предполагают насильственную смену власти, участие масс и преобразование институтов. Другие говорят о том, что революции случаются относительно внезапно, а третьи — что они носят насильственный характер. Некоторые настаивают на том, что революции — это проявление классовой борьбы бедных против богатых или простонародья против людей привилегированных. Однако на самом деле все это просто разные формы, в которых происходят революции.

Во времена китайской коммунистической революции Мао Цзэдун, прежде чем прийти к власти, провел более двадцати лет в глубинке, поднимая крестьянство и борясь с националистами. Большинство недавних «цветных революций», таких как революция «власти народа» на Филиппинах и «оранжевая революция» в Украине, развивались быстро, в течение нескольких недель, и все же оставались ненасильственными. Многие антиколониальные революции, такие как американская, объединяли все классы в борьбе с колониальной властью и почти или вовсе не вели к перераспределению богатства или социальных статусов.

На протяжении почти всего XX в. социологи неохотно брались за изучение субъективной стороны революций. «Структуралисты» предпочитали иметь дело с легко наблюдаемыми феноменами — конфликтами и сменой институтов. Однако в последние годы исследователи пришли к пониманию того, насколько важны идеология и нарративы социальной справедливости для мобилизации и конечных результатов революции. Поиски социальной справедливости неотъемлемо связаны с тем, как люди определяют свое отношение к революции и какой способ действий они выбирают.

Поэтому лучше всего определить революцию одновременно и как объективные, наблюдаемые феномены массовой мобилизации институциональных изменений, и как движущую ими идеологию, включающую представление о социальной справедливости.

Революция — это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов.

Чем не являются революции

Главной трудностью при определении этого понятия можно считать сходство революций с другими и более часто случающимися разрушительными событиями, особенно учитывая то

обстоятельство, что такие события почти всегда происходят во время революций и являются их составными частями. Эти события включают крестьянские восстания, хлебные бунты, стачки, общественные и реформаторские движения, государственные перевороты и гражданские войны. Все они имеют свои собственные причины и следствия, однако к революциям приводят лишь при наличии определенных условий.

Крестьянские восстания представляют собой волнения в сельских поселениях. Иногда это протест против требований местных землевладельцев, иногда — против представителей государства (сборщиков налогов и других официальных лиц). Обычно они стремятся привлечь внимание к тяжелому положению на местах и нацелены не на смену власти, а на то, чтобы получить от правительства помощь в решении проблем локального характера.

Хлебные бунты — это массовые мобилизации, выражение протеста против нехватки продуктов питания или непомерных цен. Во время таких бунтов происходят захваты складов или магазинов, нападения на пекарни или торговцев или, в духе Робин Гуда, раздача продуктов беднякам. При этом выставляются также требования ввести ограничения на рост цен или сдержать их с помощью государственных субсидий. Хлебные бунты обычно вспыхивают в городах, где жизнь людей зависит от хлеба и других предметов первой необходимости, приобретаемых по рыночным ценам, но они могут происходить и в сельской местности в ключевых пунктах транзита или хранения зерна. В 2007-2008 гг., после глобального повышения цен на продовольствие, хлебными бунтами были охвачены не менее десяти африканских стран. Подобно крестьянским мятежам, хлебные бунты, как правило, добиваются не смены власти, а помощи от правительства.

Стачки — это мобилизации рабочих с целью временного прекращения работы. Обычно такие протесты связаны с оплатой и нормированием труда, продолжительностью рабочего дня, безопасностью рабочих мест и касаются конкретных регионов или отраслей. Однако если рабочие имеют серьезные и разделяемые всеми претензии к политике властей, они объявляют всеобщую стачку, и тогда работа прекращается по всей стране, или политическую стачку, когда рабочие ключевых отраслей (горнодобывающей, энергетической, транспортной) координируют свои действия и отказываются вернуться на работу до тех пор, пока правительство не пересмотрит свою политику. Стачки такого рода сыграли решающую роль в свержении советских и других коммунистических режимов в Восточной Европе.

Крестьянские восстания и хлебные бунты характерны для традиционных аграрных обществ. Напротив, в большинстве современных обществ протесты против политики властей часто принимают форму общественных или реформаторских движений.

Общественные движения представляют собой массовые мобилизации, проводимые в интересах отдельных групп или ради достижения конкретных целей. Обычно они направлены против дискриминации или притеснений членов какой-то группы. Общественные движения могут носить подрывной характер и приводить к ответным насильственным действиям со стороны режима, как это имело место в США в отношении движений за гражданские права человека и за прекращение войны во Вьетнаме. Они используют такие тактические инструменты, как сидячие забастовки, марши, бойкоты и занятие административных зданий или публичных мест. Тем не менее большинство общественных движений нацелены на решение проблем той или иной конкретной группы.

Реформаторские движения открыто выступают за изменение существующих государственных институтов, принятие новых законов, направленных на борьбу с коррупцией, расширение избирательных прав или более широкую автономию отдельных регионов. Однако своих целей они достигают не посредством свержения существующей власти, а с помощью законных методов, добиваясь своего в судах или через избирательные кампании, проводя новые законы или внося поправки в конституцию. Революционными такие движения становятся лишь тогда, когда власть сопротивляется разумным переменам или медлит с

ними и преследует реформаторов. Так, мексиканская революция вспыхнула, когда диктатор Порфирио Диас посадил в тюрьму умеренного реформатора Франсиско Мадеро и сфальсифицировал результаты выборов, на которых реформаторы одержали явную победу.

Беспорядки и движения такого рода обычно нацелены на решение местных проблем или проблем той или иной группы. Однако существуют и другие их виды, нацеленные на свержение власти. Они включают государственные перевороты, радикальные общественные движения и гражданские войны. Но и они, как правило, не вызывают революции.

Самыми распространенными действиями, способными привести к насильственному свержению власти, являются элитарные или государственные перевороты

(*coups d'état*, в буквальном смысле — удары по государству). Они происходят, когда авторитарный лидер или небольшая группа лидеров захватывают власть, не прибегая к широкой массовой мобилизации или гражданской войне. И хотя военные перевороты, направленные против демократий или монархий, рожают новые политические институты, они практически никогда не делают это во имя широко понятых принципов социальной справедливости. Их лидеры обычно заявляют, что совершили действия, необходимые для восстановления порядка, пресечения разгула коррупции и прекращения экономического упадка, и что они уйдут, как только решат поставленные задачи. Примерами служат недавние военные перевороты в Таиланде в 2006 г. и в Нигере в 2010 г.

С другой стороны, перевороты могут приводить к революциям, если лидеры переворотов или их сторонники выдвигают идею преобразования общества на новых началах справедливости и общественного порядка, принимают за мобилизацию масс, чтобы обеспечить поддержку своих идей, а затем воплощают свой замысел в новых институтах. Примерами служат светская националистическая революция Ататюрка в Турции, арабская националистическая революция Насера в Египте и «революция гвоздик», организованная офицерами в Португалии.

Радикальные общественные движения, в отличие от большинства общественных движений, ставят своей целью насильственное свержение власти. Однако они не достигают успеха, если не выходят за рамки обычно узкого круга последователей и не создают широкой коалиции различных групп, стремящихся к той же цели. В противном случае, подобно мятежным студентам в «Отверженных» Виктора Гюго, их легко изолируют и обезвреживают.

К насильственному свержению власти часто приводят гражданские войны, которые вспыхивают или в результате династической борьбы между представителями одного клана; или в ходе действий, предпринимаемых военными офицерами (вышедшими из подчинения и борющимися за власть при поддержке вооруженных сторонников); или из-за действий религиозных или этнических групп, стремящихся оттеснить или устранить конкурентов. Но ни в одном из этих случаев за попыткой свержения власти не стоит мечта о реализации нового представления о социальной справедливости. Революционной война становится лишь тогда, когда лидер, обладающий новым видением общества, собирает армию для свержения власти и реализации своего замысла. И мы говорим о революции в том случае, когда такая кампания достигает успеха и ведет к преобразованию политических институтов.

Революционные гражданские войны начинаются и после свержения старого режима. Те, кто пользовался привилегиями при старом режиме, и даже те, кто просто не желал никаких перемен, могут мобилизовать контрреволюционные силы и пойти войной на новую революционную власть. Некоторые наиболее массовые гражданские войны в истории, погубившие миллионы людей, такие как война «белых» против «красных» в 1918-1921 гг. в России и мексиканская гражданская война 1913-1920 гг., начинались как борьба революционных лидеров с контрреволюцией.

В дополнение к упомянутым выше явлениям часто можно слышать о «мятежах», «волнениях», «инсurreкциях»[2] и «партизанской войне». Эти понятия иногда путают с революцией, хотя они имеют другой смысл. Мятеж — любое действие группы или индивида, которые отказываются признавать существующую власть или добиваются ее свержения. Например, мы говорим о мятеже элиты, когда суды отказываются признавать какой-то указ правителя, и мы говорим о народном мятеже, когда толпы занимают центральную площадь и не расходятся вопреки требованиям властей.

Любая попытка совершить революцию есть по определению мятеж, поэтому мятежами часто называют усилия, направленные на свержение режима, но не завершившиеся успехом. При этом не всякий мятеж, достигающий своей цели, способен привести к революции. Если какой-нибудь герцог, имеющий династические притязания на трон, выступает с оружием в руках против короля, это называется мятежом. Но если он достигает успеха и становится новым королем, а все институты власти остаются практически без изменений, никакой революции не происходит. Беспорядки и инсurreкции являются видами народных восстаний: первые — обычно невооруженные или плохо вооруженные народные мятежи, а вторые подразумевают определенную военную подготовку и организацию, а также применение мятежниками боевого оружия и военной тактики.

Партизанская война — это просто способ ведения военных действий, часто используемый в ходе мятежей и революций. Если в обычной войне солдаты объединены в крупные военные подразделения, входящие в состав частей регулярной армии, живут в бараках и снабжаются всем необходимым с помощью специального транспорта, то партизанская война опирается на небольшой мобильный контингент бойцов, сформированных в нерегулярные подразделения, живущих на подножном корму или ассимилировавшихся с местным населением, которое их и кормит. Партизанская война особенно эффективна, когда малым отрядам необходимо вытеснить со своей территории более многочисленного и сильного врага. Они причиняют противнику урон, нанося непрекращающиеся удары, но не вступают в решающее сражение с превосходящими силами. Такая тактика часто выбирается революционерами, число которых вначале невелико и которые противостоят правительственным войскам. Китайские коммунисты, вьетконговцы, отряды Кастро на Кубе и никарагуанские сандинисты, — все они вели партизанскую войну. По мере того как число их сторонников росло и они получали доступ к новым ресурсам (часто поступавшим из-за рубежа), революционеры переходили к более традиционным способам ведения военных действий в решающей схватке за власть.

Таким образом, крестьянские мятежи, хлебные бунты, рабочие стачки, общественные движения, перевороты и гражданские войны могут возникать в ходе революций и служить важными составными частями революционной борьбы. Тем не менее революции занимают особое место в истории и народном воображении, включая в себя

все элементы — насильственное свержение власти, массовую мобилизацию, идею социальной справедливости и создание новых политических институтов. Именно это сочетание позволяет нам говорить о революции как о процессе, в котором лидеры-визионеры используют силу масс для того, чтобы насильственным способом установить новый политический порядок.

Глава 2. В чем причина революций?

Широко распространенное и при этом ложное мнение гласит, что революции по сути представляют собой акты негодования и происходят тогда, когда люди говорят: «Нам совсем

плохо, и мы больше не будем терпеть». Однако исследования показывают, что эта точка зрения ошибочна.

Начнем с вопроса: «Не будем больше терпеть

что?» Один из возможных ответов — «не будем терпеть нищету»: когда люди настолько бедны, что речь идет о самом их выживании, они восстают. Какая-то доля истины в этом есть, поскольку восстания часто происходят из-за экономических проблем. И все же революции, как правило, вызываются не нищетой. Большинство голодных годов (таких как великий картофельный голод 1840-х гг. в Ирландии) не приводили к революциям, хотя и вызвали крайнюю нищету из-за неурожая и голода.

На самом деле революции чаще происходят не в самых бедных странах, а в странах со средним уровнем доходов. Когда началась Американская революция, колонисты жили гораздо лучше, чем европейские крестьяне. В самой Европе революция 1789 г. произошла в стране, крестьяне которой жили в целом лучше, чем крестьяне в России, где революции пришлось ждать еще сто с лишним лет.

Все дело в том, что нищие крестьяне и рабочие не способны свергнуть власть, когда им противостоят профессиональные вооруженные силы, исполненные решимости защищать режим. Революция может начаться только тогда, когда значительные слои элит, и особенно среди военных, переходят на сторону восставших или не вмешиваются в происходящее. Так что в большинстве революций именно элиты мобилизуют население и помогают ему свергнуть режим.

Некоторые исследователи, признавая, что крайняя нищета может вызвать народные мятежи, но не революции, считают, что движущей силой революций является

относительное обнищание. Люди восстают, когда неравенство или классовые различия становятся невыносимыми или когда рушатся надежды на лучшие времена. Однако крайнее неравенство может с тем же успехом приводить к покорности и утрате веры в революцию. Оно также оставляет бедные слои без ресурсов, с помощью которых можно было бы создать действенную революционную силу. Почти на всем протяжении истории крайнее неравенство и глубокая нищета оправдывались религией и традицией как нечто естественное и неизбежное. О них смирялись и даже признавали их в качестве нормального порядка вещей.

Что превращает нищету и неравенство в движущий мотив революции? Главную роль здесь играет убеждение в том, что существующее положение вещей не является неизбежным, а возникает по вине режима. Народ поднимается против власти, только когда элиты и другие группы населения бросают режиму обвинение в несправедливости, порождаемой его некомпетентностью и коррупцией либо фаворитизмом и предпочтением одних групп населения другим.

Еще одним фактором, порождающим революции, считают модернизацию. Эта точка зрения пользовалась большой популярностью в 1960-1970-х гг., в то время, когда в развивающихся странах повсюду вспыхивали революции. Многие наблюдатели доказывали, что, как только доиндустриальные общества встают на путь модернизации, население сталкивается со свободными рынками товаров и услуг, неравенство усиливается, и традиционные религиозные и властные структуры утрачивают свое влияние. Когда происходит ломка ставших привычными отношений, люди начинают выступать с требованием новых, быстрее реагирующих на их нужды политических режимов и прибегают к силе, чтобы их создать.

Однако дальнейшие исследования показали, что модернизация не представляла собой какого-то комплекса преобразований, которые осуществлялись повсюду одинаковым образом. В одних странах модернизация подрывала режимы и приводила к революциям, а в

других она укрепляла позиции правителей и создавала более сильные авторитарные режимы (такие, как сегодняшняя Саудовская Аравия или как Германия в правление Бисмарка). В третьих, например в Канаде, модернизация вызвала плавный переход к демократии. В одних странах революции вспыхивали, как только начиналась модернизация, как это было в Японии в 1868 г. или в Китае в 1911 г., а в других революции происходили спустя много лет после практически полного завершения модернизации, как это было в Восточной Европе в 1989-1991 гг. Понятно, таким образом, что не существует однозначной связи между модернизацией и революцией.

Наконец, некоторые исследователи объясняют происхождение революций распространением новых идеологий. Эта точка зрения также содержит в себе долю истины, поскольку идеологические сдвиги играют важную роль в революционной мобилизации. Однако остается неясным, почему людей привлекают новые и опасные политические идеи. Власть и элиты обычно навязывают населению взгляды, которые оправдывают их господство, и жестоко наказывают тех, кто ставит его под сомнение. Поэтому революционные идеологии зачастую лишены последователей, и приводят к революционным действиям лишь тогда, когда уже произошел сдвиг в позиции элит, порождающий пространство и возможности для мобилизации людей вокруг новых убеждений. Новые идеологии — составная часть революций. Но их появления недостаточно для того, чтобы произошли революционные преобразования.

Все изложенные выше взгляды на причины революций неверны, потому что рассматривают общество как нечто пассивное, наподобие бетонной стены, которая падает, если приложить к ней достаточное усилие. Считается, что при достижении высокого уровня нищеты, неравенства, модернизации или идеологических сдвигов режим терпит крах и происходит революция. Однако общество не является чем-то пассивным, а состоит из миллионов активных людей и групп, действия которых постоянно воссоздают и делают прочным общественный порядок.

В обмен на налоги правители предоставляют покровительство и помощь. Элиты поддерживают правителей в обмен на престиж и политические и моральные вознаграждения, а группы населения занимаются хозяйственной деятельностью, воспитывают детей, молятся в церкви и получают защиту в обмен на свою экономическую активность и политическое послушание. Общество в целом постоянно воссоздает себя благодаря многочисленным взаимосвязям. Эти взаимосвязи позволяют ему через какое-то время воспроизводиться, а также сохранять запас жизненных сил, приходить в норму и восстанавливаться после голода, войн, эпидемий, локальных восстаний, распространения религиозных ересей и других кризисных явлений. Пока элиты едины и лояльны режиму, а большинство групп относительно довольны жизнью и предпочитает заниматься собственными делами, режимы могут оставаться стабильными в течение столетий вопреки любым трудностям и кризисам. .

Революции как сложные внезапно возникающие процессы

Чтобы разобраться в причинах революций, необходимо понять, благодаря чему общество сохраняет устойчивость и жизнеспособность. В стабильном обществе группы населения занимаются хозяйственной деятельностью, доходов от которой достаточно для того, чтобы кормить семьи и платить ренту и налоги, идущие на содержание элит и правительства. Элиты — из властных и иных структур — выступают в качестве ключевых посредников между властью и населением, организуя политическую, экономическую, религиозную и образовательную деятельность, поощряя существующие верования и способы поведения и рекрутируя и обучая новых членов элиты. Правитель одаривает элиты наградами,

признанием и поддержкой, а в ответ элиты поддерживают правителя. Власть также защищает население от вооруженных банд, иностранных вторжений, голода и других опасностей, чтобы население могло платить ренту и налоги. При этих условиях общество остается стабильным и жизнеспособным. Оно сопротивляется распространению восстаний и революционных идеологий, поскольку верные режиму военные, бюрократические и религиозные элиты подавляют оппозицию, а большинство групп населения заинтересованы в статус-кво и не желают идти на серьезный риск ради его изменения.

Такое общество находится, как говорят физики, в состоянии устойчивого равновесия. Представим себе шар, лежащий на дне глубокой впадины. Если приложить небольшое усилие и изменить его положение в любом направлении, он просто скатится обратно на дно, вернувшись в прежнее состояние. Таким образом, устойчивое равновесие является состоянием, при котором реакцией на умеренное воздействие становится возвращение в исходное положение. Подобно этому в обществе, пребывающем в состоянии устойчивого равновесия, реакцией правителей, элит и даже большинства групп населения на крестьянский мятеж или стачку, на войну или экономический кризис становится действие, которое восстанавливает существующий общественный порядок.

Теперь представим себе, что шар находится не на дне впадины, а на вершине горы. При отсутствии какого-либо воздействия шар остается на месте, но самое малое усилие приводит теперь к тому, что он скатывается с вершины и движется в некоем направлении. Это пример неустойчивого равновесия, при котором незначительное воздействие приводит к серьезному изменению исходного положения. Именно это и происходит с обществом во время революции.

Изучая различные общества в годы, предшествующие революциям, мы обнаруживаем, что социальные отношения в них претерпевают изменения. Правители слабеют, принимают неадекватные решения или ведут себя как бандиты, а многие представители элит больше не получают наград и поддержки и поэтому не склонны поддерживать режим. Элиты теряют единство, они расколоты на клики, которые относятся друг к другу с подозрением и недоверием. Группы населения обнаруживают, что труд не приносит ожидаемых доходов или результатов. Иногда наблюдается нехватка земли, безработица, слишком высокая рента или падение реальных доходов, растет бандитизм. Простые люди чувствуют себя выбитыми из колеи и незащищенными. Многие элиты и группы населения считают, что правители и другие представители элит поступают несправедливо, и попадают под влияние неортодоксальных взглядов или идеологий, объясняющих им их проблемы и предлагающих изменить общество. Правители могут пойти на реформы, чтобы завоевать доверие элит или народную поддержку и привлечь дополнительные ресурсы. Но реформы обычно недостаточно, и они проводятся слишком поздно, порождая еще большую неопределенность и привлекая новых сторонников в ряды оппозиции.

В этих обстоятельствах умеренное или даже незначительное воздействие, которое могут оказать война, экономический кризис, локальное восстание или какая-то акция — дерзкого неповиновения или жестоких репрессий, — способно поднять волну народных волнений и острой конфронтации между группами элит. Если значительная часть элит и различные группы населения вступают в коалицию в борьбе против власти и требуют серьезных перемен, можно считать, что революция началась. Если после этого в армии возникает дезертирство или если военные не хотят или не могут справиться с нарастающим сопротивлением оппозиции, революция достигает поставленных целей. Именно так и происходят революции. Со временем общество переходит из состояния устойчивого равновесия в состояние неустойчивого равновесия. В этом случае незначительные волнения способны вызвать нарастание беспорядков и привести к свержению существующего режима.

Революции не возникают из-за растущего недовольства нищетой, неравенством и других подобных им явлений. Революция — сложный процесс, который неожиданно возникает из

общественного строя, приходящего в упадок сразу во многих сферах.

Неустойчивое равновесие и парадокс революции

К сожалению, понять, находится ли страна в неустойчивом равновесии бывает не просто, поскольку, несмотря на подспудные изменения, положение в ней долгое время может казаться стабильным. Стачки, демонстрации или мятежи можно игнорировать как не имеющие значения до тех пор, пока в них принимает участие небольшое количество людей, а военные и полиция настроены на их подавление и способны это делать. Симпатии других групп к протестующим и недовольство военных и полиции могут до поры до времени не проявляться вовне. Элиты могут скрывать нарастающие разногласия и свою оппозиционность, пока не представится реальная возможность выступить против режима. Правители могут начать реформы, надеясь на их успех, или развернуть репрессии, думая, что они положат конец оппозиции; и лишь задним числом приходит понимание, что реформы не получили поддержки, а репрессии привели к еще большему недовольству и сопротивлению.

Таким образом, революции подобны землетрясениям. Геологи умеют выявлять зоны повышенного риска, и мы знаем, что именно там землетрясения скорее всего и произойдут. Однако серия мелких толчков может означать как релаксацию, так и рост напряжения, за которым вскоре может последовать сильное смещение. Сказать заранее, что случится, как правило, невозможно. Землетрясение может произойти на хорошо известном разломе, а может случиться на новой или не обнаруженной ранее линии. Знание общих механизмов не позволяет нам предсказывать землетрясения. Подобно этому социологи могут сказать, в каких обществах могут быть разломы и напряжения. Об этом свидетельствуют признаки социального конфликта или проблемы, с которыми сталкиваются институты или группы в решении привычных задач или достижении своих целей. Однако это не означает, что мы можем точно предсказать, когда та или иная страна испытает революционные потрясения.

Исследователи революций согласны друг с другом относительно пяти элементов, которые считаются необходимыми и достаточными условиями неустойчивого социального равновесия. Первый из них — проблемы в экономической и фискальной сферах, мешающие поступлению ренты и налогов в распоряжение правителей и элит и снижающие доходы всего населения в целом. Такие проблемы обычно приводят к тому, что власть повышает налоги или влезает в долги, зачастую делая это способами, которые рассматриваются как несправедливые. Снижается и способность правителей награждать сторонников и платить зарплату чиновникам и военным.

Второй элемент — растущее отчуждение и оппозиционные настроения в среде элит. Элиты всегда конкурируют в борьбе за влияние. Соперничают между собой семейные кланы, партии, фракции. Однако правитель обычно использует эту конкуренцию для того, чтобы обеспечивать поддержку элит, натравливая одни группы на другие и вознаграждая лояльность. Стабильные элиты также стремятся рекрутировать и держать при себе талантливых новичков. Отчуждение возникает, когда та или иная группа элиты чувствует, что ее систематически и несправедливо оттесняют и лишают доступа к правителю. «Старые» элиты думают, что их обходят новички, а новые и честолюбивые элиты — что им перекрывают дорогу старожилы. Элиты могут прийти к мнению, что какая-то определенная группа — узкий круг ближайших друзей или членов этнической или региональной группы, в которую входит правитель, — несправедливо получает основную долю политической власти или экономических дивидендов. В этих обстоятельствах им может показаться, что их лояльность не будет вознаграждена и что режим будет всегда ставить их в невыгодное

положение. В этом случае они могут выступить за реформы, а если реформы будут блокироваться или их объявят неэффективными, принять решение о мобилизации и даже попытаться воспользоваться народным недовольством, чтобы оказать давление на режим. По мере роста отчуждения они могут принять решение о свержении и смене существующего общественного порядка, а не просто об улучшении своего положения в его рамках.

Третий элемент — революционная мобилизация, опирающаяся на нарастающее народное возмущение несправедливостью. Это возмущение не обязательно оказывается следствием крайней нищеты или неравенства. Люди скорее чувствуют, что теряют положение в обществе по причинам, которые нельзя считать неизбежными и в которых нет их вины. Это могут быть крестьяне, обеспокоенные тем, что теряют доступ к земле или облагаются слишком высокой рентой, непомерными налогами или другими поборами; или это могут быть рабочие, которым не удастся найти работу или приходится сталкиваться с ростом цен на предметы первой необходимости или неиндексируемыми зарплатами. Это могут быть студенты, которым крайне сложно найти работу, соответствующую их ожиданиям и желаниям, или матери, которые чувствуют, что не способны прокормить детей. Когда эти группы поймут, что их проблемы возникают в результате несправедливых действий элит или правителей, они пойдут на риск и примут участие в мятежах, чтобы привлечь внимание к своему тяжелому положению и потребовать перемен.

Группы населения могут действовать через собственные местные организации, такие как крестьянские коммуны и сельские советы, рабочие союзы, землячества, студенческие или молодежные организации, гильдии или профессиональные объединения. Но их мобилизацией могут также заняться гражданские или военные элиты, которые будут привлекать и организовывать население, чтобы бросить вызов власти.

Группы населения могут принять участие в городских шествиях, демонстрациях и захвате публичных мест. В XIX в. слова «На баррикады!» были призывом преградить путь войскам и не допустить их в «освобожденные» кварталы. Сегодня захват выглядит как заполнение толпами публичных мест в центре городов, таких, как площадь Тахрир в Каире. Рабочие также могут призывать к бойкотам и всеобщим стачкам. Если революционеры считают, что в столице власть слишком сильна, они могут организовать партизанские отряды в отдаленных горных или лесных местностях и постепенно накапливать силы.

Восстания, которые остаются локальными и изолированными, обычно легко подавляются. Но если восстание охватывает несколько районов и к нему присоединяются крестьяне, рабочие и студенты, а эти группы, в свою очередь, устанавливают связь с элитами, сопротивление может оказаться слишком массовым, чтобы власть могла справиться с ним сразу и целиком. Революционные силы могут сосредоточиваться в отдельных местностях, избегая столкновений с силами правительства в одних районах и нанося удары в других. В какой-то момент офицеры и рядовой или сержантский состав могут отказаться убивать собственный народ ради того, чтобы правительство сохранило власть, и тогда дезертирство или распад армии станут сигналом о скорой победе революционных сил.

Четвертый элемент — идеология, предлагающая убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления, объединяющая недовольство и требования населения и элит, устанавливающая связь между различными группами и способствующая их мобилизации. Идеология может принять форму нового религиозного движения: фундаменталистские религиозные группы, от английских пуритан и до джихадистов, часто находили оправдание мятежам, ссылаясь на аморальность правителя. Идеология может принять и форму секулярного нарратива борьбы с несправедливостью, подчеркивая права и указывая на невинные жертвы злоупотреблений. Это может быть нарратив национального освобождения. Какой бы ни была форма, действенные нарративы сопротивления подчеркивают чудовищную несправедливость режима, порождая в рядах оппозиции чувство единства и правоты своего дела.

Хотя элиты могут делать акцент на абстрактных понятиях, таких как пороки капитализма или значимость естественных прав, наиболее эффективные нарративы сопротивления опираются также на местные традиции и истории о героях прошлых времен, сражавшихся за справедливость. Американские и французские революционеры приводили в пример революционные истории времен Древней Греции и Древнего Рима. Кубинские и никарагуанские революционеры вспоминали первых кубинских и никарагуанских борцов за независимость — Хосе Марти и Аугусто Сесара Сандино. Исследования выявили интересный факт: чтобы объединять и мотивировать своих сторонников, революционным идеологиям не обязательно предлагать точный план будущего. Напротив, эффективнее всего работают расплывчатые или утопические обещания лучшей жизни в сочетании с подробным и эмоционально убедительным изображением невыносимой несправедливости и неизбежных пороков существующего режима.

Наконец, революции необходима благоприятная международная обстановка. Успех революции часто зависел или от иностранной помощи, поступавшей оппозиции в трудный момент, или от отказа в помощи правителю со стороны иностранной державы. И наоборот, многие революции терпели неудачу или были подавлены интервенцией, направленной на помощь контрреволюции.

Когда совпадают пять условий (экономические или фискальные проблемы, отчуждение и сопротивление элит, широко распространенное возмущение несправедливостью, убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления и благоприятная международная обстановка), обычные социальные механизмы, которые восстанавливают порядок во время кризисов, перестают работать, и общество переходит в состояние неустойчивого равновесия. Теперь любое неблагоприятное событие может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит, и тогда произойдет революция.

Однако все пять вышеперечисленных условий совпадают редко. Кроме того, их трудно распознать в периоды кажущейся стабильности. Государство может скрывать свое истинное финансовое положение, пока неожиданно не произойдет его банкротство; элиты, как правило, не афишируют свою нелояльность, пока не возникает реальная возможность для действия; а группы населения, бурлящие от внутреннего возмущения, скрывают, как далеко они готовы зайти. Нарративы сопротивления могут циркулировать в подполье или тайных ячейках; и пока не начинается революционная борьба, часто неясно, будет ли интервенция иностранных государств направлена на поддержку революции или на ее подавление.

Трудности с выяснением того, на что указывает внешняя стабильность — на устойчивое или неустойчивое равновесие — порождают парадокс революций. Задним числом, после того как революция уже произошла, кажется совершенно очевидным, насколько серьезное влияние на финансы правительств и элит оказывали экономические или фискальные проблемы; насколько отчуждены и далеки от режима были элиты; насколько распространены были чувства возмущения несправедливостью; насколько убедительными были революционные нарративы; и насколько благоприятной была международная обстановка. Причины революции можно расписать в таких деталях, что ретроспективно она покажется неизбежной. Однако на самом деле революции оказываются полной неожиданностью для всех, включая правителей, самих революционеров и иностранных держав. Ленин выступил с широко известным заявлением в январе 1917 г., всего за несколько месяцев до падения царского режима; сказав, что «мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»[3].

Это происходит потому, что обычно никому не дано предвидеть, когда совпадут все пять условий. Правители почти всегда недооценивают, насколько несправедливыми они выглядят в глазах населения и как далеко они оттолкнули от себя элиты. Если, чувствуя неладное, они прибегают к реформам, то это нередко лишь усугубляет ситуацию. Революционеры часто не до конца понимают фискальную слабость старого режима и масштабы поддержки оппозиции.

Им все еще может казаться, что борьба займет много лет, несмотря на то, что элиты и военные уже переходят на сторону оппозиции, а старый режим распадается. Вот почему, даже если революции задним числом кажутся неизбежными, обычно их считают невероятными и даже немыслимыми событиями, пока они не начинают происходить на самом деле.

Структурные и случайные причины революций

Эти пять условий вместе порождают неустойчивое равновесие. Однако они не являются причинами, поскольку не объясняют, что именно привело к образованию в режиме слабых мест на столь многих уровнях и в одно и то же время. Остается неясным, какого рода события порождают сочетание финансовых проблем, отчуждения элит, народного возмущения несправедливостью, распространения нарративов сопротивления и международной поддержки революционных преобразований. Исследователи, как правило, различают структурные причины и причины-поводы. Первые представляют собой долговременные и широкомасштабные тенденции, подрывающие существующие социальные институты и связи. Вторые — это случайные и непредвиденные события или действия отдельных индивидов и групп, в которых проявляется действие долгосрочных трендов и которые часто побуждают революционную оппозицию к дальнейшим шагам.

Одной из самых распространенных структурных причин революций считаются демографические сдвиги. В истории человечества до какого-то времени численность населения изменялась очень медленно и отставала от экономического и технического прогресса. В этих условиях прямое наследование служило весьма надежным механизмом смены правителей, воспроизводства элит и даже распределения рабочих мест, или профессий среди простых слоев населения. Однако, когда численность населения быстро растет в течение нескольких поколений, кумулятивный эффект этого процесса оказывает негативное воздействие на общественные институты. Земли и рабочих мест не хватает, рента повышается, а реальные доходы падают, что вызывает возмущение населения. Цены растут, а налоги собираются плохо, и правителю все труднее вознаграждать своих сторонников и содержать войска. Поскольку выживших детей у элиты становится все больше, наследство перестает обеспечивать средства к существованию для всех отпрысков в семье, и между ними разгорается конкурентная борьба за положение в элите. Наконец, непрерывный рост численности населения, часто называемый демографическим взрывом, приводит к появлению все более многочисленных когорт молодежи, которым трудно найти подходящую работу и которые легко поддаются влиянию новых идеологий и мобилизуются в целях социального протеста. Второй распространенной структурной причиной служат изменения в системе международных отношений. Войны и глобальная экономическая конкуренция могут ослабить режим и привести к власти новые группы. Революции часто шли волнами, сопровождая мировые или континентальные войны, как это было в Европе после Тридцатилетней войны, в первые десятилетия после Наполеоновских войн, после Первой и Второй мировых войн и по завершении холодной войны.

Изменения в составе и численности населения, а также в международных отношениях часто затрагивают сразу несколько стран того или иного региона, и большое количество государств одновременно впадают в состояние неустойчивого равновесия. Если в одном из таких государств происходит событие-триггер, то революционный взрыв сам может послужить событием-триггером для революций в других государствах. Поэтому революции часто шли волнами и быстро распространялись, перекидываясь с одной внешне стабильной страны на другую.

Третья структурная причина — неравномерное или зависимое экономическое развитие. Нормальным результатом экономического развития является установление большей степени равенства. Одни регионы или группы больше других выигрывают от новых технологий или новой экономической организации, но выгоду должны получать в какой-то степени все группы, и отстающие обычно догоняют остальных по мере распространения новой технологии и новых экономических моделей. Там, где экономический рост настолько неравномерен, что бедные слои и даже средние классы все больше отстают, в то время как небольшая группа быстро богатеет, или там, где экономический рост настолько зависит от иностранных инвестиций, что выгоден главным образом иностранным инвесторам и их партнерам, — в этом случае экономические преобразования будут повсеместно восприниматься как несправедливые, порождать недовольство населения и приводить к отчуждению элит и их расколу.

Четвертой, связанной с предыдущей, структурной причиной считаются новые способы вытеснения или дискриминации, применяемые в отношении отдельных групп. Неравенство присуще всем обществам. Однако честолюбивые индивиды стремятся улучшить свое положение, демонстрируя достижения в военной, образовательной или экономической сфере, и большинство обществ допускает определенную степень мобильности с тем, чтобы элита могла пополняться талантливыми новичками. Там, где с правовой дискриминацией сталкиваются целые группы — например, в обществах с наследственной знатью или этническими и религиозными меньшинствами, вытесненными из политики и каких-то областей экономики, — дискриминация должна официально признаваться и проводиться систематически, чтобы она могла восприниматься в качестве составной части нормального порядка.

И наоборот, новая или принудительно введенная дискриминация или притеснение могут подорвать легитимность режима и сделать целые группы населения врагами существующего общественного порядка. Если имеющиеся каналы социальной мобильности внезапно блокируются, если новые группы берут власть в свои руки и вытесняют прежние элиты или если численность и богатство какой-то группы быстро растет, не сопровождаясь ростом политических возможностей для этой группы, тогда равновесие становится неустойчивым, поскольку целая социальная группа начинает испытывать недовольство и стремится изменить социальную систему, которая, по ее мнению, поступает с ней несправедливо.

Пятой структурной причиной является эволюция персоналистских режимов. Во многих странах лидер, пришедший к власти либо на выборах, либо как глава военного режима или «партии-государства», становится со временем неотъемлемой частью системы. Манипулируя элитами и политическими институтами, чтобы оставаться у власти десятилетие за десятилетием, правитель начинает рассматривать себя как незаменимого национального лидера. Такие правители, как правило, ослабляют или отчуждают от себя профессиональных военных и деловые элиты, опираясь во все большей степени на узкий круг, состоящий из членов семьи и приближенных, которые получают высокие посты и огромное богатство благодаря системе личного покровительства. Режим, который первоначально опирался на выборы, военных или партию, превращается в персоналистскую диктатуру.

В таких режимах чем дольше правитель остается у власти, тем более коррумпированной она становится и тем большую выгоду извлекают из этого члены его семьи и близкие друзья. Правитель может утратить представление о реальности, и ему теперь безразлично, страдает или нет население от его экономической политики. По мере того как все большие слои элит и групп населения чувствуют притеснение и отчуждение, режим в их глазах становится нелегитимным и несправедливым. Когда экономический кризис ослабляет или провоцирует мятеж, такой правитель вскоре обнаруживает себя изолированным и покинутым собственными элитами.

Как персоналистские диктаторы, так и традиционные монархи часто становятся жертвами

совокупности структурных причин, известной как «дилемма диктатора». Правитель относительно бедной или отсталой страны зачастую должен наращивать военную и экономическую мощь, чтобы сопротивляться военному и экономическому давлению со стороны более развитых держав. Это требует создания более образованных и профессиональных армии и госаппарата, поощрения частной инициативы, увеличения приема в колледжи и университеты, расширения городов и коммуникаций и, возможно, привлечения значительных иностранных инвестиций.

Однако без надлежащего контроля это может привести к обострению общественных отношений. Более образованные специалисты, студенты и бизнесмены недовольны властью и фаворитизмом продажного диктатора, привилегиями приближенных элит и доходами, уходящими к иностранным инвесторам. Старые элиты могут попытаться остановить новичков. Развивающиеся частные предприятия могут согнать крестьян с их земель и составить конкуренцию традиционным ремесленникам. Растущее население городов трудно держать под контролем, и они становятся центрами распространения альтернативных идеологий. Модернизирующиеся диктатуры и монархии закладывают, таким образом, фундамент для активного противодействия своему собственному правлению; и если они дрогнут перед лицом войны и экономических кризисов или пойдут по пути вопиющей коррупции и репрессий, впереди их ждет революция.

В отличие от структурных причин, которые постепенно, в течение нескольких лет или десятилетий, приводят к неустойчивому равновесию, случайные

(transient) причины, или причины-поводы, представляют собой неожиданные события, выбивающие общество из колеи и нарушающие стабильность. Это могут быть такие события, как резкий скачок инфляции, особенно если он затрагивает цены на продукты питания; или поражение в войне; или бунты и демонстрации, бросающие вызов власти. В дополнение к этому реакция властей на протесты может привести к еще более массовым протестам. Репрессии эффективны, когда большинство населения считает протестующих экстремистами и государство расправляется с ними поодиночке. Но если в протестующих видят простых членов общества, а репрессии применяются слишком широко и без разбора, это может заставить элиту и население воспринимать власть как опасный, нелегитимный и несправедливый режим.

Перечисленные случайные события являются причинами революции в нестабильных странах, побуждая людей выступить против власти открыто и массово, и способны привести к ослаблению власти и ускорить переход элиты на сторону оппозиции. Впрочем, в десятках других государств такие события происходят ежегодно, не порождая революций. Все дело в том, что эти государства остаются жизнеспособными и общественный порядок в них восстанавливается, несмотря на любые кризисы. Таким образом, именно структурные причины, которые порождают подспудную нестабильность, исследователи считают основополагающими причинами революций.

Революция начинается тогда, когда режим слабеет, ключевые элиты переходят на сторону оппозиции, а революционеры во главе армий или народных мятежей захватывают власть. Впрочем, исход событий не предрешен, ибо революции — это не единичные события, а длительные процессы. Прежде чем положение стабилизируется, революции могут пройти через фазы контрреволюции, гражданской войны, террора и еще одного революционного взрыва. А результаты революций варьируют в диапазоне от демократии до новой диктатуры.

Глава 3. Революционные процессы, лидеры и результаты

Многие наблюдатели обращают основное внимание на истоки революций, ставя вопрос, что послужило причиной народных восстаний и почему старый режим потерпел крах. Но с падения старого режима драма революции только начинается. По мере развития революций их вожди добиваются успеха или сменяются другими вождями. Различные группы борются за власть и пытаются создать новые институты, и тогда часто происходят новые волнения и гражданские войны. О результатах революций никогда нельзя судить по их истокам. Результаты появляются в процессе самой революции.

Процесс революции

Революция начинается, когда власть теряет контроль над частью населения и территории, и он переходит к группам, требующим смены режима и устранения несправедливости. Территория, контролируемая оппозицией, может ограничиваться площадью в столице или региональном центре или представлять собой опорный пункт далеко в горах на краю страны.

В большинстве случаев эти начинания быстро подавляются, или все выливается в долгие годы бесплодной деятельности. Однако если страна уже находится в неустойчивом равновесии, а режим стоит перед лицом экономических или фискальных трудностей, имеет дело с недовольным населением и все менее лояльными слоями чиновников и элит, малые начинания вскоре приводят к потере новых территорий и переходу населения на сторону оппозиции. Это первая фаза революции: крах государства, утратившего контроль над обществом. И хотя не существует революций, которые развивались бы по одному и тому же сценарию, исследователи выявляют две главные модели краха режима: коллапс в центре и наступление со стороны периферии.

В случаях коллапса в центре режим ослаблен, причем обычно гораздо сильнее, чем может показаться на первый взгляд. Правительство может находиться на грани банкротства; оно теряет легитимность в глазах управленцев, военных и бизнес-элит, а население в последние несколько лет устраивает локальные протесты, рабочие стачки и крестьянские мятежи. Такие революции могут начинаться с крестьянских мятежей или восстаний в сельской местности, с демонстраций в городах или с вызовов, которые элиты бросают государственной власти. Их могут подстегнуть краткосрочные экономические спады или скачок цен, военное поражение, подтасованные выборы или новые и непопулярные действия правительства. Каким бы ни был первоначальный толчок, за ним в скором времени следует массовая демонстрация в столице.

Правительство пытается разогнать демонстрацию, но сталкивается с неожиданной трудностью: его усилия приводят к еще более крупным демонстрациям. Полиция неспособна своими силами справиться с беспорядками в городах, и правительство вынуждено обратиться к армии. Однако военные отказываются зачищать улицы; ключевые подразделения стоят в стороне, а некоторые могут даже дезертировать и перейти на сторону оппозиции. Бездействие военных служит для правителя, элит и населения сигналом, который сообщает о том, что режим беззащитен. Толпы выходят на улицы и захватывают столицу. Массовые демонстрации происходят в других городах и в сельской местности. Все эти события обычно разворачиваются в течение нескольких недель или, самое большее, нескольких месяцев. В этом случае правитель может бежать из страны, или его задерживают, а элиты при поддержке толпы или военных захватывают административные здания и формируют временное правительство. Среди примеров — французская и русская революции, европейские революции 1848 г., иранская исламская революция, восточногерманская и румынская антикоммунистические революции, «цветные революции» на Филиппинах и в Украине и арабские революции 2011 г. в Тунисе и Египте.

В случае наступления со стороны периферии разложение старого режима не столь очевидно. Однако группе элит, стремящейся свергнуть власть, удастся создать плацдарм в какой-то части страны, обычно в горной или лесной местности вдалеке от столицы. Находящаяся в сельской местности небольшая база может многие годы бездействовать. Если режим теряет устойчивость — слабеет экономически, терпит военные неудачи, становится нелегитимным в глазах все большего числа групп населения, утрачивает лояльность элит, то оппозиционное ядро растёт, завоевывая новых сторонников, а существующая власть лишается поддержки. Мятежники могут вести партизанскую войну, действуя в сельской местности и нанося удары по силам правительства, или устраивают показательные рейды, демонстрирующие слабость властей. Рабочие могут объявить стачку в поддержку мятежников.

В конце концов оппозиция превращается в регулярную армию, способную сражаться в гражданской войне и захватить столицу. Мятежники могут также придерживаться и тактики ненасилия и использовать все более массовые демонстрации, стачки и бойкоты для давления на правительство с требованием передачи власти. И в том и в другом случае главную роль могут сыграть иностранные державы. Если какие-то страны или группы стран вооружат и организуют оппозицию или если бывшие зарубежные союзники режима прекратят оказывать ему помощь, маятник может качнуться в сторону оппозиции. Когда равновесие нарушается не в пользу режима, в рядах правительственных сил начинается дезертирство и наблюдается падение морального духа и ослабление боеспособности. Этот процесс обычно занимает несколько лет, иногда более десятилетия. Но в конце концов, когда старый режим распадается и отступает, революционные силы захватывают столицу и устанавливают новый порядок. Среди примеров — американская революция, китайская коммунистическая революция, кубинская революция, индийское движение за независимость, никарагуанская революция и арабская революция 2011 г. в Ливии.

В последние годы появилась третья и новая модель — переговорная революция

(negotiated revolution). Такая революция может развиваться по сценариям революций, начинающихся с коллапса центра или наступления со стороны периферии, с массовых демонстраций в столице или завоевания контроля над локальными базами. Но вместо бегства правителя и передачи власти временному революционному правительству или поражения в гражданской войне режим признает свою неспособность справиться с оппозицией и вступает с ней в переговоры, предлагая стать частью нового, совместного порядка. Это может привести к новым выборам, в которых как правящая, так и оппозиционная партии будут добиваться мест в законодательном органе или совместных советах, в которые войдут и оппозиция, и прежнее руководство. Впрочем, безоговорочная поддержка населением революционной партии позволит ей доминировать в новых институтах, установить контроль над правительством или ввести в действие законы, изменяющие политический и экономический порядок. Среди примеров — южноафриканская революция против апартеида (которая началась с опорных баз в районах с преобладанием чернокожего населения), польская революция «Солидарности» (опорные пункты которой располагались в портах и католических храмах) и чехословацкая «бархатная революция».

Приходит ли революционное правительство к власти в столице, делая это стремительно, или ведет долгую борьбу, расширяя свою базу, чтобы затем сместить режим, в любом случае захват власти является лишь первой фазой революционного процесса. Вначале падение старого режима встречают ликованием. Во время «революционного медового месяца» люди пробуют на вкус свободу, всячески демонстрируют солидарность и дружбу с согражданами и в высшей степени оптимистический взгляд на будущее. Первые выборы при новом режиме вызывают огромное воодушевление, появляется множество новых партий и политических групп.

Однако революционному правительству придется принять крайне важные решения. Как выбирать лидеров, какими законами должны руководствоваться власти? Будет ли власть

централизованной, или она будет распределена между региональными и местными органами власти? В чьем подчинении будут находиться военные? Эти вопросы можно решить при помощи серии декретов или законов, но часто это предполагает составление и принятие новой конституции.

Решения требуют и другие вопросы. Какими должны быть отношения нового режима с другими государствами: следует ли ему искать новых союзников, или он должен продолжить борьбу с противниками старого режима? Будут ли осуществляться перераспределение собственности или смена государственной религии? Как новое правительство будет финансировать свою деятельность — с помощью прежних налогов или вводя новые, через захват собственности или распродавая государственные активы? Как следует поступить с оставшимися лидерами и сторонниками старого режима? Какие новые правила должны регулировать экономику, образование, СМИ, социальную сферу и роль меньшинств? И если старый режим сталкивался с финансовым, военным или экономическим кризисами, то какие меры должен принять новый режим для того, чтобы с ними справиться?

Этих вопросов так много, и они настолько значимы, что различные группы, совершившие революцию, редко приходят к согласию относительно способов их решения. Если сторонники старого режима в большинстве своем бежали из страны и не существует серьезных внешних угроз, революционные лидеры могут прийти к мирному урегулированию своих разногласий, найти время для переговоров о конституции, способной получить поддержку широких слоев населения, и разработать порядок участия или чередования во власти различных групп. Но это случается редко. Обычно разногласия по важнейшим вопросам приводят к размежеванию различных групп, и тогда революция вступает в фазу постреволюционной борьбы за власть.

Расколы нередко усугубляются кризисами, угрожающими существованию нового режима. Сторонники старого порядка, зачастую при поддержке иностранных держав, могут попытаться сместить новый режим с помощью контрреволюции. Региональные группы или меньшинства могут начать борьбу за расширение своих полномочий или против политического курса революционной власти. Эта борьба способна вызвать инфляцию или экономический коллапс. Может начаться гражданская война или война между государствами. Революционные лидеры часто будут очень по-разному смотреть на то, как следует реагировать на такие кризисы.

В ходе этой поляризации часто формируются умеренная и радикальная фракции. Первая может продолжить в том или ином аспекте политический курс старого режима и воздержаться от радикальных преобразований в экономической или социальной сферах. Однако в том случае, если война, экономический кризис или контрреволюция ставят под угрозу существование новой власти, такой политики бывает недостаточно. Если умеренная политика себя не оправдывает, лидеры этого толка будут дискредитированы, и поддержку среди населения получают радикалы, которые пообещают решить все вопросы с помощью чрезвычайных мер. На повестку дня выйдут жесткие действия, направленные на повышение доходов государства для защиты нового режима, а также на перераспределение собственности и принятие беспощадных мер в отношении внутренних и внешних врагов.

Эти конфликты обычно находят выражение и в идеологии: радикальные лидеры будут говорить о себе как о представителях «истинной воли» народа и революции и очернять умеренных лидеров и оппонентов, называя их реакционерами и предателями. Ранее принятые конституции и акты могут быть заменены более радикальными документами; в ходе многих революций одни конституции быстро сменяли другие. Новый режим обычно вводит новую символику и церемониал, новые формы обращения (например, «гражданин» и «товарищ»), новые официальные титулы, новое территориально-административное деление, переносит столицу и поддерживает новые формы в искусстве, одежде и языке.

Радикальные группы нередко смещают «умеренных» с помощью переворота или инсurreкции. Требуя лояльного отношения к своим взглядам и политическому курсу, они

могут прибегнуть к чисткам и террору, казням и заключению в тюрьмы многих тысяч людей. Революционеры часто начинают выяснять отношения между собой, отправляя в ссылку или осуждая на смерть бывших товарищей. Дантон, Троцкий, Сапата, Линь Бяо, Банисадр и Эскаланте — вот лишь некоторые примеры видных революционных лидеров, которых их бывшие соратники принесли в жертву богам революции.

Даже после того, как власть полностью переходит к радикалам, новая политика, которую они преследуют, может привести к экономической дезорганизации или спровоцировать гражданские войны или войны с другими государствами, означающими гибель тысяч или даже миллионов человек. Другие государства могут остерегаться распространения на своей территории взглядов и политики радикальных революционеров или считать, что дезорганизация сделает новый режим уязвимым с военной точки зрения. В любом случае очень высока вероятность того, что революционные режимы вскоре будут вовлечены в международные конфликты.

В какой-то момент радикалы одерживают победу либо терпят поражение. В любом случае новое правительство должно приобрести законный статус, чтобы люди могли вернуться к работе, а экономика начала нормально функционировать. Будь это радикалы и их наследники или новые умеренные правители, сменяющие радикалов, революционный режим становится «новой нормальной» властью. Люди начинают относиться к политике как к способу делать карьеру, а не как к идеологической борьбе, а правительство стремится занять свое место в международном порядке в качестве великой или региональной державы. После этой фазы консолидации ситуация налаживается, и революция кажется завершенной.

Однако спустя одно-два десятилетия старые радикалы или следующее поколение политиков могут решить, что новый порядок не отвечает идеалам революции. Они могут начать мобилизацию элит и других групп населения вокруг новых революционных мер, выступая с нападениями на чиновников и их политику и призывая к более радикальным экономическим и политическим действиям. Эта вторая радикальная фаза обычно не приводит к свержению революционного правительства, но возрождает его радикализм, который может привести к серьезным новшествам во внутренней и внешней политике, очередным волнам мобилизации населения и конфликтам. Вторая радикальная фаза обычно становится последним всплеском революционной энергии. При любом исходе — победе или поражении — то, что за ней следует, является реконсолидированной, стабильной версией революционного режима. Среди примеров — сталинская кампания коллективизации в 1930-х гг., культурная революция Мао в 1960-х гг. и национализации и земельные реформы Ласаро Карденаса, проведенные в 1930-х гг. в Мексике.

Революционное руководство: мечтатели и организаторы

Революционные лидеры являются стержнем исторического процесса, это фигуры, благодаря которым мы приходим к пониманию революций. На родине их часто прославляют как «отцов нации», и вокруг них может возникнуть культ личности. Некоторые — Вашингтон, Наполеон, Ленин — остаются в истории как герои, создавшие новые могущественные государства. Другие — Робеспьер, Сталин, Мао — как чудовища, которые слепо следовали своей идеологии и виновны в смерти тысяч и миллионов человек. Однако правильнее было бы сказать, что многие революционеры сочетали в себе оба элемента.

Поскольку задним числом многочисленные факторы, приводящие к неустойчивому равновесию, кажутся определяющими, роль революционных лидеров иногда приуменьшают, считая, что если старый порядок был обречен на крушение, то революционные лидеры,

по-видимому, нужны лишь для того, чтобы подобрать его обломки. Однако, чтобы воспользоваться нестабильностью и дезорганизацией и создать в этом хаосе успешное революционное движение и новый режим, требуется умелое руководство. При отсутствии лидеров, формулирующих и пропагандирующих новое видение общества, за экономическим кризисом или военным поражением, скорее всего, последует реставрация старого порядка с минимальными институциональными корректировками и настройками. Если революционные лидеры не смогут создать коалиций, охватывающих различные группы элит и населения, старый режим, вероятнее всего, нанесет поражение своим врагам, и никакой революции не произойдет. Таким образом, решения об умеренном либо радикальном политическом курсе, о начале войны или террора, о перестройке законов и общества, а также конечный успех и результаты революций находятся в руках революционных лидеров.

Революционные лидеры умеренного толка обычно являются выходцами из элиты, а порой и из самого режима. Это военные офицеры, законодатели или региональные чиновники. Часто они сторонники реформ, которые пусть и неохотно, но все же встают на путь революции, когда выясняется, что старый режим не идет на компромиссы, деспотичен или некомпетентен и не способен решить насущные проблемы страны. Радикальные революционные лидеры также обычно происходят из элиты, но из средних ее слоев — мелких чиновников, специалистов, студентов и лидеров местного значения. Это те самые люди, которые благодаря своему происхождению и образованию в более стабильные времена делают карьеру в политике, бизнесе или в рамках своих профессий. Как правило, в их жизни произошли события, которые их радикализировали: они сами или члены их семей могли стать объектом злоупотреблений со стороны правительственных чиновников или подвергнуться наказанию за политические взгляды. Это чаще всего горячие патриоты, остро переживающие проблемы общества, приводящие к неустойчивому равновесию. Поэтому они прилагают все силы к тому, чтобы найти способы выхода, и выступают за серьезные изменения в политике властей. Такие кампании часто приводят их к конфликтам с властями.

Революционные лидеры должны обладать специфическими качествами. Лидеры, обладающие видением будущего общественного устройства, как правило, плодовитые авторы и часто великие ораторы, бичующие пороки прежнего режима и приводящие убедительные аргументы в пользу перемен. Они рисуют картину несправедливостей старого общественного строя и абсолютной необходимости и неизбежности преобразований, которая способна мотивировать и объединять различные группы вокруг революции. Во время революции лидеры-мечтатели, которых также можно назвать визионерами, продолжают вдохновлять и направлять революционные силы. Среди таких лидеров — Томас Джефферсон, Робеспьер, Франсиско Мадеро, В.И. Ленин, Мао Цзэдун, Фидель Кастро, Хо Ши Мин, Махатма Ганди, Вацлав Гавел и аятолла Хомейни.

Лидеры другого типа — великие организаторы и вожди; именно они создают революционные армии и бюрократии и обеспечивают их снабжение и содержание. Лидеры-организаторы находят способ реализации идей лидеров-мечтателей, обеспечивая победу революции над врагами и осуществляя ее экономические и политические цели. Обычно это люди прагматического склада и часто выдающиеся полководцы. Среди таких лидеров — Джордж Вашингтон, Наполеон, Венустиано Карранса, Лев Троцкий, Чжоу Эньлай, Рауль Кастро, Во Нгуен Зиап и Лех Валенса.

Чтобы революция победила, ей необходимы лидеры обоих типов. Без лидеров-визионеров, вдохновляющих и объединяющих оппозицию, старый режим обычно изолирует и уничтожает своих разобщенных оппонентов. Без лидеров-организаторов враги, внутренние и внешние, легко побеждают революционные силы, а новый революционный режим загнивает и распадается из-за неэффективной политики и недостатка ресурсов.

В большинстве революций лидеры-визионеры и лидеры-организаторы являются партнерами, и, скорее всего, среди революционеров можно встретить несколько лидеров, выполняющих

эти роли. Но в некоторых случаях одна и та же фигура выступает и в роли лидера-визионера, и в роли лидера-организатора. Примерами служат Симон Боливар, Кемаль Ататюрк и Дэн Сяопин. Какую бы роль ни выполняли революционные лидеры, оценка их деятельности часто определяется результатами революций, которые они возглавляли.

Революционные результаты

Подчас оценить результаты, революции довольно трудно, поскольку непонятно, когда именно следует проводить оценку. Являются ли главным результатом русской революции 1917 г. миллионы, погубленные сталинской коллективизацией 1930-х гг.? Или же необходимо сосредоточить внимание на поразительном факте выживания Советского Союза после нападения нацистов и на превращении СССР к началу 1960-х гг. в одну из двух мировых сверхдержав? Следует ли считать крах Советского Союза в 1989-1991 неизбежным результатом русской революции, которая произошла семьдесятю двумя годами ранее, или же это результат неудачных решений, принятых Горбачевым и другими советскими лидерами в 1980-х гг.?

Является ли итогом американской революции 1776 г. конституция, принятая в 1787 г. и остающаяся в силе вот уже более двухсот лет? Или следствием революции и конституционных компромиссов нужно считать кровавую гражданскую войну 1860-х гг.?

Результаты революций многочисленны, многообразны и возникают на разных ее этапах. Важным результатом Американской революции принято считать создание демократии; однако на самом деле более половины населения в последующие сто с лишним лет (женщины и рабы) были лишены права голоса. Во времена пролетарской культурной революции Китай казался страной, разорванной на части и доведенной до нищеты внутренним конфликтом и идеологическим расколом. Однако через двадцать лет он уже находился на пути, который привел к современному чуду: страна стала второй крупнейшей экономикой в мире.

Несмотря на это многообразие, существует несколько общепринятых принципов, касающихся итогов революций. Первый принцип гласит, что результаты не проявляются слишком быстро. Процессы, описанные в предыдущем разделе, обычно занимают многие годы и даже десятилетия. После падения старого режима проходит в среднем десять-двенадцать лет, прежде чем начинает вырисовываться облик стабильного нового революционного режима.

Во-вторых, революции подразделяют на несколько типов, с характерными, присущими им результатами. «Социальные революции» предполагают перераспределение больших массивов собственности, а к власти приходят ранее притеснявшиеся социальные группы. Масштаб перемен неизменно приводит к попыткам контрреволюции и требует для консолидации преобразований сильного режима. Поэтому возникают высокоцентрализованные, авторитарные государства, часто партии-государства или коммунистические режимы. Как правило, они выдвигают социальные программы, которые нацелены на достижение более высокого уровня экономического равенства, перераспределение земли или коллективизацию, ликвидацию неграмотности и реформу образования, а также меры по развитию здравоохранения. Они часто проходят через периоды быстрой индустриализации и экономического роста и основаны на жестком центральном руководстве, однако если не проводятся рыночно-ориентированные реформы, этот рост существенно замедляется и заканчивается экономической стагнацией. Примерами могут служить французская, мексиканская, русская, китайская коммунистическая, кубинская, эфиопская и иранская исламская революции.

«Антиколониальные революции» предполагают восстание против иностранных держав, контролирующих ту или иную территорию, и нацелены на создание нового независимого государства. Помимо завоевания независимости они приводят к неоднозначным последствиям внутри страны — одни ведут к демократиям, другие — к военным режимам или гражданским диктатурам, третьи — к коммунистическим режимам. Своим появлением — и это роднит между собой их результаты — новые национальные образования подрывают господствующую систему международных отношений. Потеря территории часто ослабляет бывшую метрополию, в то время как новые государства могут превратиться в полноправные региональные державы. Другие державы могут стремиться к улучшению своего положения через союз с новыми государствами или пытаться поставить их под свой контроль. Антиколониальные революции, таким образом, практически всегда приводят к важным изменениям в международных отношениях, которые затрагивают многие государства. И если колониальные режимы других государств тоже достигли состояния неустойчивого равновесия, всего одна антиколониальная революция может поднять волну таких революций, которая прокатится по всему континенту. Среди примеров — американская, гаитянская, латиноамериканская, алжирская, индийская, вьетнамская, индонезийская, ангольская и мозамбикская революции.

«Демократизирующие» революции нацелены на свержение авторитарного режима — коррумпированного, неэффективного и нелегитимного — и замену его более вменяемым и представительным правлением. Они не мобилизуют своих сторонников, взывая к классовым антагонизмам (крестьяне против землевладельцев, рабочие против капиталистов), но заручаются поддержкой всего общества. Демократизирующие революции, могут начаться с избирательной кампании или с протестов против мошенничества на выборах. В них отсутствует идеологическая страсть, присущая революциям, вожди которых считают себя творцами нового общественного строя или нового государства. Поэтому они обычно носят ненасильственный характер и не приводят ни к гражданской войне, ни к радикальной фазе, ни к революционному террору. К сожалению, отсутствие жесткой борьбы означает, что власть попадает в руки нескольких различных групп, ни одна из которых не желает принимать меры, необходимые для консолидации власти и укрепления нового режима. Эти революции обычно плывут по течению; лидеры оказываются во власти коррупции и междоусобных разборок, а конечным результатом таких революций становится псевдодемократия, которая характеризуется либо часто сменяющимся руководством, либо возвращением авторитарных тенденций. Это особенно заметно в странах, которые не имели опыта демократии. Среди примеров европейские революции 1848 г., китайская республиканская революция 1911 г., антикоммунистическая революция в Советском Союзе, «цветные революции» в Украине, на Филиппинах и в Грузии, а также арабские революции в Тунисе и Египте в 2011 г.

Не все революции принадлежат к названным главным типам. Например, революции 2011 г. в Ливии и Сирии начинались как демократизирующие, однако высокая степень этнической и племенной лояльности населения своим правителям привела к гражданской войне. Турецкая революция, Реставрация Мэйдзи и революция Насера в Египте, — все они стремились заменить традиционные монархии или империи современными национальными государствами с конституциями и светскими правительствами, однако все в конечном итоге привели к военным режимам.

Как правило, революции приводят к демократии в обществах, уже имевших опыт демократического правления, а также там, где нет серьезных угроз в виде контрреволюции и гражданской войны. И наоборот, чем выше в рамках нового режима уровень поляризации и конфликта между соперничающими группами и чем сильнее приверженность революционных лидеров какой-то конкретной идеологии или этнической идентичности, тем менее вероятно, что результатом революции станет демократия.

Приверженность к какой-то конкретной идеологии или этнической идентичности делает новые революционные режимы особенно нетерпимыми к меньшинствам, которых часто превращают

в козлов отпущения, сваливая на них вину за нерешенные социальные проблемы и объявляя их предателями или врагами. В некоторых случаях, таких как нацистская революция в Германии и кхмерская революция в Камбодже, нападки режима на меньшинства доходили до геноцида. Расовым и религиозным меньшинствам обещают многое, но для постреволюционных обществ подлинное равенство не характерно. Например, как в США после эмансипации, так и в коммунистической Кубе чернокожее население продолжало страдать от дискриминации, несмотря на провозглашенное формальное равенство.

Еще одной областью, в которой результаты революций неизменно разочаровывали своих сторонников, являются права женщин. В течение долгого времени женщины устраивали шествия, демонстрации и боролись наряду с мужчинами за социальную справедливость. В 1789 г. парижанки пошли походом на Версаль, требуя продовольствия и достойных условий существования для своих семей и детей, а в 1791 г. Мари Гуз опубликовала «Декларацию прав женщины». В Мексике ведущими организаторами и авторами политических работ были Долорес Хименес-и-Муро и Эрмила Галиндо. Тысячи женщин сражались в революционных армиях как

soldaderas [4]. В России и Германии Александра Коллонтай, Надежда Крупская и Роза Люксембург входили в руководство коммунистических и социалистических партий. На Кубе важную роль в революции играли Селия Санчес и Вильма Эспин, а в Никарагуа более 30% вооруженных сандинистов составляли женщины.

Сольдадеры — женщины Мексиканской революции.

В обмен на исключительное мужество и жертвы революционные лидеры часто обещают женщинам равное положение в новом революционном режиме. Однако вплоть до настоящего времени все происходит таким образом, что как только революционный режим берет власть в свои руки, мужчины неизменно захватывают большинство главных политических, военных и экономических постов, а женщин уговаривают вернуться в семьи и заниматься исключительно домашним хозяйством. Даже там, где женщинам предоставляется возможность получить образование, работу и войти в профессиональное сообщество, их труд оплачивается хуже, чем труд мужчин, и им все еще приходится выполнять большую часть обязанностей, касающихся воспитания детей и ведения домашнего хозяйства. И хотя в некоторых случаях в результате революций женщины становились национальными лидерами — примерами служат Индира Ганди в Индии, Виолета Чаморро в Никарагуа и Корасон Акино на Филиппинах, — они добились этого как преемницы своих отцов или мужей, видных политиков, и были не в состоянии изменить доминирующий патриархальный характер своих обществ. Как и этнические и религиозные меньшинства, женщин систематически обманывали, обещая им равенство. Успеха же они достигали только тогда, когда организовывали собственные массовые кампании в защиту избирательных и других прав.

В историческом развитии человечества революционные процессы и результаты эволюционировали. Идея гражданства, берущая начало во времена революций в древнегреческих городах-государствах, получила новую жизнь в эпоху Возрождения, а затем воодушевляла революции XVIII в. в Америке и Франции. Мечта о социализме, появившаяся на свет в XIX в., повлияла на коммунистические революции XIX и XX вв. Возникшая в Европе идея национализма как права этнических сообществ на самоуправление в более поздний период породила антиколониальные революции против европейских держав. Иначе говоря,

революции оказывали постоянное влияние на политику, государства и международные отношения, способствуя их пересмотру и корректировке.

Не будь революций, не было бы и современного мира демократических и конституционных правительств, борьбы за свободу и права человека и концепций гражданства и национального государства. Однако за это пришлось заплатить высокую цену. В результате французской революции более миллиона мужчин и женщин погибли в восстаниях, гражданских войнах и войнах между государствами. Из тех, кто жил в предреволюционной Франции, погиб примерно каждый двадцатый. Десятки миллионов погибли в мексиканской, русской и китайской коммунистических революциях, примерно каждый десятый в каждой из этих стран. Некоторые недавние революции были не такими кровавыми, например, «бархатные революции» против коммунизма в Восточной Европе. В отличие от них, во время революции красных кхмеров в Камбодже, в ходе войны и в результате геноцида, погибло почти 30% населения. Таким образом, революции заслуживают того, чтобы рассматривать их не только как героические, но и как трагические события.

Глава 4. Революции в Древнем мире

Революции почти так же стары, как мир. Попытки свергнуть власть ради большей социальной справедливости и заменить одну совокупность государственных институтов другой предпринимались начиная со времен, от которых до нас дошли самые первые записи о государстве и налогах, то есть со времен египетских фараонов. Однако по мере того, как характер правления менялся, менялись и революции. Со временем изменилось даже представление (и среди революционеров, и среди политологов) о том, что влекут за собой революции. В разные эпохи термин «революция» означал все что угодно — политические преобразования, восстановление естественного порядка, насильственные и необратимые политические изменения, а сегодня он означает еще ненасильственное отстаивание демократических прав.

Революции от фараонов до Греции и Рима

Царствование Пиопи II, последнего фараона Древнего царства, в XXII в. до н.э., по-видимому, закончилось революцией. Фараон терял власть, которая переходила к местным магнатам, и, когда центральное правление ослабло, люди начали нападать на дома богачей и захватывать их имущество. Магистратов изгоняли из канцелярий, а дворцы грабили. Древний папирус, описывающий это событие, повествует, как, посреди голода и разрухи, пал общественный строй: «Бедняк полон радости. В каждом селении говорят: „Свергнем начальников среди нас...“ Теперь сын знатного человека ничем не отличается от того, у кого нет такого отца... Смотрите, обладатели мантий [теперь] в лохмотьях, [а] у того, кто просил подаяние, наполненные до краев чаши... Царя прогнали нищие»[5]. Местные олигархии пришли к власти и правили более ста лет, пока новый фараон не основал первую династию Среднего царства. Во время египетской революции 2011 г. египтяне с гордостью рассказывали эту историю о первой известной миру народной революции, доказывая, что издавна боролись против несправедливости.

Археологи нашли также следы нападений на дворцы в восточном Средиземноморье в XIII в. до н.э., хотя и неясно, были это грабежи или революции. Однако ближе к VIII в. до н.э. в Греции мы находим неоспоримые свидетельства конфликта, который привел к

конституционным преобразованиям.

Примерно до 800 г. до н.э. стоимость бронзового оружия и колесниц была столь высока, что позволить их себе могли только аристократы. Цари правили, опираясь на аристократов и жрецов. По сути дела, в Египте, Персии и других странах правители заявляли о себе как о богах или полубогах. Население редко предпринимало попытки изменить природу правления.

По мере роста народонаселения развивалась торговля, и приобрести оружие стало проще. На смену аристократическим воинам на боевых колесницах пришла тяжеловооруженная пехота (гоплиты). Это подорвало господство аристократов, и в греческих обществах начались организованные конфликты между элитами и остальными группами населения. Эти конфликты приводили к периодической смене власти, а в некоторых случаях к важным изменениям государственных институтов. В период между 700 г. до н.э. и 100 г. н.э. революции впервые в истории стали вполне ординарными событиями.

Греки признавали пять главных форм правления: монархию, при которой царская семья притязает на наследственные права на власть; аристократию, при которой власть принадлежит привилегированной элите; тиранию (мы назвали бы ее диктатурой), при которой некий индивид получает власть при помощи силы и правит, делая все, что ему заблагорассудится; олигархию, при которой небольшая группа граждан (обычно самых богатых) устанавливает законы и принимает решения за всех остальных; и демократию, при которой все активные граждане мужского пола собираются вместе, чтобы принимать законы, судебные решения и выбирать лидеров. Платон и Аристотель наблюдали за этим разнообразием форм правления в Греции и писали о причинах, вызывающих смену режимов.

Причиной революции они считали социальную несправедливость. Платон доказывал, что наилучшее общество — это аристократия, основанная на личных достоинствах и добродетели; но когда аристократия, начиная заботиться о деньгах, а не о добродетели, она превращается в неэффективную, раздираемую соперничеством олигархию и свержается народом. Последний устанавливает демократию; но и демократия тоже, скорее всего, обречена на деградацию, так как при ней все преследуют только свои личные интересы. Наконец, дезорганизация открывает путь тирану, который захватывает власть. Аристотель называл множество различных причин, которые могут привести к революции, включая соперничество и интервенцию. Но главной причиной всегда является несправедливость: небольшое число богатых угнетает бедное большинство, либо бедное большинство нападает на богатых, оправдывая это демагогическими доводами. Для Аристотеля залогом стабильности был строй, поддерживающий равновесие между богатством, массами и добродетелью.

На практике многие греческие города-государства прошли через целый ряд революций, когда народные и олигархические партии боролись за власть. Эти революции часто вспыхивали сразу после окончания войн, особенно когда военное поражение ослабляло правящую партию. Как правило, аристократов свергал лидер-популист, становившийся тираном. Затем тирана свержало народное движение, составлявшее конституцию, целью которой было создание более сбалансированной, основанной на законе формы правления. Самые известные примеры — конституция Солона для Афин и конституция Ликурга для Спарты, отводившие главную роль принимающему законы собранию граждан мужского пола.

Во время Пелопоннесских войн, когда по всей Греции Афины и Спарта соперничали в борьбе за власть, они часто разжигали революции, чтобы свергать правительства городов, союзных их противникам (во многом подобно Соединенным Штатам и Советскому Союзу во время холодной войны). Великий древний историк этих войн Фукидид рассказывает, что большую часть Греции в этот период сотрясали революции. В книге третьей «Истории Пелопоннесской войны» он в деталях описывает революцию на острове Керкира (427 г. до н.э.), в ходе

которой проафинская демократическая группировка (освободившая рабов, чтобы те сражались на их стороне) боролась против проспартанской олигархической группировки (набиравшей для сражений наемников). Фукидид пишет, что (во многом подобно великим революциям, произошедшим в последующие века) революция на Керкире представляла собой кровавую бойню и хаос: «Смерть здесь царила во всех ее видах, и, как обычно бывает в такие времена, насилие не знало пределов»[6]. Мятеж закончился, когда Афины направили на Керкиру большую флотилию и демократическая группировка зверски расправилась со своими соперниками.

Слава Рима также берет начало в древней революции. По-видимому, первоначально городом-государством Римом правили этрусские цари. В конце VI в. до н.э. римляне восстали и изгнали последнего иноплеменного царя, заменив монархию правлением горожан, которое они называли республикой. Этот термин происходил от латинского

res publica, или «общественное дело», и указывал на то, что политика теперь не личное дело царей и знати, а предмет общей заботы. Революция породила режим, при котором аристократический Сенат предлагал законы, но при этом все граждане голосовали в Собраниях, избиравших главных представителей власти — консулов и трибунов — и принимавших законы.

Римская республика просуществовала в такой форме примерно пятьсот лет. Однако по мере завоеваний и роста населения, а также приращения подконтрольных городу земель, институты, обеспечивавшие участие граждан в управлении, функционировали все с б?льшим трудом. Несметные богатства доставались влиятельным сенаторам, а необъятная власть — военачальникам. Сенат испытывал все б?льшие трудности с контролем над высшими военачальниками, и народ потерял в него веру. В конце II в. до н.э. братья Гракхи, Тиберий и Гай, трибуны, избранные Плебейским советом, попытались провести законы, которые перераспределяли часть богатства патрициев в пользу простого народа. Эти деятели, которых иногда превозносят как первых в истории социалистов, были за все свои старания убиты, а их планы так никогда и не осуществились.

Заседание Сената в Риме (Fresco painting by Cesare Maccari in the Palazzo Madama, Rome, Italy)

После этого высшие военачальники, бросив вызов Сенату, попытались завоевать народную поддержку. В 49 г. до н.э., после ряда военных побед за рубежом, которые принесли ему славу и популярность, Юлий Цезарь не подчинился решению Сената, освобождавшему его от обязанностей командующего, и ввел армию в Рим. В течение следующих пяти лет он сражался со своими оппонентами, завоевал Египет (и его царицу Клеопатру) и добился от Сената предоставления ему более широких и постоянных полномочий. В 44 г. до н.э., согласно Плутарху и Шекспиру, он был убит группой сенаторов, которые опасались дальнейшего усиления его власти.

После смерти Цезаря его племянник Октавиан, пользуясь популярностью Цезаря в народе и у находившихся в Риме солдат, развязал несколько гражданских войн, чтобы нанести поражение всем врагам своего дяди. Когда в ходе так называемой римской революции Октавиан добился единоличной власти, он завершил процесс ослабления власти Сената и Собраний и заложил политическую основу Римской империи.

Октавиан принял имя Цезаря Августа. И хотя он позволил существовать Сенату и Собраниям, Август все чаще приписывал себе божественные атрибуты и тем самым ставил свои решения выше любых других законов или институтов. Август взял под контроль назначение военных и

гражданских начальников и поставил на ключевые посты родственников и ближайших сторонников. Новая имперская система стала основой для порядка, существовавшего почти две тысячи лет. Все римские и византийские императоры, а позднее европейские короли заявляли о своем «божественном праве» на правление.

Римская религия, во времена Августа подражала грекам с их многобожием, поэтому обожествление Августа поставило его в ряд героев или полубогов — многочисленных потомков олимпийцев. Однако, когда в империи возникло христианство, божественное происхождение королей стали вести от единого истинного Бога и его сына Иисуса Христа, которые, как считалось, наделили королей божественным правом на власть над людьми в качестве своих земных регентов. Это ставило королей выше любых человеческих законов и превращало восстание против законных помазанников из политического конфликта в еретическое деяние. В результате граждане стали подданными, а революции прекратились более чем на тысячу лет.

Прекращение революций при императорах и королях с 1 г. н.э. по 1200 г. н.э.

В Древней Греции и Италии не было плодородных земель. На этих полуостровах были горы и болота, но не было долин с протекавшими по ним реками и равнин, которые составляли основу богатых империй в Египте, Месопотамии, Персии, северной Индии и Китае. В то время, как города-государства Греции и Рима развивались как небольшие, в какой-то степени эгалитарные общества, обладавшие опытом революций, составлявшие конституции и развивавшие концепцию гражданства, в других цивилизациях ничего подобного не происходило. По сути дела, где бы ни возникали обширные империи, власть принимала форму божественно санкционированного наследственного правления. Правитель всегда был неимоверно богат и могуществен благодаря назначаемой бюрократии из числа влиятельных чиновников, обычно действовавшей совместно с иерархией жрецов. В таких бюрократически-аграрных империях часто вспыхивали крестьянские волнения и региональные восстания, но речь всегда шла о династической смене власти, а не о революциях.

В этих империях правящая семья периодически сталкивалась с проблемой сохранения власти. Как и в случае с Пиопи II, местные «бароны» стремились усилить собственную власть за счет ослабления центра. Иногда экономика испытывала трудности, вызванные непрерывным ростом народонаселения; возникавший вследствие этого дефицит земли приводил к тому, что крестьяне с трудом могли прокормить свои семьи, а элиты и имперская власть не получали доходов. Тогда элиты, виня во всех бедах несправедливого правителя, призывали к реформе. При этом такие империи, как правило, превозносили идеал золотого века, который связывали с эпохой основания империй или со священными книгами. Поэтому, когда совершалась какая-то несправедливость, когда народ бедствовал и возникали административно-хозяйственные кризисы, диагноз неизменно гласил, что правитель отошел от традиционных ценностей. В Китае говорили, что правитель «потерял мандат небес», перестав соответствовать конфуцианским добродетелям. Поэтому восстание против власти, приводившее к власти нового правителя, влекло за собой административные реформы, которые должны были создать более эффективную версию древней идеализированной модели. Так к власти приходила новая династия, но ее политические институты были всего лишь слегка реформированным вариантом институтов предшествующего режима.

Эта модель превалировала в эллинистических царствах, которые возникли в восточной части Средиземноморья и центральной Азии после того, как Филипп Македонский и Александр Великий покончили с независимостью греческих городов-государств и создали обширную

империю. Той же модели следовала исламская цивилизация, включая Персию, арабский халифат и исламские династии Северной Африки и Испании, а также турецкую Османскую империю. По сути дела, первым ученым, предложившим детально разработанную теорию династических циклов, стал арабский социолог XIV в. Ибн Хальдун. Той же модели следовали классическая Индия, Византийская империя, существовавшая в восточном Средиземноморье, и императорский Китай. Та же модель была принята и в Европе времен Римской империи, начиная с правления Августа.

Были, правда, и немногочисленные исключения, когда переход династических полномочий от одной правящей семьи к другой действительно носил характер революции, а борьба за справедливость порождала новую модель режима и к власти приходили новые группы. Два таких исключения все еще продолжают оказывать влияние на современную политику.

Одним из них была борьба за власть в ранней исламской империи, известная как «аббасидская революция». После смерти пророка Мухаммеда в 632 г. его последователи избрали главу мусульманской общины, халифа. При первых халифах ислам распространился по всему Ближнему Востоку. Четвертым халифом был Али, двоюродный брат, зять и ближайший из оставшихся в живых родственник Мухаммеда. Однако в 661 г. Али был убит. После его смерти о своих притязаниях на власть заявил наместник Сирии, основавший династию Омейядов. В следующем веке при омейядских халифах ислам получил распространение на территории от Испании до Персии. Однако Омейяды столкнулись с многочисленными мятежами, самый известный из которых был организован последователями Али. Эти приверженцы (по-арабски

shī'a) Али утверждали, что халифат должен продолжать прямую линию наследования от пророка и поэтому омейядские халифы нелегитимны. Младший сын Али Хусейн ибн Али поднял восстание против Омейядов, но в 680 г. потерпел поражение и был убит в сражении под Кербелой.

Однако Омейяды столкнулись с новыми вызовами. Несмотря на то что их империя быстро расширялась, они продолжали отдавать предпочтение арабам и особенно сирийцам, считая неарабское население мусульманами второго сорта и не допуская их к государственным постам. Они подняли налоги до крайней отметки и были обвинены в нечестивом поведении. Народное сопротивление правлению Омейядов постоянно нарастало, и в его центре находились ревностные мусульмане, желавшие вернуть халифат потомку пророка и предлагавшие считать равными всех мусульман, особенно персидских новообращенных. Сформировав военный отряд в Персии, последователи Абу аль-Аббаса (утверждавшего, что он потомок пророка по линии дяди) в 750 г. разгромили Омейядов. Завоевав власть, новый правитель перенес столицу из Дамаска в Багдад, где аббасидские халифы правили следующие пятьсот лет и при которых произошло слияние арабской и персидской культуры, породившее золотой век ислама. Остатки Омейядов бежали в Испанию, где создали альтернативный халифат в Кордове.

Отношение Аббасидов ко всем мусульманам, признававшим халифат, как к равным было социальной революцией и сохранялось в течение многих столетий вплоть до времен Османской империи, которая в XV в. заявила о своих притязаниях на халифат и перенесла столицу в Стамбул. Все, кто признавал власть Аббасидов и, позднее, османский халифат, известны как мусульмане-сунниты. Однако значительная часть мусульман не признавала притязаний Аббасидов на то, что они являются потомками пророка, и продолжала искать спасителя и будущего халифа в линии, которая шла от Али. Они известны как мусульмане-шииты и все еще отмечают годовщину мученической смерти Хусейна в битве при Кербеле в святой день Ашуры. В XVI в. иранская династия Сефевидов, стремясь оправдать свои притязания на власть в борьбе с османами, приняла шиизм в качестве государственной религии и соединила иранский национализм с шиитской верой. Конфликт между суннитами и шиитами и сегодня продолжает играть важную роль в политике на Ближнем Востоке и в

Северной Африке, оказывая влияние на современные революционные движения в Бахрейне, Иране, Ираке, Ливане, Сирии и других странах.

Еще одной революцией, которая все еще оказывает влияние на современность, была Маккавейская революция 164 г. до н.э. После смерти Александра Великого еврейские земли в Палестине перешли к сирийской династии Селевкидов. Селевкиды поддерживали греческую религию и культуру, которые казались привлекательными даже многим евреям. Вожди евреев разделились на тех, кто признавал греческие обычаи, и на фундаменталистов, настаивавших на строгом следовании традиционному еврейскому закону. В 167 г. до н.э. селевкидский царь Антиох IV решил покончить с еврейскими традициями и насильственным образом установить греческие законы и культ. Он объявил вне закона жертвоприношения в храмах, обрезание, соблюдение субботы и еврейских праздников, публичные чтения Торы и попытался ввести поклонение языческим богам в еврейском храме. Некоторые евреи, ссылаясь на могущество Антиоха, согласились на перемены. Другие были готовы умереть, но не предавать традиции. Группа под предводительством еврейского священника Маттафии и его сыновей в поселении близ Иерусалима объявила, что они «Маккавеи» (молот), и решили сражаться за восстановление иудейского культа и избавление от Селевкидов.

История Маккавеев похожа на описание современной революции. Маккавеи начали с партизанской войны против сил Селевкидов. Одержав первые победы, они сформировали регулярную армию под командованием сына Маттафии Иуды и его братьев. Они разработали настоящую визионерскую идеологию оппозиции, основанную на книге пророка Даниила, и выставляли Иуду в качестве нового Иисуса Навина, который, согласно Библии, освободил Ханаан. Превосходя противника в моральном духе и тактическом умении, они нанесли ряд поражений значительно превосходящим военным силам Селевкидов, а также ловко использовали разногласия в стане Селевкидов и извлекли выгоду из союзов со Спартой и Римом.

В 164 г. до н.э. Маккавеи захватили Иерусалим и отпраздновали победу, очистив храм от всех языческих культов. Вновь зажженный храмовый огонь, согласно легенде, горел восемь дней, хотя запаса масла должно было хватить всего на день. Война продолжалась с перерывами еще двадцать три года, пока не был изгнан последний сирийский гарнизон. Маккавеи основали в Палестине новую еврейскую династию, восстановили обрезание и другие еврейские законы и расширили границы своего царства, которое включало теперь все земли, составляющие сегодня территорию Израиля к северу от пустыни Негев. Вплоть до сегодняшнего дня евреи торжественно отмечают эти события, устраивая Праздник Огней, известный как Ханука. Маккавейская революция служит, вдохновением для евреев, стремящихся сохранить независимое государство Израиль. Впрочем, несколько поколений спустя еврейской независимости был положен конец: в 63 г. до н.э. в Израиль вторгся римский полководец Помпей.

После Августа, несмотря на региональные восстания и гражданские войны, которые вели между собой римские военачальники, и раскол Римской империи на западную (латинскую) и восточную (греческую), в течение нескольких столетий революций не происходило. Власть Рима и Византии, квазибожественный статус императоров и умелые действия их легионов более тысячи лет сдерживали народные волнения. Даже после того, как западная Римская империя распалась из-за вторжений франкских и германских племен, Карл Великий, восстановив империю в Европе, охватывавшую части территорий Франции, Германии и Италии, заявил о своих притязаниях на королевский римский титул. В 800 г. он был коронован папой римским как священный римский император, получив звание, на которое затем, вплоть до Великой французской революции, претендовали все его преемники.

Когда германская и французская ветви империи Карла разделились, германская ветвь продолжала претендовать на императорское достоинство. Между тем короли Франции и Англии также заявляли о своем божественном праве, и их действительно считали носителями

божественной силы, например, способными исцелять золотуху с помощью королевского прикосновения. Революция как метод политической борьбы вернулась в Западную Европу только после появления новых городов-государств в Италии в эпоху Возрождения и распространения религиозного скептицизма в эпоху Просвещения.

Глава 5. Революции в эпохи Возрождения и Реформации

После распада империи Карла Великого доминирующую роль в Европе играли три центра силы и три правителя — король Франции, император Священной Римской империи и папа римский (с растущей папской территорией в Италии). В ходе столкновений между этими империями вдоль линии, протянувшейся от центральной Италии и далее вверх через южную и центральную Германию до Нидерландов, торгово-ремесленные поселения превращались в торговые города, а самые сильные из них провозглашали себя свободными городами-государствами. Первые и наиболее влиятельные города-государства возникли в Северной Италии. В них появились новые группы торговцев, которые боролись со старой землевладельческой аристократией, расходясь с ней по вопросам религии и политики. Это привело к многочисленным революциям.

Революции в Италии эпохи Возрождения

Флорентийская республика была основана в 1115 г., когда население восстало против власти маркграфа Тосканского. Город богател, и в нем выделились две главные политические группировки: гибеллины, представлявшие земельную аристократию, и гвельфы, богатые торговцы и главы крупнейших гильдий. В 1250 г. гвельфы отстранили гибеллинов от власти и заставили аристократов снести возведенные ими башни. Затем, в 1260 г., после поражения, нанесенного им соседним городом Сиеной, правление гвельфов закончилось, и к власти вернулись гибеллины. Но это тоже длилось недолго, поскольку беззакония гибеллинов вызвали народные восстания, а папское вторжение вскоре помогло вернуть к власти гвельфов.

В 1378 г. восстание низших слоев общества во главе с работниками шерстяных мастерских

(*ciompi*) привело к свержению гвельфов. Работники взяли штурмом тюрьмы и административные здания и провозгласили правление народа. Правление чомпи во Флоренции — возможно, самое демократичное в течение всего этого периода — продолжалось почти три года, пока они не были смещены партией во главе с Сальвестро Медичи.

Это классовое противостояние завершилось в начале 1400-х гг., когда семья Медичи, богатевшая благодаря тому, что выполняла роль папских банкиров, и завоевавшая вечную славу в качестве блестящих патронов ренессансного искусства, постепенно получила контроль над Флоренцией. Медичи властвовали во Флорентийской республике вплоть до 1494 г., когда в Италию вторгся король Франции Карл VIII. Пьеро Медичи (известному в истории под именем Пьеро Невезучего) пришлось пойти на унижительную капитуляцию и принять все требования Карла, затем он был свергнут самым фанатичным из революционных лидеров Флоренции — Джироламо Савонаролой.

Савонарола был монахом доминиканского ордена и одним из первых религиозных

фундаменталистов. Он горячо желал чтобы Флоренция стала «градом Божиим». Поэтому Савонарола разоблачал мздоимство среди духовенства, осуждал эксплуатацию бедных и приказал устроить «костер тщеславия», на котором были публично сожжены накладные волосы, косметика, картины и даже древние языческие манускрипты. На протяжении четырех лет под влиянием пламенных проповедей Савонаролы Флоренция управлялась как христианская республика, законом которой служило Евангелие. Однако Савонарола зашел слишком далеко; его претензии на пророчества поссорили его с папой, который отлучил его от Церкви. Народ устал от жизни в чрезвычайных условиях и выступил против Савонаролы, повторившего судьбу многих других революционеров. В 1498 г. его оппоненты захватили власть и начали судебное преследование монаха по обвинению в ереси и подстрекательстве к бунту. Когда приговор был подтвержден папой, великого проповедника повесили и сожгли на городской площади.

Повешение и сожжение Джироламо Савонаролы во Флоренции в 1498 г. (Private Collection / @ Look and Learn / The Bridgeman Art Library)

В последовавшие несколько десятилетий Медичи вернулись к власти во Флоренции и, хотя были ненадолго изгнаны еще одним народным мятежом в 1527-1530 гг., в конце концов покончили с республикой, став герцогами Флоренции, а позднее великими герцогами Тосканы.

Хотя Флоренция была местом, где революции в тот период происходили чаще всего и носили наиболее ожесточенный характер, повсюду в Италии партии, связанные с элитами или различными группами населения, боролись за власть. Преимущество часто переходило от одной партии к другой, и победившую партию иногда поддерживал папа, а иногда император. По сути дела, современное слово «революция» ведет свое происхождение из того времени, когда итальянцы начали называть частый переход власти от одной группировки к другой

revolutio (от лат.

revolvere, делать регулярные обороты или периодически возвращаться).

Революции в эпоху Реформации

Савонарола был не единственным монахом, которому претила коррупция в рядах духовенства. В Германии радикальный вызов коррупции и земной власти папы бросил Мартин Лютер, монах и профессор теологии. После этого Реформация охватила всю Европу, породив лютеранские и другие группы, которые часто выступали против католических правителей в борьбе за политическую власть. В частности, последователи Жана Кальвина, теолога-реформатора из Женевы, проповедовали власть, которая была бы «Божьей» и добродетельной, а не служила порочному папству. В некоторых случаях, включая голландское восстание против Испании в 1560-х гг. и английскую революцию в 1640-х гг., кальвинисты стояли во главе политических революций во имя добродетели.

Английская революция была первой революцией в истории Нового времени, в ходе которой король был предан суду и казнен. В конце XVI и начале XVII вв. быстрый рост населения в Англии привел к снижению доходов и значительному расширению Лондона. В то же время повышение цен и государственных расходов вынудило корону продавать земли и титулы, в

результате чего численность элит увеличилась, и они все громче выражали недовольство своим положением. Эти элиты, представленные в парламенте, вступили в конфликт с королем по вопросам религии и налогов. К 1638 г. король Карл I распустил парламент, повысил своим указом налоги, установил жесткое и авторитарное правление в Ирландии, подверг репрессиям английских кальвинистов (пуритан) и, что было самой большой ошибкой, попытался навязать пресвитерианской Шотландии англиканское богослужение. Когда шотландцы подняли в знак протеста армию, Карлу пришлось созвать распущенный ранее парламент и попросить у него денег на войну.

С 1640 по 1642 г. лидеры парламента требовали все больших политических уступок в обмен на деньги. Но Карл сопротивлялся любым посягательствам на свою власть. К лету 1642 г., когда борьба обострилась, парламент создал собственную армию, которая опиралась на милицию в графствах и поддержку лондонского Сити. В ответ Карл поднял в августе свой флаг в Ноттингеме и собрал армию, состоявшую из лояльных роялистов. В результате началась гражданская война.

Оливер Кромвель, блестящий полководец, прозванный «старым кирасиром» (или «железнобоким»), привел парламентские силы к победе. Вдохновленные пуританскими проповедниками, Кромвель и его армия стремились к созданию добродетельного, Божьего государства. Через несколько лет после суда над Карлом I и его казни в 1649 г. Кромвель стал лордом-протектором. В период республики палата лордов была, как и монархия, аннулирована, а кальвинистская церковь получила статус государственной. В 1649 г. парламент провозгласил, «что люди, ходящие под Богом, являются источником всякой праведной власти; что Общины Англии, избранные народом и представляющие народ, обладают верховной властью в этой стране»[7].

Оливер Кромвель. Национальная портретная галерея (Лондон)

Но Кромвель тоже не смог договориться с парламентом, и спустя пять месяцев после того, как собрался его собственный первый парламент, Кромвель распустил и его и поделил страну на военные округа, в которых правили назначенные им генерал-майоры. После его смерти народ захотел вернуться к нормальной жизни, и в 1660 г. в страну был приглашен сын Карла, который занял трон в качестве короля Карла II. (Возможно, до нормальной жизни было все же далеко — роялисты, исполненные чувством мести, извлекли тело Кромвеля из могилы в Вестминстерском аббатстве, заковали в наручники и вздернули на виселице, а затем обезглавили.)

Изображение головы Оливера Кромвеля на шесте, конец XVIII века

Английская революция и ее последствия стали источником вдохновения для самых глубоких трудов по политической теории, когда-либо выходивших на английском языке, включая «Ареопагитику» (1644) Джона Мильтона, в которой тот защищал свободу слова; «Левиафана» (1651) Томаса Гоббса — одну из первых работ, исследовавших политику в терминах общественного договора и содержащую аргументы в пользу основанной на разуме абсолютной власти суверена и необходимости избегать гражданского насилия; и «Два трактата о правлении» (1689) Джона Локка — труда, в котором защищались естественные права человека.

Джон Локк (1632-1704) - выдающийся английский философ-материалист и педагог

Локк был одним из английских мыслителей, внесших значительный вклад в самую, по-видимому, важную революцию той эпохи — «Славную революцию» 1688-1689 гг. С тех пор как в середине XVI в. Генрих VIII порвал с папством, Британия была протестантской страной. Государственной религией было англиканство, а публичное католическое богослужение объявлялось вне закона. Однако многие британцы, включая членов королевской семьи, исповедовали католическую веру. В 1685 г. Карл II умер, не оставив детей, и королем стал его брат-католик Яков II. Яков пытался восстановить влияние католицизма в Британии, реформируя университеты и назначая католиков на ключевые посты в правительстве. Ссылаясь на божественное право, он объявил, что может по своему желанию делать исключения из любых законов, принятых парламентом. Вскоре парламент был распущен. Обеспокоенный ростом пуританских колоний в Северной Америке, Яков отозвал их хартии и объединил все колонии Новой Англии, добавив к ним Нью-Йорк и Нью-Джерси, в один доминион — Новую Англию под властью королевского губернатора.

После того как в 1688 г. у Якова родился наследник, группа британских протестантских лидеров, опасаясь продолжения линии католического наследования, предложила свою поддержку Вильгельму Оранскому, протестантскому правителю Нидерландов, если он введет армию в Англию и сместит Якова. Вильгельм был женат на дочери Якова Марии, и ему было обещано, что в случае успеха они смогут совместно править Англией. В конце года Вильгельм высадился с большой армией на южном побережье Англии. Поставленный перед фактом вторжения и сраженный дезертирством приближенных, Яков бежал во Францию. Парламент постановил, что Яков тем самым отрекся от престола, и предложил Вильгельму и Марии занять трон в качестве короля и королевы.

Однако истинное значение этой революции проявилось в Акте о веротерпимости и Билле о правах, которые были приняты парламентом в 1689 г. Билль о правах наделял парламент правом устанавливать порядок престолонаследия и границы полномочий короны во внутренних делах, включая запрет на налогообложение без согласия парламента, запрет на содержание постоянной армии без такого же согласия; кроме того, он наделял протестантов правом иметь оружие. Билль определял права парламента, включая свободу слова в парламенте и требование регулярных парламентских выборов, и предоставлял подданным права, включавшие надлежащее назначение жюри присяжных и запрет на чрезмерные суммы залогов и жестокие и неоправданные наказания. Акт о веротерпимости расширил границы религиозной свободы. Хотя он не разрешил публичных богослужений для католиков и позволил только англиканам занимать государственные должности и посты в университетах, акт положил конец раздорам между англиканской церковью и рядом других протестантских деноминаций. Акт предоставлял всем протестантским сектам, признававшим Святую Троицу, право открыто проводить свои богослужения, не подвергаясь при этом штрафам. Это позволило баптистам, пресвитерианам, квакерам и индепендентам занять видные места в экономической и общественной жизни Англии. Из Билля о правах (1689)[8]:

«[духовные и светские лорды и общины] заявляют, для восстановления и подтверждения своих древних прав и вольностей, нижеследующее:

1. Что притязания на власть приостанавливать законы или исполнение законов королевским повелением, без согласия парламента, незаконны.
2. Что притязания на власть изъятия от законов или исполнения законов королевским поведением так, как эта власть присваивалась и применялась в недавнее время, незаконны.

3. Что учреждение суда комиссаров по церковным делам и всякие другие учреждения и суды подобного рода незаконны и пагубны.
 4. Что взимание сборов в пользу и в распоряжение короны, в силу якобы прерогативы, без согласия парламента или за более долгое время или иным порядком, чем установлено парламентом, незаконно.
 5. Что обращаться с ходатайствами к королю составляет право подданных, и всякое задержание и преследование за такие ходатайства незаконно.
 6. Что набор или содержание постоянного войска в пределах королевства в мирное время, иначе как с согласия парламента, противно закону.
 7. Что подданные протестантского исповедания могут носить оружие, соответствующее их положению, и так, как дозволено законом.
 8. Что выборы членов парламента должны быть свободны.
 9. Что свобода слова, прений и всего того, что происходит в парламенте, не может подать повода к преследованию или быть предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте, кроме парламента.
 10. Что не допускается требование чрезмерных залогов, ни наложение чрезмерных штрафов или жестоких и необычайных наказаний.
 11. Что присяжные должны быть вносимы в списки и призываемы к очереди надлежащим порядком, и присяжные, решающие судьбу человека в делах по измене, должны быть свободными землевладельцами.
 12. Что всякие пожалования и обещания из сумм, ожидаемых от штрафов и конфискации до осуждения, незаконны и недействительны.
 13. И что для пресечения всяких злоупотреблений и для улучшения, укрепления и охранения законов парламент должен быть созываем достав точно часто.
- И они признают за собою, требуют и настаивают на всех этих пунктах и на каждом из них в отдельности, как на своих несомненных правах и вольностях...»

Трудно переоценить значение этих актов. Впервые со времен Августа божественное право королей было публично отвергнуто, а законы, принятые парламентом, поставлены выше воли короля. По сути дела, парламент объявил, что обладает правом на возложение короны. После нескольких столетий, когда власть королей в Европе крепла, когда такие монархи, как Людовик XIV во Франции, Фридрих Вильгельм I в Бранденбурге-Пруссии и Филипп IV в Испании, ослабили роль своих парламентов и ввели режим абсолютного правления, в Британии права парламента были решительно поддержаны. И в противовес практике, установленной Вестфальским договором 1648 г. и все более твердо проводившейся в большинстве стран Европы, когда монархи могли выбирать государственную религию и навязывать ее своим подданным, Акт о веротерпимости гарантировал свободу вероисповедания некоторым группам диссентеров, не входившим в официальную англиканскую церковь. И хотя революционеры утверждали, что всего лишь восстанавливают традиционное равновесие между королевской властью и парламентом, принятые ими акты легли в основу многих идей, составивших сердцевину революций, которые произошли в следующем веке в Америке и Франции.

Глава 6. Конституционные революции: Америка, Франция, Европа (1830 и 1848 гг.) и Япония

С древнейших времен и до XVII в. включительно революционеры считали себя борцами за справедливость и творцами новых режимов, но никогда не выходили за рамки традиции. Иначе говоря, они могли свергать короля или сражаться за правление, которое поддерживало одну религию против другой, или даже создавать свободную республику и бросать вызов местным королям или герцогам, но они никогда не боролись против монархии как таковой или самой религии как несправедливых институтов. Ради сохранения порядка революционеры неизменно опирались на поддерживаемую государством религию и на ту или иную форму традиционной власти.

Самые радикальные революции в Древнем мире, благодаря которым были созданы города-государства и конституции Афин, Спарты, Рима и других республик, опирались на местные обычаи и религию. Лидер пуританской революции в Англии Оливер Кромвель, при котором был казнен король и провозгласили республику, выступил, тем не менее, в 1654 г. в защиту «разрядов и чинов, которыми Англия славилась веками... Дворянин, джентльмен, йомен; их достоинства, они важны для нации, и в величайшей степени!»[9] А революционеры 1688 г., создавшие то, что мы ретроспективно называем конституционной монархией, то есть режим, в котором монарх связан законами, принятыми избранным парламентом, не лелеяли ни самой идеи, ни плана конституции. Они считали, что просто возвращают традиционное для Англии равновесие сил между короной и парламентом, которые должны править совместно, и называли свою революцию «Славной», полагая, что она восстановила порядки золотого века.

Представление о революции как полном разрыве с прошлым, а также о том, что революционеры могут по своей воле создать нечто совершенно новое и установить правление, опирающееся на принципы разума, а не на обычаи или религию, принадлежит исключительно Новому времени.

В XVII и XVIII вв., когда благодаря научным открытиям люди стали со скепсисом относиться к религиозному авторитету и верить скорее разуму и практическому опыту, изменились и представления, касающиеся правления. Из новых идей следовали революционные выводы. Сомневаясь в том, что правители обладают божественным правом на власть, люди начали рассматривать монархию просто как древний обычай, не имеющий обязательной силы для современного человека, а церкви — как институты, созданные людьми для избранных ими способов богослужения, а не как божественные установления, которым следует безоговорочно подчиняться. Подъем скептицизма и секуляризма изменил и характер революций — революционеры теперь нападали на права королей и права церквей как таковые, а также составляли конституции, основанные на разуме и концепции естественных прав, чтобы освободить мужчин (но все еще не женщин) от этих властных институтов.

Американская революция

Британские колонии Северной Америки были основаны в начале 1600-х гг. торговыми компаниями и религиозными группами, которые стремились освободиться от британского общества, а именно пуританами в Новой Англии, квакерами в Пенсильвании, католиками в Мэриленде и колониями-плантациями в Виргинии. Однако все колонии получали хартии от британской короны, и хотя они избирали собственные местные законодательные органы, ими, как подданными короны, продолжали править британские губернаторы. Колонии быстро развивались и процветали благодаря торговле табаком, зерном, хлопком, лесом и мехами.

Продвигаясь на запад, в Аппалачи, британские войска сыграли главную роль в разгроме французов и их союзников индейцев во франко-индейской войне (1754-1763), по итогам которой колонии получили все земли к востоку от Миссисипи.

Война оказалась дорогостоящим предприятием, и британское правительство было полно решимости возместить расходы за счет колонистов, введя новые налоги на колониальную торговлю и товары. Когда колонисты отказались платить новые налоги (в частности, проведя акцию протеста, в ходе которой ящики с британским чаем были сброшены в Бостонскую гавань), между мятежниками и лоялистами вспыхнули острые разногласия. Если лоялисты поддерживали британское господство, то многие колониальные элиты, от владельцев виргинских плантаций до нью-йоркских и бостонских банкиров и адвокатов, а также группы простого населения были возмущены тем, что, не спросив их мнения и не получив согласия, их заставили платить за британские войны.

Американские колонисты полагали, что обладают правами, завоеванными англичанами во время революции 1688-1689 гг., в частности правом иметь собственный избранный парламент, который и должен давать согласие на введение налогов и править совместно с королем. К 1770-м гг. многие в Америке считали, что живущий далеко за морем король является деспотом, а основные свободы граждан нарушаются. Ораторы произносили пламенные речи о правах и свободах. Возможно, наибольшей известностью пользовался смелый призыв Патрика Генри, который убеждал своих собратьев-виргинцев поддержать дело революции: «Неужели жизнь дорога, а мир сладок настолько, чтобы платить за них кандалами и рабством? ...Дайте мне свободу или дайте мне смерть!»[10].

В памфлете Томаса Пейна «Здравый смысл», опубликованном в январе 1776 г., доказывалась абсурдность того, что остров, такой как Британия, притязает на правление континентом, таким как Америка. Все люди, писал Пейн, созданы равными и не обязаны сохранять лояльность королю, который живет далеко за морем и которому безразличны нужды американцев, а Америка должна созвать континентальный конгресс и принять хартию независимости. В июле американские лидеры именно это и сделали, опубликовав написанную Томасом Джефферсоном «Декларацию независимости». В ней утверждалось, что Георг III — несправедливый король, который нарушил «самоочевидные... права» американцев «на жизнь, свободу и стремление к счастью», и что задачей правительства, «черпающего свои законные полномочия из согласия управляемых», является обеспечение этих прав[11].

Эти экстраординарные суждения — что власть королей исходит не от Бога, а всякая власть должна опираться на согласие управляемых, — привели к восьмилетней войне с Британией, которая хотела силой доказать свои притязания на королевское правление. Джордж Вашингтон, блестящий полководец колонистов, собрал пеструю по составу армию и руководил ею в те несколько лет, когда пределом всех мечтаний было само выживание страны. В конце концов, Франция решила отомстить за свое поражение во франко-индейской войне, оказав помощь колониям в борьбе с Британией сначала деньгами, а затем и военной интервенцией.

В конце 1781 г. американская и французская армии при поддержке французского флота осадили британскую армию при Йорктауне в Виргинии. Полностью окруженный и лишенный подкреплений, британский генерал Корнуоллис капитулировал. Вашингтон и его союзники взяли в плен семитысячное войско британцев. Эти потери оказались решающими. Шесть месяцев спустя британский парламент проголосовал за окончание войны, и американские колонии получили независимость.

В конце 1770-х гг. тринадцать колоний начали принимать новые конституции. Эти конституции стояли в ряду самых демократических из всех когда-либо существовавших: они порывали с европейскими традициями, ставя вне закона любое деление людей по чинам и титулам.

Многие включали билли о правах, защищавшие граждан от произвола власти и предоставлявшие право голоса широкому кругу граждан мужского пола (в Нью-Джерси даже временно предоставили право голоса женщинам, но отказались от этого пункта в 1807 г.). Отношения между штатами регулировали «Статьи конфедерации», ратифицированные в 1781 г.

Однако почти сразу стала очевидной неполнота принятых «Статей». В них недоставало правил, регулировавших торговлю между штатами и устанавливавших единую валюту, а центральное правительство было слишком слабым, чтобы оказывать штатам помощь в погашении долгов или организовать национальную оборону. Поэтому в 1787 г. в Филадельфии собрался конвент, задачей которого стало составление новой федеральной конституции.

Подписание Конституции Соединенных Штатов Америки, 1787 г. (Painting by Howard Chandler Christy Architect of the U.S. Capitol)

Поскольку большинство лоялистов бежали в Канаду, новой власти не грозила серьезная внутренняя контрреволюция, а когда были отозваны британские войска, исчезла и угроза иностранного вторжения. В этих благоприятных условиях идея сильной центральной власти казалась спорной. Дебаты об этом не прекращались, и были заключены многочисленные компромиссы, в том числе касавшиеся сохранения рабовладения. Но в «Записках федералиста», как сегодня называют этот шедевр полемического искусства, Джеймс Мэдисон, Джон Джей и Александр Гамильтон встали на защиту новой конституции. Ссылаясь на революцию, совершенную Римом в борьбе против иноземных царей, ставя под своими статьями в качестве подписи «Публий», они доказывали, что Америка должна стать представительной республикой с сенатом, палатой представителей и президентом, избираемыми правомочными гражданами посредством прямого или непрямого голосования. Новая конституция была ратифицирована В 1788 г., и позже в том же году Джордж Вашингтон был избран первым президентом Соединенных Штатов Америки.

Французская революция

Американская революция казалась европейцам событием радикальным, но происходящим где-то далеко. Однако вскоре революцией была охвачена крупнейшая страна Европы. Несмотря на успех в Американской войне за независимость, накопленные Францией военные долги и истечение срока действия налоговых мер военного времени привели к фискальному кризису. Когда французские суды и знать не согласились с введением новых налогов, король был вынужден созвать собрание из представителей всех трех сословий государства — духовенства, дворянства и простонародья, — чтобы найти решение проблемы.

Генеральные штаты собрались в мае 1789 г., после продолжавшегося целый год голода и вспыхивавших вследствие этого бунтов, и, как ожидалось, должны были заняться серьезными политическими и экономическими реформами. Однако Штаты немедленно разделились на враждующие лагеря. Духовенство и знать настаивали на голосовании по сословиям, чтобы их голоса всегда могли перевесить голоса простонародья, то есть третьего сословия. Однако среди представителей этого самого сословия было много людей свободных профессий и чиновников, которые хотели получить дворянские звания или находились в процессе их получения (XVIII в. был периодом достаточно высокой социальной мобильности) и были

возмущены тем, что с ними обращаются как с людьми второго сорта. Их возмущение разделяли аббаты и священники, которых высшестоящие епископы рассматривали как то же простонародье. Аббат Сийес писал: «Что такое третье сословие? — Всё. Чем оно было до сих пор в политическом отношении? — Ничем»[12].

Спустя несколько недель, когда дебаты зашли в тупик, представители третьего сословия объявили себя голосом всей нации. Преобразовав себя в Национальное собрание и пополнив свои ряды реформаторами из других сословий, они решили изменить облик Франции. Была принята Декларация прав человека и гражданина, и с 1789 по 1793 г. Собрание и последовавшие за ними Учредительное собрание и Национальный конвент отменили монархию и все феодальные привилегии. Король и королева были казнены, католическая церковь национализирована, а принадлежавшие ей земли распроданы. Франция (по примеру Соединенных Штатов) была провозглашена республикой под девизом «Свобода, равенство, братство». Французские революционеры считали, что повторяют подвиги первых римлян, которые свергли царя, и изображали своих вождей облаченными в тоги, а военачальников называли, используя древний римский термин, консулами.

К этим действиям их побудили народные восстания в Париже и провинциях. В 1789 г., опасаясь, что король распустит Национальное собрание, парижский люд взял в руки оружие и штурмовал Бастилию. 14 июля при помощи отряда солдат-дезертиров, в распоряжении которых были артиллерийские орудия, толпа захватила королевскую крепость.

Штурм Бастилии, 14 июля 1789 г. (Mary Evans Picture Library)

Иностранные державы забились тревогой и напали на новую республику. В самой Франции несколько провинций сопротивлялись национализации церкви и требованиям революционного правительства, что привело к гражданской войне. В этих трудных обстоятельствах радикалы создали Комитет общественной безопасности. Максимилиан Робеспьер и его коллеги по комитету возглавили царство террора, казнив в Париже и провинции несколько тысяч «врагов революции». Робеспьер отправил на эшафот даже нескольких своих собратьев-революционеров, но в конце концов сам близко познакомился с мадам Гильотиной, а радикалы были смещены и заменены более умеренным и прагматичным правительством.

После этого отряды французской армии рассеялись по всей Европе, повсюду подстрекая население к республиканским революциям. После 1801 г. революция перешла под контроль крайне популярного и талантливого генерала Наполеона Бонапарта. Наполеон, имевший звание консула, присвоил себе титул императора и, подобно древним римлянам, распорядился установить в ознаменование своих завоеваний триумфальные арки (

Arcs de Triomphe). Вандомская колонна в Париже, скопированная с колонны Траяна в Риме, служит основанием для статуи Наполеона, изображенного в тоге и с лавровым венком.

Победам Наполеона был положен конец в окрестностях Москвы, где он столкнулся с русской зимой и упрямым сопротивлением русских войск. После разгрома Наполеона в 1814 г. коалицией европейских держав он был отправлен в ссылку, и на французский трон вернулись Бурбоны.

К тому времени широкое распространение получила идея о том, что власть принадлежит гражданам, а не королям. Французская революция — с нападками простого люда на аристократов, революционным террором, созданием нового конституционного строя и военными успехами и экспансией в годы правления Наполеона — вскоре стала прототипом

революции для следующих поколений.

Даже во французской сахарной колонии Санто-Доминго на острове Гаити рабы и бывшие рабы, прочитав прокламацию о том, что все люди равны и наделены политическими правами, подняли восстание и потребовали свободы от владельцев плантаций и от Франции. После многих лет борьбы, которую возглавил Франсуа Туссен-Лувертюр, бывший раб, ставший богатым плантатором, остров завоевал свободу.

Европейские революции 1830 и 1848 гг.

В 1830 г. революция вновь вспыхнула во Франции, а также в Бельгии и Швейцарии. Во Франции и Бельгии революционерам удалось свергнуть правителей и установить конституционные монархии по образцу британской. В Бельгии монархия существует до сего дня, во Франции же она продержалась всего восемнадцать лет. В 1848 г. Европу захлестнула еще более мощная волна конституционных революций. Эти революции привели к провозглашению республики во Франции, конституционной монархии в Дании, новой федеральной конституции в Швейцарии. Абсолютные монархи были смещены в Пруссии, в государствах южной и западной Германии, в Австрии, Сицилии, Ломбардии, Венгрии и Румынии.

Во главе конституционных революций стояли люди свободных профессий и студенты, верившие в идеалы французской и американской революций и вдохновленные крестьянскими мятежами и восстаниями в городах. Последние вспыхивали из-за постоянного роста населения и скачков цен на продовольствие в 1847-1848 гг. Однако принадлежавшие к элите конституционные лидеры никогда не объединялись с другими группами населения. Не появилось ни одной широкой межклассовой коалиции, которая могла бы преодолеть сопротивление аристократических и военных элит, хранивших верность монархиям. В 1849 г. русские войска поддерживали контрреволюционные действия Австрийской империи и Пруссии, аннулировав большинство революционных завоеваний, достигнутых за пределами Франции и Дании. Успех этого контрреволюционного наступления заставил большинство историков назвать события 1848 г. проигравшей или неудавшейся революцией. Даже во Франции республика просуществовала недолго. Луи Бонапарт, племянник Наполеона, воспользовавшись именем своего выдающегося родственника, был избран в 1848 г. первым президентом Франции. Несколько лет спустя, подобно своему более знаменитому дяде, он организовал государственный переворот и провозгласил себя императором Наполеоном III.

С 1849 по 1871 г. в Европе царил консерватизм, и казалось, что время течет вспять по направлению к монархиям. Но события приняли другой оборот. В 1871 г., после того как Пруссия нанесла поражение Наполеону III во франко-прусской войне, жители Парижа объявили город революционной коммуной, свободной от власти императора. И хотя в конечном итоге революционеры были подавлены французской армией, сама армия не собиралась восстанавливать империю. Вместо этого она провозгласила Третью французскую республику. С тех пор Франция является республикой.

Идеи демократии и конституционного правления продолжали распространяться по Европе. В 1861 г. в конституционную монархию объединились итальянские государства, и даже прусский министр Бисмарк начал наделять конституционными правами население Германии. В 1918 г., после поражения Германии в Первой мировой войне, революция рабочих способствовала смещению последнего германского монарха и установлению Веймарской республики. Под конец Первой мировой войны все государства в Европе свергли абсолютные монархии, и все, кроме России, превратились в парламентские конституционные режимы.

Япония эпохи Мэйдзи

Конституционное правление пользовалось успехом и за пределами Европы. Связывая военный, технологический и экономический успех европейских держав с введением в них конституционного правления, реформаторы по всему миру желали, чтобы на смену империям и монархиям пришли конституционные режимы.

В Японии с начала XVII в. правили сёгуны из рода Токугава. Эти военные правители, находившиеся в столице Эдо (Токио), пользовались поддержкой аристократических губернаторов провинций (даймё) и привилегированного класса воинов (самураев), управлявших простыми крестьянами и ремесленниками. Однако в XIX в. власть сёгунов была ослаблена долгами перед торговцами рисом из Осаки, а некоторые даймё начали модернизировать свои вооруженные силы и административные органы, используя западные идеи и технологии. В 1852 г. коммодор военно-морских сил США Мэтью Перри привел в бухту близ Токио флотилию из современных боевых кораблей, имевших паровые двигатели. Это была впечатляющая демонстрация силы. Проигнорировав акцию сопротивления, он навязал сёгуну унижительный договор.

Решив, что режим сёгуната устарел и не способен защитить Японию, правители-модернизаторы южных провинций начали революционную войну с целью его свержения. Лидеры так называемой Реставрации Мэйдзи объявили о своей лояльности императору (который при сёгунах был чисто церемониальной фигурой) и о том, что стремятся к восстановлению верховенства его власти. Нанеся сёгунату, правившему более шести веков, поражение и придя к власти в 1868 г., лидеры Мэйдзи революционизировали японское общество и политическую жизнь: отменили титулы и привилегии самураев, создали законодательное собрание (диету) и в конце концов приняли новую конституцию.

Сто двадцать второй император Японии Мэйдзи (Муцухито)

Быстро усваивая западные методы обучения, военную организацию и технологию, но сохраняя при этом национальную культуру и национальную идентичность, режим Мэйдзи проводил ускоренную индустриализацию страны и развивал армию и военно-морской флот. В 1905 г. Япония нанесла поражение России, внушавшей когда-то страх своей военной мощью, что способствовало подрыву легитимности русского правительства и приблизило назревавшую русскую революцию.

Режим Мэйдзи, в свою очередь стал непосредственным источником конституционных преобразований в Китае, поскольку многие лидеры китайской республиканской революции 1911 г. получили образование в Японии. Находясь в Токио, лидер революции Сунь Ятсен организовал республиканскую оппозицию.

Томас Пейн о никчемности королей

В Англии король только и делает, что воюет и раздает должности; иначе говоря, разоряет нацию и сеет в ней ссоры. Хорошенькое занятие для человека, получающего в год восемьсот тысяч фунтов стерлингов и вдобавок боготворимого! Один честный человек дороже для общества и для Господа, чем все коронованные негодяи, когда-либо жившие на земле[13].
Здравый смысл (1776)

Томас Джефферсон о естественных правах

Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае если какая-либо форма правительства

становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье[14]. Декларация независимости (1776)

Конституция Мэйдзи 1889 г. о правах японских подданных, создающих конституционную монархию под управлением императора Японии

Статья 23. Ни один японский подданный не может быть арестован, задержан, допрошен или подвергнут наказанию иначе, как в порядке, определенном законом.

Статья 24. Ни один японский подданный не может быть лишен права быть судимым определенными законом судьями.

Статья 25. За исключением случаев, предусмотренных в законе, никто не может войти в жилище японского подданного или производить там обыск без его согласия.

Статья 26. Тайна переписки каждого японского подданного должна быть неприкосновенна, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Статья 27. Право собственности каждого японского подданного должно быть неприкосновенно.

(2) Меры, необходимые в общественных интересах, могут быть принимаемы не иначе, как в согласии с правилами, установленными законом.

Статья 28. Все японские подданные пользуются свободой вероисповедания в той мере, в какой это не нарушает общественного спокойствия и порядка и не препятствует исполнению гражданских обязанностей.

Статья 29. Все японские подданные пользуются в границах, установленных законом, свободой слова устного, письменного и печатного, общественных собраний и союзов[15].

Несмотря на то что конституционные революции не везде ожидал успех, они стали новым образцом для подражания. С этого времени «революция» означала не просто свержение тирана, но и уничтожение традиционного режима и замену его на новое, конституционное правление, основанное на всеобщих правах и согласии управляемых. Начиная со времени своего зарождения в Америке и Франции, эта модель продолжала распространяться по миру, и сегодня это доминирующий идеал революции.

Однако на протяжении почти всего XX в. с этим идеалом конкурировала другая модель — коммунистической революции.

Немецкий философ и журналист Карл Маркс и его друг фабрикант Фридрих Энгельс писали об ужасающем положении рабочих в Британии начала XIX в. Детский труд, рабочий день продолжительностью в 12 или даже 16 часов и однообразная работа на новых станках казались им проявлением бесчеловечности. Они сделали вывод, что, хотя революции XVIII и начала XIX в. свергли королей и добились принятия конституций, выгоды от этого получил только новый капиталистический класс банкиров, торговцев и промышленников. Маркс разработал теорию истории, трактовавшую прогресс как последовательность классовых революций: сначала капиталисты свергают королей и потомственную знать; затем, с той же неотвратимостью, должны подняться рабочие, которые свергают капиталистов. Маркс предсказывал подъем во всем мире рабочих революций против капиталистов и либеральных конституционных государств, которые должны быть заменены коммунистическими государствами. В последних вся собственность должна принадлежать обществу в целом, а не использоваться для эксплуатации широких рабочих масс и получения выгоды узким слоем капиталистической элиты.

Маркс был прав только отчасти. В Европе и Северной Америке рабочие действительно объединялись, но не для совершения революций: они вступали в союзы и поддерживали лейбористские и рабочие партии, которые повышали их зарплаты, сокращали продолжительность рабочего дня и добивались выплаты постепенно увеличивавшихся социальных пособий. Между тем во все еще слабо развитых в промышленном отношении и по преимуществу аграрных России и Китае интеллектуалы мечтали о большом скачке от крестьянских общин сразу к коммунистическому государству. Поэтому именно в оставшихся аграрными странами за пределами Европы и поднялась предсказанная Марксом волна коммунистических революций.

Русская революция

В XIX в. Россия была самой крупной и при этом самой отсталой страной Европы. Русские крестьяне оставались крепостными до 1861 г., но даже после своего освобождения им пришлось выплачивать немалые откупные землевладельцам. Промышленных центров было немного, они сконцентрировались главным образом в горнодобывающих районах Урала и фабричных районах Санкт-Петербурга и Москвы. Царь правил как абсолютный монарх с помощью чиновников-аристократов и армии.

В 1905 г., после поражения России в Русско-японской войне, в сельских районах вспыхнули крестьянские восстания, в Москве и Санкт-Петербурге начались массовые стачки, а в нескольких портах произошли бунты моряков. Хотя беспорядки были подавлены, режим был напуган и направил усилия на проведение политической и экономической реформы. Был создан совещательный выборный орган (Дума), начались земельные реформы. Но радикалам эти меры казались недостаточными. Владимир Ленин выдвинул идею коммунистической партии-авангарда, которая должна встать во главе рабочих и присоединившихся к ним крестьян, свергнуть царя и дворян и создать коммунистическое общество.

Реформы были прерваны Первой мировой войной. В это трудное время даже аристократы были неприятно поражены тем, что не отличавшийся большим умом царь Николай II и императрица Александра попали под влияние русского мистика и целителя Григория Распутина. Хотя Распутин в конце концов убили (что оказалось непростой задачей — его

отравили, затем застрелили, а потом еще и утопили), репутация царского двора в народе и среди элит была подорвана.

В 1914-1916 гг., после того как Германия нанесла русской армии ряд серьезных поражений, в которых погибло множество солдат, русские элиты задумались о необходимости большего контроля над политической жизнью, а население развернуло антивоенные протесты. В международный женский день 23 февраля (8 марта по новому стилю) 1917 г. тысячи женщин вышли на улицы, протестуя против дефицита хлеба в столице. На следующей неделе к ним присоединились сотни тысяч рабочих и студентов. Когда солдаты принялись стрелять в толпу, на сторону инсургентов, нападавших на полицейские участки и царских чиновников перешло несколько армейских подразделений. Дума убедила окружение царя, что только отречение Николая II восстановит порядок, затем было сформировано временное правительство. 3 марта царь отрекся от престола, что положило конец правлению династии Романовых.

Однако стремление временного правительства продолжить войну вызвало возмущение фабричных рабочих Москвы и Санкт-Петербурга, а также крестьян по всей стране. Рабочие, которые объединились в Советы, попали под влияние коммунистов. На сторону восставших начали переходить солдаты и матросы. Несколько месяцев спустя, в октябре 1917 г., ленинская коммунистическая партия-авангард (большевики) устроила бескровный государственный переворот: под покровом ночи ее сторонники захватили в столице почту, железные дороги и правительственные здания. 25 октября Россия, проснувшись, обнаружила, что у власти находится правительство коммунистов.

Но установить контроль над всей страной было не так просто. Пытаясь вырвать Россию из рук «красных», царские генералы создали контрреволюционную антикоммунистическую Белую армию. Коммунисты-ленинцы благодаря организационному гению Льва Троцкого создали из дезертиров, рабочих и крестьян Красную армию. Гражданская война бушевала с 1918 по 1921 г. и велась с обеих сторон самыми жестокими методами. Стремясь не допустить, чтобы царская семья стала центром сплочения противника, красные казнили всех, кто к ней принадлежал, в том числе детей. Убедив некоторых опытных царских офицеров перейти на их сторону, взяв под контроль центр и железные дороги, а так же опираясь на поддержку большей части рабочих и крестьян, Красная армия одержала триумфальную победу.

Плакат «белых», изображающий Льва Троцкого: смертельная красная опасность завелась на кремлевской стене, 1919 г. (Trotsky Archive Internet Photo Gallery)

Во время гражданской войны Ленин установил режим «военного коммунизма»: партия поставила под тотальный контроль экономику и присвоила все активы. После войны, стремясь ускорить восстановление разрушенной страны, Ленин проводил так называемую новую экономическую политику (НЭП), позволив крестьянам и мелким частным предприятиям продавать продукцию на рынке. Однако после смерти Ленина в 1924 г. вспыхнула борьба за власть между теми, кто хотел продолжать линию НЭПа, и теми, кто стремился к восстановлению полного коммунистического контроля над всеми секторами экономики. Победила последняя фракция во главе с Иосифом Сталиным, который стал новым вождем коммунистической партии.

В 1930-х гг. Сталин проводил в жизнь программу коллективизации всех крестьянских хозяйств, отбирая у них продовольствие, чтобы осуществить ускоренную индустриализацию. Миллионы крестьян погибли во время рейдов сталинских продотрядов, прочесывавших

сельскую местность в поисках запасов зерна и отправлявших все что можно рабочим в городах. Столкнувшись с оппозицией своему курсу, Сталин развязал кампанию террора, чисток, показательных процессов и казней, создав гигантскую систему «Гулага» из тюрем на всей территории Советского Союза. Даже Троцкому пришлось бежать, однако убийца настиг его и за океаном.

Усилия Сталина, направленные на создание современной индустриальной базы, помогли Советскому Союзу нанести поражение нацистской Германии во Второй мировой войне и стать мировой сверхдержавой в послевоенные годы, когда Советский Союз создал и поддерживал коммунистические режимы на всей территории Восточной Европы. Тем не менее еще до конца столетия ему самому было суждено пройти через революцию.

Коммунистическая революция в Китае

Мао Цзэдун, вождь китайской коммунистической революции, родился в 1893 г., на закате китайской империи. Сын торговца зерном, он поставил крестьянство в центр своей концепции революции. Мао совершил множество ошибок, и его политика стала причиной трагической гибели десятков миллионов человек. В то же время благодаря ему независимость Китая была восстановлена после столетия поражений и унижений со стороны иностранных держав, а созданная им коммунистическая партия привела страну к достижениям, обеспечившим китайской экономике второе место в мире.

В середине XVII в. маньчжуры с севера вторглись в Китай и основали династию Цин. Под властью этой династии Китай стал самой богатой страной мира и вызывал восхищение даже в Европе. Однако к XIX в. он превратился в отсталую страну, не сумев освоить новые западные технологии и вооружения. В 1840-х гг. европейские державы и Соединенные Штаты взяли под свой контроль заморскую торговлю Китая и навязали стране крайне невыгодные договоры. Когда в результате иностранного вторжения власть императора была поколеблена, а управлять империей стало все труднее из-за быстрого роста населения, в стране распространились антиманьчжурские настроения и начались беспорядки. В 1850-х гг. произошло великое Тайпинское восстание, опустошившее Южный Китай и погубившее миллионы человек. В 1900 г., когда Мао исполнилось семь лет, движение, которое выступало против иностранного засилья и которое называли «боксерами», устроило нападение на проживавших в Пекине иностранцев. В ответ американские и европейские войска оккупировали китайскую столицу и потребовали от правительства выплаты огромных компенсаций за причиненный ущерб.

Пытаясь справиться с упадком, династия Цин проводила реформы и модернизацию вооруженных сил, школ и бюрократии. В тот же период возникли революционные организации, ставившие своей целью смену императорской власти конституционным правлением. Эти организации пользовались поддержкой чиновников, бизнесменов, специалистов, студентов, рабочих и китайцев-эмигрантов, стремившихся свергнуть маньчжурских правителей и «усилить» Китай. С 1907 по 1911 г. в ходе так называемой китайской республиканской революции во многих городах и провинциях вспыхнули антиманьчжурские мятежи. В конце 1911 г. отряды «новой армии», появившейся благодаря недавним реформам династии Цин, дезертировали, перешли на сторону мятежников и установили контроль над несколькими крупными городами. (Мао Цзэдун, который был тогда подростком, ненадолго присоединился к одной из мятежных армий.) В январе 1912 г. было сформировано временное правительство Китайской республики. В феврале цинский император отрекся от престола, что завершило более чем двухтысячелетний период императорского правления. Первым президентом республики стал врач и интеллектуал, один

из главных лидеров антиманьчжурского движения Сунь Ятсен.

Новая республика просуществовала недолго: вскоре начался новый виток борьбы за власть. В 1912 г. пост президента захватил честолюбивый генерал цинской армии Юань Шикай. Вынудив Сунь Ятсена бежать в Японию, Юань поставил во главе провинций генералов. В 1915 г. он предпринял попытку восстановить монархию и занять императорский трон, но не добился успеха. Когда в 1916 г. Юань умер, Китай распался на отдельные территории, которыми управляли военачальники.

В следующем году Сунь Ятсен вернулся из Японии, полный решимости восстановить республику. К 1921 г. он сформировал военное правительство в Южном Китае под руководством созданной им Китайской Национальной народной партии (Гоминьдана). Когда в 1925 г. Сунь умер, лидером партии стал сражавшийся на его стороне генерал Чан Кайши.

Тем временем Мао вернулся к занятиям в школе. Окончив в 1918 г. училище, он перебрался в Пекин и примкнул к группе ученых, которые после победы коммунистической революции в России перешли на позиции марксизма-ленинизма. Мао стал одним из первых вождей основанной в 1921 г. Коммунистической партии Китая (КПК). Однако прошло не менее тридцати лет, наполненных организаторской работой и гражданской войной, прежде чем он пришел к власти.

С 1922 по 1927 г. КПК была союзницей Гоминьдана, и благодаря ей последняя получила советскую помощь. В 1926-1927 гг. коммунисты и националисты провели совместную военную акцию против милитаристских режимов провинций, известную как Северная экспедиция. Однако в 1927 г. Чан Кайши коварно предал своих союзников и развязал «белый террор» против коммунистов. В апреле тысячи людей были зверски убиты в Шанхае, а в последующие годы в стране подвергались травле и были убиты сотни тысяч коммунистов, а также те, кто сочувствовал коммунистам, кого подозревали в принадлежности к компартии, и многие другие.

Мао доказывал, что КПК должна воспользоваться крестьянскими волнениями, которые вспыхнули во время Северной экспедиции, и сформировать крестьянскую армию. В руководстве КПК ему возражали приверженцы ортодоксальных взглядов, считавшие, что ядром компартии может стать только промышленный пролетариат.

В конечном итоге идеи Мао доказали свою правоту. Вынужденный отступить вглубь страны, избегая столкновений с силами Чан Кайши, в 1930 г. Мао обосновался в провинции Цзянси на юге Китая. Проведя земельные реформы и сформировав крестьянскую Красную армию, Мао получил контроль над регионом и провозгласил его Китайской Советской Республикой. В следующем году в Маньчжурию вторглась Япония, вынудив Гоминьдан переключиться на защиту Китая от японцев. Тем не менее Чан Кайши не отказался от намерения очистить Китай от отрядов Мао.

В 1934 г. армия националистов сумела окружить советскую республику. Прорвав заслоны, восемьдесят тысяч коммунистов направились Великим маршем в отдаленный район Шэньси, еще одну опорную базу коммунистов в Северном Китае. Ведя постоянные бои и пройдя за год более шести тысяч миль по бездорожью, в пункт назначения прибыли всего около восьми тысяч человек. Однако испытания Великого марша сплотили руководство КПК, о стойкости которого слагались легенды.

Между тем Япония планировала дальнейшее продвижение вглубь Китая. В 1937 г. японские войска совершили полномасштабное вторжение, взяв Пекин, Шанхай и Нанкин. Стремясь завоевать поддержку широких слоев населения, коммунисты начали борьбу с японцами. Доведя численность своих войск до нескольких сотен тысяч человек, с 1937 по 1945 г. они вступили в патриотический союз с Гоминьданом против Японии. Однако разногласия между

Гоминьданом и КПК продолжали обостряться. Базой Гоминьдана служили города, и его вожди были коррумпированы, извлекая выгоду из щедрой помощи Соединенных Штатов. Основой компартии стали крестьянские общины, при этом ее вожди были в целом менее коррумпированы, чем вожди Гоминьдана, — они умело руководили теми территориями, которые находились под их контролем, и заботились об интересах населения.

Когда американцы в 1945 г. нанесли японцам поражение, гражданская война между Гоминьданом и КПК возобновилась. Получая весомую помощь от Советского Союза, КПК создала большую регулярную армию. Между тем коррупция в рядах националистов продолжала подрывать моральный дух и боеспособность армии Гоминьдана. Правительство националистов постоянно печатало деньги, что привело к галопирующей инфляции. Вдобавок оно относилось к населению районов, освобожденных от японцев, как к предателям, проводило широкие реквизиции и позволяло «близким друзьям» режима заниматься ростовщичеством. Отряды Мао продолжали теснить Гоминьдан и занимали одну территорию за другой. Наконец, в октябре 1949 г. Мао вошел в Пекин и провозгласил Китайскую Народную Республику. Чан Кайши и остатки националистов бежали на Тайвань.

Придя к власти, коммунисты продолжили курс на революцию. Следуя советской модели, они национализировали все сельскохозяйственные угодья и сформировали коллективные крестьянские хозяйства, а также попытались создать индустриальную базу, уделяя, как и Сталин, преимущественное внимание тяжелой промышленности. В период «Большого скачка вперед» в 1958-1960 гг. Мао разорвал отношения с СССР и объявил об особом экономическом пути Китая. В то время как Советский Союз настаивал на развитии производительных сил, строя гигантские чугуно- и сталелитейные заводы и новые центры промышленного производства, Мао ставил в центр экономического развития крестьянство. Мечтая о быстром сельскохозяйственном подъеме, он поощрял создание крестьянских коммун, которые должны были обеспечить значительное повышение уровня производства чугуна, стали и станков с помощью «маленьких плавильных печей на задних дворах». Но мечта Мао обернулась кошмаром, а его стратегия породила хаос: плохо сконструированные станки ломались, а крестьяне переплавляли сельскохозяйственные орудия, чтобы выполнить план по производству чугуна. Несобранный урожай и переплавка орудий труда привели к катастрофическому дефициту продовольствия. В то время как на пропагандистских плакатах изображались собирающие урожай румяные крестьяне, людям приходилось питаться травой, корой деревьев и насекомыми; десятки миллионов умерли от голода. В 1960 г. Мао поручил заниматься экономическим планированием своим более прагматичным коллегам Чжоу Эньлаю, Лю Шаоци и Дэн Сяопину.

Плакат-образец китайской революционной пропаганды периода «Большого скачка вперед»: богатый урожай во время голода, 1958 г. (International Institute of Social History, Amsterdam Call number: PC-1958-024 From the chineseposters.net/posters/pc-1958-024.php)

Положение дел улучшилось в начале 1960-х гг., но к 1966 г. Мао пришел к убеждению, что Китай становится слишком материалистическим и забыл о революционных идеалах. Поэтому он развернул кампанию, пропагандировавшую «перманентную революцию». Армия издала его «Красную книжечку» под названием «Цитаты Председателя Мао Цзэдуна», тиражи которой били все мировые рекорды и способствовали формированию культа личности Мао и популяризации его идей. Во время «великой пролетарской культурной революции» школы были закрыты, а десятки миллионов молодых людей стали «красными охранниками» (хунвейбинами), которых Мао призывал критиковать бюрократов из КПК, интеллектуалов, директоров заводов и специалистов. Мао ополчился на своих соперников в КПК, отстранив их от руководства. Миллионы студентов и высококвалифицированных специалистов, включая

Дэн Сяопина, были сосланы в деревню и должны были заниматься физическим трудом.

Спустя несколько лет, когда школы и фабрики перестали функционировать, а между соперничающими группировками «охранников» начались вооруженные столкновения, грозившие ввергнуть страну в гражданскую войну, армия решила восстановить порядок. Однако борьба за власть не утихла и велась между радикальной «бандой четырех» во главе с женой Мао и более прагматично настроенными партийными лидерами. В 1976 г. Чжоу Эньлай и Мао умерли. «Банда четырех» была арестована, что завершило вторую радикальную фазу революции. В 1978 г. новым лидером компартии стал Дэн Сяопин.

Прагматичный Дэн Сяопин развернул кампанию, нацеленную на полную перестройку китайской экономики. Для сдерживания бурного роста народонаселения была запущена программа «одна семья — один ребенок». Коммуны были расформированы, а земля отдана в аренду крестьянам, которым разрешили продавать излишки (продукции). Правительство поощряло селения и общины к созданию предприятий, им было позволено покупать и продавать продукцию по рыночным ценам. Были образованы специальные эксклавы для привлечения иностранных инвестиций и производства товаров на экспорт. Эта практика оказалась настолько успешной, что ее распространили по всей стране. Правительство направляло огромные инвестиции в инфраструктуру, недвижимость, энергетику и т.д., поощряло продажу акций и приватизацию государственных предприятий.

Сегодня КПК все еще находится у власти, но Китай больше не является коммунистическим обществом. Страна в экономическом отношении занимает второе место в мире с ее международными компаниями, многочисленным классом бизнесменов, стремящихся к получению выгоды, с рабочими и фермерами, которые направляют все силы на улучшение своего благосостояния. Партийные лидеры поговаривают о возможном переходе к демократии, однако в 1989 г. Дэн Сяопин жестоко подавил демонстрацию в защиту демократии на площади Тяньаньмэнь, и нет ни одного признака, свидетельствующего о том, что власть нынешнего партийного руководства слабеет. Однако темпы развития экономики замедляются, а недовольство коррумпированностью партийных чиновников растет, так что не исключено, что в будущем страну ожидает еще одна фаза революции.

Кубинская революция

В то время как сведения о десятках миллионов жизней, загубленных коммунистами, на протяжении десятилетий скрывались, быстрый экономический рост и растущая военная мощь России и Китая служили весьма привлекательным примером для лидеров развивающихся стран. Коммунизм стал предпочтительной идеологией для многих борцов за права бедняков, а также для тех, кто стремился к освобождению своих стран от господства западных капиталистических держав, будь то колонии или диктатуры, имевшие тесные связи с Западом.

В 1950-х гг. Фидель Кастро создал крестьянскую партизанскую армию и при поддержке рабочих сахарной отрасли сверг кубинского диктатора Фульхенсио Батисту, а затем установил коммунистический режим. Батиста создал на Кубе классический персоналистский режим. В 1952 г. он отменил намеченные выборы и захватил власть при помощи армии и опираясь на элиты, связанные с иностранными инвесторами. Сахар составлял 80% всего кубинского экспорта, и почти половину сахара производили фирмы, имевшие собственников в США. Помимо этого, американцы владели значительной собственностью в таких сферах, как туризм, гостиничный, игорный бизнес, а также в коммунальном хозяйстве, промышленности, горнодобывающих и нефтеперегонных предприятиях. В 1890-х гг. Соединенные Штаты

помогли Кубе обрести независимость от Испании, но затем неоднократно вмешивались в ее внутренние дела, защищая интересы американского бизнеса. К 1950-м гг. многие кубинцы считали режим Батисты не более чем ширмой, скрывавшей деловые интересы США. Хотя Куба была более развитой страной, чем большинство стран Латинской Америки (занимая пятое место по продолжительности жизни), крестьян и рабочих сахарных предприятий и других производств возмущали богатство и коррумпированность тех, кто был связан с иностранным бизнесом и режимом Батисты.

Одним из главных центров оппозиции был Гаванский университет. Блестящий молодой выпускник юридического факультета Фидель Кастро планировал баллотироваться в конгресс на выборах 1952 г. Однако, когда выборы были отменены, он начал составлять план вооруженного мятежа с целью смещения Батисты. Кастро постоянно везло, его революционная деятельность сопровождалась чудесными спасениями и счастливыми случаями, которых было больше, чем многочисленных провалов. 26 июля 1953 г. Фидель, его брат Рауль и чуть более ста их соратников напали на казармы Монкада в Сантьяго на восточной оконечности Кубы. Нападение потерпело фиаско — почти половина мятежников были убиты, а остальные схвачены. На судебном процессе Фидель произнес зажигательную речь против Батисты, в ходе которой заявил: «История меня оправдает»[16]. Тем не менее мятежники были приговорены к пятнадцати годам в тюрьме строгого режима. Через полтора года они были освобождены: стремясь улучшить свой имидж, Батиста объявил амнистию монкадским мятежникам.

Братья бежали в Мексику, где познакомились с врачом из Аргентины Че Геварой, который путешествовал по Латинской Америке. Че был радикалом и защитником бедняков. Его возмущали действия американцев, свергнувших народное правительство в Гватемале. Примкнув к братьям Кастро, Че и семьдесят девять кубинских беженцев отплыли на Кубу на старом перегруженном судне под названием «Гранма». Высадившись 2 декабря 1956 г., они вскоре попали в устроенную кубинскими военными засаду. Выжить удалось только братьям Кастро, Че и еще десятку их сторонников. Эта маленькая группа скрылась в горах Сьерра-Маэстра на востоке Кубы. Там они собрали и обучили партизанский отряд, состоявший из крестьян, которым они обещали провести земельную реформу, а также реформы в школьном образовании и здравоохранении.

Лидеры кубинской революции на редком снимке: Вильма Эспин, Фидель Кастро, Рауль Кастро и Селия Санчес, 1957 г. (Juventud Rebelde)

На том все могло и закончиться, однако братья умело применяли тактику нападений с быстрым отходом, что позволяло уклоняться от боя и одерживать победы над силами, которые Батиста направил для их уничтожения. Ряды повстанцев росли. Между тем мятежи и стачки в городах, организованные другими противниками режима, были жестоко подавлены, и единственной силой, открыто сопротивлявшейся режиму, оставался отряд Кастро. По мере роста престижа и репутации Кастро Батиста становился все более агрессивным; в 1957 г. и начале 1958 г. были подвергнуты пыткам и казнены сотни молодых людей из среднего класса и рабочих, которые присоединились к акциям протеста. В марте 1958 г., возмущенный насилием, которое развернул Батиста, и сочтя Кастро умеренным националистическим лидером, президент США Дуайт Эйзенхауэр прекратил поставки оружия кубинскому режиму.

После введения эмбарго на поставки вооружений моральный дух в войсках Батисты быстро упал. В конце 1958 г. Кастро направил несколько сотен мятежников, находившихся в горах, в города на востоке страны. Армия отказалась с ними воевать, и силы Кастро, не встретив сопротивления, заняли города Санта-Клара и Сантьяго. 1 января 1959 г. Батиста бежал.

Несколько недель спустя на волне народной поддержки Кастро вошел в Гавану.

Получив власть, Кастро национализировал иностранные предприятия и начал земельные реформы. Верный слову, данному, крестьянам, он развернул кампанию за повышение грамотности и доступное медицинское обслуживание, построил тысячи новых школ и больниц. Кастро был убежден, что только коммунистическая революция способна восстановить справедливость на Кубе, где долгое время господствовали интересы иностранного бизнеса. Однако еще почти два года Кастро, опасаясь реакции Соединенных Штатов, не говорил открыто о своем намерении создать коммунистическое государство. После того как президентом стал Джон Ф. Кеннеди, разъяренные кубинские бизнес-элиты, бежавшие от революции, убедили ЦРУ финансировать вторжение кубинских политических эмигрантов и беженцев, которые должны были свергнуть Кастро и восстановить демократию. Попытка вторжения в Заливе свиней 7 апреля 1961 г. была с легкостью отражена, поскольку кубинское население встало на защиту Кастро и революции.

После этого Кастро заявил о намерении создать на Кубе коммунистическое общество, заключил союз с СССР и даже разместил на острове советские ядерные ракеты. Это едва не привело к ядерной войне между Соединенными Штатами и СССР, но после напряженного противостояния и морской блокады со стороны США ракеты были демонтированы и вывезены с острова. Тем не менее Соединенные Штаты сохранили режим жесткого эмбарго на торговлю с Кубой и ограничения на передвижение граждан. Этот режим действует и сегодня.

Кастро считался национальным героем, бросившим вызов Соединенным Штатам, но экономика при коммунистическом режиме развивалась плохо и выжила только благодаря помощи Советского Союза, а позднее таких союзников, как Венесуэла. Кастро позволил тысячам своих оппонентов выехать в Соединенные Штаты, и большинство из них осели во Флориде. Те, кто остался на Кубе и посмел критиковать режим, даже из числа бывших соратников-революционеров, закончили жизнь в тюрьме или были казнены. Когда Фидель в 2008 г. серьезно заболел и уже не мог управлять государством, его сменил брат Рауль, ставший новым вождем коммунистического режима.

Победа Кастро и вызов, который он бросил Соединенным Штатам, вдохновили других революционеров. В последующие годы его давний соратник Че Гевара разработал теорию революции, в которой доказывал, что небольшая группа партизан, своего рода

фосо (очаг, средоточие) оппозиции, способна свергнуть любой несправедливый режим. Это было заблуждением. Отряду Кастро невероятно везло, его популярности способствовали ненависть к жестокому и коррумпированному персоналистскому режиму Батисты и глубокое недовольство кубинского народа иностранным бизнесом и вмешательством иностранцев во внутренние дела страны, а также принятое США решение прекратить поставки оружия. Когда в других странах революционеры пытались организовать

фосо -движения против более сильных военных режимов, или против режимов, пользовавшихся поддержкой США, их действия быстро пресекались. Сам Че был схвачен и казнен после того, как создал в 1967 г.

фосо -группу в Боливии.

Между тем режим Кастро существовал десятилетие за десятилетием, пережив крах Советского Союза и продолжая опираться на кубинский национализм и недовольство населения американским режимом эмбарго. Однако, как это произошло и в Китае, коммунистические вожди Кубы обнаружили, что рост экономики невозможен без элементов свободного рынка. В последнее время режим начал поощрять международный туризм и изменил правила, касающиеся мелкого бизнеса, банковской деятельности, недвижимости и

рынков автомобилей, компьютеров и потребительских товаров. Неясно, впрочем, как быстро будут осуществляться перемены при консервативном Рауле Кастро и что принесет с собой новое поколение лидеров.

Глава 8. Революции против диктаторов: Мексика, Никарагуа и Иран

Революции в Мексике, Никарагуа и Иране выдвинули харизматичные фигуры — главаря бандитов Панчо Вилью; коварного партизанского лидера Даниэля Ортегу, ставшего президентом; и грозного аятоллу Хомейни. Каждый из них стоял во главе революций против модернизирующихся диктатур, которые превратились в коррумпированные персоналистские режимы.

Персоналистские правители, как правило, вызывают отчуждение элит, используя патронаж и коррупцию для экономических выгод, которыми пользуются члены семьи и приближенные, и в то же время увеличивая нагрузку на более широкие деловые круги. Они часто ослабляют лояльность со стороны военных, отдаляя их от власти либо заменяя профессионалов преданными людьми, с тем чтобы уменьшить риск военного переворота. Поскольку экономическая политика персоналистских лидеров обслуживает правителя, его близких и друзей, такие режимы часто приводят к неравномерному росту, инфляции и другим трудностям в экономике, вызывая сильное недовольство действиями властей.

При всем сходстве своего происхождения революции против персоналистских режимов весьма отличаются друг от друга. В Мексике, несмотря на жестокую гражданскую войну, победу одержали умеренные лидеры, которые закрепили достижения революции. Только десять лет спустя в стране была осуществлена более радикальная программа земельных реформ и национализации важнейших отраслей промышленности. В Никарагуа революционный режим поступил уникальным образом, отказавшись, всего через десять лет после революции, от власти после поражения на честных выборах. Однако уже на следующих выборах революционный лидер мирным путем вернулся к власти. В Иране новым революционным режимом оказалась исламская республика, что было новацией в мировой истории и доказательством того, что революции всегда порождают нечто новое.

Мексиканская революция

После завоевания независимости от Испании в 1821 г. Мексику в течение полу столетия раздирали политические конфликты. Военные лидеры боролись за власть, иностранные державы часто вмешивались во внутренние дела, пока в 1876 г. к власти не пришел генерал Порфирио Диас. Диас находился во главе Мексики тридцать четыре года, и, хотя он не терпел никакой оппозиции, его правление принесло с собой стабильность и экономический рост. В качестве президента Диас поддерживал иностранные инвестиции в горнодобывающую промышленность, железные дороги и сельскохозяйственный экспорт, что в итоге привело к росту среднего класса и накоплению огромных богатств в руках его сторонников. Впрочем, одновременно с этим иностранные предприятия усилили контроль над землей и капиталом, а доходы крестьян, рабочих и наемных работников фермерских хозяйств оставались на очень низком уровне. Крестьянские земли постепенно все больше поглощались доходными угодьями

(haciendas). Многие представители средних классов были недовольны тем, что

установленная Диасом диктатура лишила их возможности принимать участие в политической жизни.

В 1907-1909 гг. резкое снижение цен на сырьевые товары затронуло находившиеся ранее на подъеме шахтерские города и фермы. В стране распространилась нищета. Франсиско Мадеро, выходец из богатой семьи землевладельцев, промышленников и банкиров, развернул по всей Мексике кампанию за демократические выборы и смещение Диаса. Мадеро заявлял, что при Диасе мексиканцы потеряли свободу и право распоряжаться собственной судьбой. С приближением в 1910 г. президентских выборов Мадеро основал партию и выставил свою кандидатуру на пост президента, однако вскоре после этого был арестован вместе с пятью тысячами своих сторонников. После этого Диас был переизбран на пост президента.

Мадеро совершил побег и перебрался в Техас, где заявил о незаконности выборов 1910 г. и призвал мексиканцев к революции. На его призыв откликнулись несколько лидеров. Среди них был Эмилиано Сапата, харизматичный деревенский лидер из Морелоса на юге Мексики, боровшийся за сохранение крестьянских земель и против их поглощения гасиендами. Кампания Мадеро давала шанс на проведение земельной реформы, и Сапата поднял крестьянскую армию в южной Мексике на борьбу с Диасом. Среди поддержавших Мадеро лидеров был и Франсиско (Панчо) Вилья, бывший бандит, сначала примкнувший к силам Мадеро, а позднее создавший на севере страны собственную армию из наемных работников и крестьян. Еще одним сторонником Мадеро стал честолюбивый сенатор из северной Мексики Венустиано Карранса. Не в силах справиться с быстро растущими революционными отрядами, Диас ушел в отставку, и в 1911 г. Мадеро вошел в Мехико как национальный герой.

В конце года Мадеро стал президентом, получив на выборах 90% голосов. Но его триумф продолжался недолго. В 1912 г. на местах начались восстания, финансировавшиеся бывшими сторонниками Диаса. Мадеро столкнулся также с недовольством со стороны народных лидеров, таких как Сапата, требовавших более радикальных реформ. Затем, в начале 1913 г., Викторiano Уэрта, в прошлом один из генералов Диаса, оказавший помощь Мадеро в борьбе с мятежами и ставший командующим мексиканской армией, осуществил с помощью своих солдат захват власти. Мадеро был убит. Действия Уэрты вызвали новый виток гражданской войны. Карранса собрал вооруженные отряды, лояльные Мадеро, для борьбы с Уэрттой и восстановления конституционной демократии. Командующим войсками северо-запада он назначил Альваро Обрегону, талантливого офицера, сражавшегося на стороне Мадеро в 1912 г. Между тем Сапата и Вилья подняли народные армии, чтобы продолжить борьбу за земельную реформу и права рабочих.

После крупных побед, одержанных в 1914 г. Вильей и Обрегоном, Уэрта бежал из Мексики. Карранса вошел в Мехико и взял власть в свои руки. Однако на этом гражданские войны не закончились. Сапата не доверял Каррансе. Он взял под свой контроль Морелос и провел земельные реформы в пользу крестьян. Затем Сапата заключил соглашение с Вильей против Каррансы и Обрегону. В течение следующих двух лет Мексика стала ареной ожесточенных боев. Обрегон потерял руку, за Вильей охотились американцы под командованием генерала Першинга. К 1917 г. главные отряды Сапаты и Вильи были разбиты, хотя отдельные стычки все еще продолжались. В конце концов в 1919 г. Сапата попал в засаду и был убит. В 1920 г. Вилья согласился прекратить сопротивление, но в 1923 г. тоже был убит.

Карранса получил политическую поддержку, созвав в 1916 г. конвент для составления новой демократической конституции. Конституция, принятая в следующем году, разрешала рабочим создавать профсоюзы, запрещала детский труд, требовала равной оплаты труда для мужчин и женщин и наделяла правительство правом раздавать землю беднякам. Однако Карранса отказался проводить в жизнь многие из этих положений, предпочитая осуществлять экономические реформы осторожно и не допуская радикальных преобразований. Перед

самыми выборами 1920 г. Карранса развернул преследование Обрегона, который планировал выставить свою кандидатуру на президентский пост. Это стало его фатальной ошибкой. Обрегон пользовался популярностью и выступил против Каррансы. Теперь бежать пришлось Каррансе. Нагрузив целый поезд золотом из государственной казны, документами из архивов, в окружении тысяч сторонников он отправился в Веракрус. Однако поезд перехватили силы Обрегона, и Карранса был убит. В 1920 г. Обрегон был избран на пост президента.

В 1924 г. президентом был избран министр внутренних дел в правительстве Обрегона Плутарко Элиас Кальес, в программу которого входили продолжение земельной реформы и защита прав рабочих. Однако, заняв свой пост, он сосредоточился на введении ограничений на деятельность католической церкви, главенствующая роль которой в Мексике была-поставлена под сомнение уже в конституции 1917 г. Кальес считал церковь слишком богатой и консервативной силой, оплотом предрассудков и препятствием для прогресса, но он недооценил поддержку мексиканцами священников и католической веры. С 1926 по 1929 г. Мексику раздирала война «кристерос», которую вели католические группировки и правительственные войска. В 1928 г. Обрегона вновь избрали президентом, но, не успев вступить в должность, он был убит фанатичным католиком. В 1929 г. Кальес — на тот момент министр обороны, но все еще самый влиятельный человек в правительстве, — заключил соглашение о мире с церковью. Он упрочил свою власть, создав Национальную революционную партию. Эта партия, впоследствии переименованная в Институционно-революционную партию и больше известная по своим начальным буквам как PRI (ИРП), занимала господствующее положение в мексиканской политике в течение семидесяти одного года после своего основания.

Карранса, Обрегон и Кальес придерживались умеренно-конституционалистских взглядов. Их интересовала не столько земельная реформа и защита прав рабочих, сколько восстановление экономического роста. Не предпринимая серьезных мер, которые удовлетворили бы требования крестьян и рабочих, они позволяли иностранным компаниям эксплуатировать мексиканские национальные ресурсы. В конце 1930-х гг., после того как экономика Мексики была серьезно затронута Великой депрессией, революция вступила во вторую радикальную фазу. Ласаро Карденас, избранный президентом в 1934 г., арестовал и отправил в ссылку Кальеса и многих его сторонников. Карденас верил, что революция осталась незавершенной и должна быть продолжена ради рядовых мексиканцев. Во время его президентства были проведены масштабные земельные реформы, Карденас поддерживал новые национальные профсоюзы, выступал за повышение заработной платы рабочих и национализировал находившиеся в иностранной собственности железные дороги и нефтяную промышленность. Он взял под контроль партию Кальеса и усилил ее власть над правительством, заключив корпоративистские союзы с организациями крестьян, рабочих и специалистов-профессионалов.

После Карденаса Мексикой правили авторитарные лидеры, в политике доминировала ИРП, и каждый следующий президент назначал своего преемника. Партия проиграла президентские выборы лишь в 2000 г., когда позиции ИРП были подорваны численно увеличившимся средним классом, пережившим экономические кризисы 1980-1990-х гг. После этого Мексика превратилась в подлинную конституционную демократию.

Никарагуанская революция

В 1972 г. никарагуанская столица Манагуа оказалась в зоне сильнейшего землетрясения. Хотя никто тогда этого не сознавал, землетрясение не только разрушило большую часть

города, но и ознаменовало начало конца династии Сомосы, правившей Никарагуа с 1936 г. Политическая жизнь страны до 1920-х гг. представляла собой череду конфликтов между семейными кланами, каждый из которых имел собственные милицейские отряды, и в политику государства неоднократно вмешивались Соединенные Штаты. В 1926 г. в стране вспыхнула война между главными семьями, соперничавшими в борьбе за пост президента, и для поддержания порядка США направили в страну морских пехотинцев. Соединенные Штаты подготовили и экипировали новую никарагуанскую национальную гвардию, которая, как они полагали, должна была защитить конституцию после ухода из страны американских войск. Но гвардия, как оказалось, была лояльна прежде всего своему командиру — генералу Анастасио Сомоса Гарсии, сыну владельца кофейной плантации, получившему образование в Америке.

Аугусто Сесар Сандино, стоявший во время войны во главе партизанской армии, заявил, что Соединенные Штаты посадят президента-марионетку для защиты своих интересов, и поклялся не слагать оружия до тех пор, пока все американские войска не покинут Никарагуа. Сандино сражался против морских пехотинцев и национальной гвардии до 1932 г. Затем, когда началась Великая депрессия, Соединенные Штаты приняли решение вывести войска после проведения в стране новых выборов, а Сандино согласился прекратить борьбу.

Однако генерал Сомоса не принял условий сделки. В 1934 г. он убил Сандино, а два года спустя сместил избранного президента и захватил власть. Сомоса правил двадцать лет, пока сам не был убит. Преемником Сомосы стал его сын Луис Сомоса Дебайле, правивший с 1956 г. и до своей смерти в 1967 г. Затем пост президента перешел к младшему брату Луиса — Анастасио Сомоса Дебайле.

Старший Сомоса и его сын Луис были умными политиками. Разумеется, они опирались на национальную гвардию, но при этом поддерживали отношения с другими видными семьями и политиками, назначая их представителей судьями, законодателями и создавая благоприятные условия для их бизнеса. Во время Второй мировой войны Сомоса заключил союз с Америкой против Германии, а во время холодной войны примкнул к антикоммунистическому крестовому походу. Клан Сомосы защищал американские интересы в горнодобывающей промышленности, скотоводстве, производстве кофе и лесозаготовках.

С 1960 по 1975 г. экономика Никарагуа быстро развивалась, получая помощь от США, которые стремились обеспечить поддержку своей политики после кубинской коммунистической революции. Росли объемы экспорта кофе, скота, леса и каучука. Однако в результате быстрого роста населения (которое удвоилось с 1950 по 1970 г.), ограничений на деятельность профсоюзов и все большей концентрации земли в руках немногих собственников выгоды от экономического развития Никарагуа стали получать по большей части элиты высшего эшелона. В стране нарастало неравенство.

В 1961 г. небольшая группа марксистов — главным образом образованная молодежь из среднего класса, воодушевленная кубинской революцией, — основала движение, которое они называли, по имени никарагуанского национального героя Аугусто Сесара Сандино, Сандинистским фронтом национального освобождения (FSLN, СФНО). Сандинисты не получили весомой народной поддержки и были выслежены национальной гвардией. Многие были посажены в тюрьму и подвергнуты пыткам гвардейцами Сомосы.

Положение стало меняться в конце 1960-х гг. Католическая церковь в Латинской Америке взяла на вооружение идеи теологии освобождения, согласно которой церковь должна помогать бедным и поддерживать борьбу за права человека. В ответ несколько лидеров СФНО, включая братьев Ортега — Даниэля и Умберто, отказались от марксизма и начали создавать более широкое антисомосовское движение, приветствуя вступление в свои ряды рабочих, крестьян, бизнесменов и священников.

После землетрясения в Манагуа в 1972 г. в страну для восстановления разрушенного города хлынула международная помощь. Население и даже бизнес-элиты были шокированы, увидев, что Сомоса и некоторые из его партнеров по бизнесу расценили это как благоприятную возможность для личного обогащения. Сомоса присвоил большую часть помощи, вложив полученные средства в собственные проекты застройки и оставив треть города в руинах. Отряды национальной гвардии захватывали и продавали поступавшее оборудование и продовольствие. В годы, последовавшие за землетрясением, темпы роста экономики резко замедлились. Это привело к распространению нищеты среди рабочих и крестьян, в то время как Сомоса и его близкие друзья продолжали набивать карманы.

В середине 1970-х гг. братья Ортега организовали несколько дерзких похищений видных никарагуанцев. В обмен на них они требовали денег, освобождения заключенных и предоставления возможности донести свои идеи до населения через СМИ. Сомоса ответил введением в 1975 г. законов военного времени и направил в сельскую местность силы национальной гвардии, которые развязали террор, арестовали и подвергли пыткам сотни сторонников СФНО. Педро Хоакин Чаморро, редактор газеты «La Prensa», начал кампанию разоблачения жестокостей и коррупции режима Сомосы, что усилило оппозиционные настроения в среднем и высшем слоях общества.

В 1977 г. новоизбранный президент США Джимми Картер, заявивший, что приоритетом его политики станет, защита прав человека, пригрозил прекратить военную помощь Никарагуа, если Сомоса не отменит военное положение. Сомоса согласился на это условие и освободил многих полит-заключенных. Это предоставило СФНО еще один шанс для того, чтобы организовать рабочих в городах и создать партизанские отряды в сельской местности. В январе 1978 г. был убит Чаморро, что вызвало волну стачек и демонстраций. СФНО начал получать помощь от других стран Латинской Америки.

Осенью 1978 г. Сомоса восстановил военное положение и приказал национальной гвардии атаковать с помощью авиации, танков и артиллерии городское предместье, в котором были сосредоточены силы СФНО. Это привело к гибели нескольких тысяч человек. Представители бизнеса и религиозных организаций обратились к президенту Картеру с просьбой начать переговоры о мирной отставке Сомосы и заключении соглашения с СФНО, однако переговоры не состоялись. Сомоса отказался оставить свой пост даже после того, как США полностью прекратили военную помощь его режиму.

В начале 1979 г. толпы во многих городах, в том числе и в столице, возвели баррикады и взяли под контроль пригороды. Сомоса приказал гвардии открыть огонь на поражение и провести бомбардировку Манагуа, во время которой погибли тысячи людей, включая американского тележурналиста. В мае 1979 г. СФНО перешел в решающее наступление, скоординировав городские мятежи и нападения партизан на крупные города. Соединенные Штаты и Организация американских государств потребовали отставки Сомосы. Национальная гвардия, лишенная боеприпасов из США и деморализованная международной поддержкой, которая была оказана СФНО, начала распадаться. Сомоса покинул страну, остатки национальной гвардии бежали в Гондурас, и в июле 1979 г. сандинисты взяли под свой контроль Манагуа.

Хотя СФНО и получил контроль над всей страной, сандинисты поначалу правили с опорой на широкую коалицию и сформировали временную хунту, включавшую бизнесменов и священников, а также вдову Чаморро Виолету, которая сменила мужа на посту редактора «La Prensa». На первых общенациональных выборах в 1984 г. президентом был избран Даниэль Ортега, а СФНО получил большинство в законодательном органе. СФНО немедленно национализировал все активы, принадлежавшие клану Сомосы.

Однако альянс между склонявшимся к марксизму СФНО и группами предпринимателей и священников существовал недолго. СФНО грозился национализировать еще больше земель

и предприятий, находившихся в частной собственности. Кроме того, в 1980 г. президентом США был избран Рональд Рейган, который не видел разницы между сандинистами и Кубой. Рейган наложил на Никарагуа экономическое эмбарго и оказал помощь и военную поддержку бывшим членам национальной гвардии в Гондурасе, чтобы они могли сформировать армию «контрас» для противодействия сандинистам. Расходы на войну с контрас росли, и люди начали задумываться об альтернативах. На выборах 1990 г. Виолета Чаморро выставила свою кандидатуру против Ортеги и была избрана на пост президента. СФНО потерял большинство в законодательном органе, хотя и сохранил почти половину мест.

На президентских выборах 1996 и 2001 гг. Ортега вновь баллотировался на президентский пост, но проиграл умеренным кандидатам, которых поддерживало бизнес-сообщество. Лидеры, выдвинутые бизнесом, оказались коррупционерами и не делали ничего для того, чтобы облегчить положение простых никарагуанцев. В 2006 г. Ортега вновь выставил свою кандидатуру и на этот раз выиграл, а в 2011 г. был переизбран с еще большим перевесом. Хотя СФНО не достиг всех поставленных целей, поскольку бедность и коррупция продолжали царить при всех режимах, возникавших в результате выборов, борьба, которую он вел, покончила с диктатурой Сомосы. И, в отличие от того, что произошло в результате большинства социалистических революций, сандинисты оставили после себя гораздо более демократическое и жизнеспособное гражданское общество.

Иранская исламская революция

Хотя Мохаммед Реза Пехлеви утверждал, что следует заветам древних персидских царей, его семья, как и клан Сомосы, пришла к власти с помощью военного переворота. Отец шаха, Реза-хан, был генералом иранской армии. В 1921 г. Реза-хан сместил шаха, а в 1925 г. сам принял титул шаха (царя).

Хотя в Иране существовал парламент (меджлис), Реза-шах не допускал его независимости и правил посредством практически абсолютной власти, обогащая семью эксплуатацией иранских нефтяных месторождений и присвоением обширных землевладений. Реза-шах также начал программу модернизации, сооружая железные дороги, поддерживая сферы образования и здравоохранения, а также запретив носить хиджаб и развернув пропаганду западного стиля в одежде.

Когда разразилась Вторая мировая война, Реза-шах пытался сохранить нейтралитет и не дать союзникам использовать Иран в качестве коридора военных поставок в СССР. Но в 1941 г. Британия и СССР вторглись в страну, сместили «старого» шаха и, в обмен на согласие со своими требованиями, позволили занять шахский трон его сыну, Мохаммеду Реза Пехлеви.

В 1951 г. премьер-министром стал популярный националист Мохаммед Мосаддык. При нем меджлис принял закон о контроле над британской Англо-иранской нефтяной компанией, которая производила бóльшую часть иранской нефти. Мосаддык также потребовал, чтобы меджлису были предоставлены более широкие полномочия. Шах отказался его поддержать, и Мосаддык ушел в отставку. По всей стране прокатилась волна протестов и забастовок. Мосаддык был возвращен на свой пост, получив дополнительные полномочия. Британия ответила введением эмбарго на иранскую нефть, что нанесло ущерб экономике страны и лишило Мосаддыка народной поддержки. В 1953 г. Британия и Соединенные Штаты организовали при помощи ЦРУ переворот, сместивший Мосаддыка и вернувший шаху абсолютную власть.

Если бы после этого шах решил расширить базу своей поддержки, то, возможно, сумел бы сохранить мир. Но он превратился в персоналистского лидера, следовавшего только своим

собственным идеям и не терпевшего иных мнений и покушений на свой авторитет. Шах стремился ограничить власть и богатство духовенства, лишая его земельных имений, однако крестьяне, которым земельные реформы должны были принести выгоды, часто получали слишком мало земли, чтобы можно было прокормить семьи. Миллионы крестьян перебрались в города, где были вовлечены в общины при мечетях, во главе которых стояло недовольное духовенство и которые опирались на традиционных базарных торговцев (

bazaaris). Поддержав ОПЕК, повысившую мировые цены на нефть, шах пошел на огромные расходы и заимствования, чтобы получать новейшие образцы вооружений (поставлявшихся Соединенными Штатами) и провести принудительную модернизацию страны. Эти расходы вызвали безудержную инфляцию, подорвавшую благосостояние среднего класса и промышленных рабочих. Шах решил обвинить в повышении цен базарных торговцев, и посадил многих из них в тюрьму, чем навлек на себя их лютую ненависть. К 1970-м гг. шах настроил против себя практически все слои иранского общества — духовенство, крестьянство, городскую бедноту, рабочий класс, базарных торговцев и квалифицированных специалистов из среднего класса.

Шах удерживал власть с помощью своих спецслужб, жестоких репрессий и поддержки, которую ему оказывали Соединенные Штаты. Но в 1977 г. президент Джимми Картер предупредил шаха, чтобы он ослабил репрессии и соблюдал права человека. Это открыло путь для стачек и публичных демонстраций, бросивших вызов шаху.

В рядах оппозиции было множество групп: коммунисты, имевшие влияние на рабочих нефтяной и фабричной отраслей, либеральные интеллектуалы и студенты, которые хотели заменить диктатуру шаха демократией, традиционные торговцы и крестьяне, которые ненавидели шаха за его поддержку западного стиля одежды и западной культуры, националисты, которые хотели покончить с влиянием США, а также различные течения духовенства. Однако самым влиятельным критиком был аятолла Рухолла Хомейни. Хомейни был выслан из страны за критику шаха, с которой он выступал с 1964 г., и проводил большую часть времени в святом для шиитов иракском городе Ан-Наджаф. В ссылке Хомейни неустанно критиковал шаха за предательство Ирана и ислама и предложил проект Исламской республики, в которой должны были воплотиться исламская добродетель, демократия и иранский национализм. Проповеди и планы Хомейни распространялись по всему Ирану с помощью ввозившихся контрабандой магнитофонных кассет.

Аятолла Рухолла Хомейни, Верховный лидер Исламской Республики Иран (Wikimedia Commons)

Хомейни призывал к массовым мирным протестам. Он считал, что солдаты шаха не пойдут против рядовых иранцев, вышедших на мирные акции. Вначале этот расчет себя не оправдал. Когда в 1978 г. протесты распространились по всей территории Ирана, шах применил силу, и сотни человек были убиты. Хомейни воспользовался ситуацией, объявив убитых мучениками и призвав к новым протестам как выражению скорби. Это привело к росту акций протеста и «черной пятнице» 8 сентября 1978 г., когда шах объявил о введении военного положения, а войска убили несколько тысяч невооруженных демонстрантов. Рабочие начали массовые стачки, остановив работу всей нефтяной отрасли и вызвав истощение экономики. Президент Картер заявил шаху, что не потерпит насилия. В январе 1979 г. после нескольких недель массовых уличных демонстраций, шах отбыл в Египет. В феврале в Иран вернулся Хомейни.

В октябре шах отправился в Нью-Йорк, чтобы пройти медицинское обследование, что

вызвало волну возмущения в Иране. Хомейни назвал Соединенные Штаты «великим сатаной» и «врагом ислама». В Иране опасались, что США восстановят шаха на троне, как это было сделано в 1953 г., и 4 ноября тысячи иранцев взяли штурмом посольство США. Шестьдесят шесть американцев были захвачены в заложники и удерживались до января 1981 г., когда президент Картер покинул Белый дом.

В сентябре 1980 г., опасаясь распространения иранской радикальной шиитской республиканской идеологии и полагая, что Иран ослаблен революцией, в страну вторгся Ирак. Кризис позволил Хомейни и духовенству консолидировать власть. В 1981 г. либеральный иранский президент Абольшасан Банисадр был смещен со своего поста и бежал во Францию. К тому времени многие левые сторонники революции были объявлены вне закона, а многие убиты в тюрьмах. Пост президента в конечном итоге достался еще одному духовному лицу, Сейеду Али Хаменеи. В борьбе с иракским вторжением Иран применил тактику «живой человеческой волны», бросая в атаку отряды солдат-подростков, усиленные только что созданным корпусом Стражей революции. Война продолжалась до 1988 г., и ее жертвами стали сотни тысяч человек.

В 1989 г. аятолла Хомейни умер, и его преемником на посту Верховного лидера стал Хаменеи. Начиная с 1989 г. в руководстве Ирана существуют две фракции — относительных прагматиков и более консервативных исламистов. При президенте-реформаторе Мохаммаде Хатами, с 1997 по 2005 г., революция шла по более умеренному пути, а прагматиков поддерживали студенты и несколько видных аятолл. Однако избрание в 2005 г. президентом Махмуда Ахмадинежада ознаменовало поворот назад, к конфронтационному исламистскому режиму.

На выборах 2009 г. коалиция прагматиков поддержала кандидата-реформатора против Ахмадинежада, и казалось, что после выборов страна вернется к умеренному курсу. Однако итоги голосования были грубо сфальсифицированы, и победителем был объявлен Ахмадинежад. Миллионы людей вышли на акции мирного протеста в Тегеране (так называемая «зеленая» революция). Однако Хаменеи, Стражи революции и консервативное духовенство не дрогнули, и Стражи совместно с милицией подавили акции протеста. Иран продолжил разработки в области ядерных технологий, несмотря на экономические санкции, введенные и затем ужесточенные Европой и Соединенными Штатами.

В 2013 г. страна, казалось, все же вернулась назад к реформам, когда подавляющим большинством голосов президентом был избран аятолла из лагеря прагматиков Хасан Рухани. Иранский народ проголосовал за перемены. Но после того, как Рухани произнес клятву и занял свой пост, Иран продолжил враждебную политику в отношении Соединенных Штатов. Не прекратилась и поддержка исламистских группировок на всей территории Ближнего Востока. Было увеличено количество установок по производству ядерных материалов. Иранский режим заявляет, что все его действия, включая ядерные исследования, преследуют исключительно мирные цели, однако вмешательство в революционные конфликты в Сирии и Бахрейне, а также поддержка ливанской Хезболлы, иракских, афганских и других шиитских группировок говорят о стратегической борьбе за лидерство в ближневосточном регионе, в которой шиитский Иран выступает соперником суннитских государств. Так что вполне возможно, что роль Ирана как очага визионерской исламской революции еще до конца не исчерпана.

Глава 9. «Цветные революции»: Филиппины, Восточная Европа, СССР и Украина

Повешенные на уличных фонарях люди, партизанская война, террор, гражданские войны,

международные конфликты, — эти отличительные признаки революции заставляют нас считать их проявлением насилия. Однако насилие — не единственный способ свержения режимов. К их падению приводили и ненасильственные акции. Среди них — марши и всеобщие стачки, захват публичных мест, отказ подчиняться распоряжениям власти. Крайне важную роль играют также переубеждение солдат и разоблачение коррупции и должностных преступлений. Такие действия могут принести успех, если они лишают правительство ресурсов, если военнослужащие дезертируют, если создается широкая коалиция из оппонентов власти, а иностранные державы прекращают помощь режиму или начинают оказывать на него давление.

Ненасильственное сопротивление наиболее эффективно там, где правители зависят от поддержки со стороны демократической иностранной державы, которая не собирается терпеть беспощадного подавления мирной оппозиции или платить высокую цену за поддержку режима. Успех Махатмы Ганди, возглавлявшего индийское движение сопротивления против господства Британии, объяснялся как неприятием британской публикой жестокого подавления мирных демонстраций, так и высокой ценой, которую должна была заплатить Британия за бойкот британских товаров, объявленный сторонниками Ганди. Подобно этому легко уязвим был и шах Ирана, когда Джимми Картер, президент Соединенных Штатов (от которых шах зависел, получая оружие и кредиты), настоял на том, чтобы шах усмирил свои наводившие ужас спецслужбы (САВАК) и позволил оппозиции проводить мирные демонстрации против режима.

Там, где лояльные и решительно настроенные военные поддерживают финансово сильное и независимое правительство, ненасильственное сопротивление обычно терпит неудачу, не выдерживая жестоких репрессий. Такова была судьба неудавшейся «зеленой революции» в Иране в 2009 г., направленной против клерикального правления, демократического мятежа в Бирме в 1988 г. и восстания на площади Тяньаньмэнь в Китае в 1989 г.

Однако начиная с середины 1980-х гг. появился ряд факторов, благодаря которым возросли шансы ненасильственного сопротивления с целью свержения режимов. Во-первых, произошло важное изменение глобальных стандартов легитимности: теперь для её подтверждения требуются выборы. Даже диктатуры понимают необходимость выборов, хотя ради победы часто подтасовывают результаты. От Филиппин до Украины протест против фальсификации выборов превращался в мощные движения, приводившие к смене режимов. Во-вторых, новые СМИ, включая YouTube, Facebook, Twitter и др., а также международное кабельное телевидение, упростили для оппозиции задачу получения и распространения свидетельств злоупотреблений режима. В-третьих, оппозиционным движениям помогает международная сеть активистов, которые обучают методам ненасильственного сопротивления. Наконец, завершение холодной войны ослабило желание Соединенных Штатов и других держав осуществлять военное вмешательство, чтобы сохранять у власти правителей вопреки воле народа.

В результате в последние годы ненасильственные революции стали доминировать. Иногда их называют «демократическими», или «электоральными» (когда массовые протесты вспыхивали в результате избирательных кампаний), но чаще всего «цветными» по символам, используемым оппозицией в ходе таких событий, например, по желтым ленточкам, которые надевали люди на Филиппинах, или по оранжевым ленточкам в Украине. Среди других недавних ненасильственных революций — антикоммунистические революции в СССР и Восточной Европе, такие как «бархатная революция» в Чехословакии (1989), «бульдозерная революция» в Сербии (2000), «революция роз» в Грузии (2003), «революция тюльпанов» в Кыргызстане (2005) и «жасминовая революция» в Тунисе (2011).

Филиппинская революция «власти народа»

В 1965 г. президентские выборы на Филиппинах выиграл Фердинанд Маркос, блестящий юрист, женатый на победительнице конкурса красоты и выдававший себя за героя войны. Придя к власти, Маркос назначил жену Имельду губернатором Манилы, брату и сестре подарил высокие государственные посты, кузена сделал главой разведслужбы, а друзьям пожаловал прибыльные права на заготовки леса, добычу драгоценных металлов и кокосовые плантации. Семья Маркоса сказочно разбогатела. Имельда, по слухам, имела коллекцию из трех с лишним тысяч пар дизайнерской обуви.

Маркос был хитрым правителем: он подкупал конгресс, чтобы обеспечить себе его поддержку, контролировал СМИ и не жалел денег на дороги, мосты и стадионы для повышения своей популярности в народе. В ходе кампании 1969 г., отмеченной покупкой голосов, насилием и фальсификациями, он был переизбран на пост президента. В сентябре 1972 г. Маркос объявил о введении военного положения, оправдывая свои действия опасностью студенческих бунтов и ростом коммунистического повстанческого движения в сельской местности, а также актами насилия, инсценированными его же собственными спецслужбами. Он заявил, что выборы откладываются на неопределенное время, а затем приказал арестовать своих политических оппонентов, включая популярного сенатора Бениньо (Ниню) Акино. За участие в мятеже Акино был приговорен к смертной казни и провел восемь лет в тюрьме, прежде чем был отпущен для проведения хирургической операции в Соединенных Штатах.

В первые несколько лет военного положения Маркос сохранял популярность, проводя перераспределение земель богатых землевладельцев в пользу бедных крестьян и разоружая военные формирования, принадлежавшие главным образом его оппонентам. Однако в конце 1970-х гг., когда в экономике началась стагнация и повысился уровень нищеты и безработицы, расточительный образ жизни Маркосов стал вызывать возмущение, и их популярность пошла на спад.

Начиная с 1975 г. Маркос опирался на армию, в которой повышения и важные посты получали не профессионалы, а политически лояльные офицеры. Оппоненты Маркоса все чаще подвергались арестам и пыткам. Маркосу был выгоден, раскол элит богатые бизнесмены и землевладельцы, недовольные засильем Маркоса в экономике и желавшие возвращения к демократии, были неспособны договориться о лидере или общей стратегии оппозиции.

В 1983 г. Маркос сделал шаг, который его погубил. В августе на Филиппины вернулся Ниню Акино. Он был убит сразу после того, как сошел с трапа самолета на филиппинскую землю. Мученическая смерть Акино привела к двум событиям, которые оказались фатальными для Маркоса, — объединению оппонентов и раздорам в вооруженных силах.

Архиепископ Манилы кардинал Хайме Син призвал оппозицию объединиться вокруг вдовы Ниню — Корасон (Кори) Акино. Кардинал Син и ряд религиозных орденов пригласили в страну пацифистскую организацию «Международное содружество примирения» для обучения профсоюзных деятелей, специалистов, студентов и духовенства методам и приемам гражданского сопротивления. Одновременно министр обороны Хуан Понсе Энриле и группа младших офицеров создали Движение за реформу вооруженных сил (RAM) и установили контакты с оппозицией. Коррупция в вооруженных силах была неприемлема и для генерала Фиделя Рамоса, выпускника Вест-Пойнта, который не дождался очередного повышения по службе: его обошел Фабиан Вер, фаворит Маркоса и организатор убийства Ниню.

После смерти Ниню обеспокоенные бизнесмены начали вывозить из страны деньги. На похороны Ниню пришли сотни тысяч человек. Акции протеста против режима Маркоса и стачки продолжались несколько месяцев. К концу 1983 г. темпы экономического роста упали

до 1,1%, хотя еще в середине 1970-х гг. они составляли в среднем 6,4%. В октябре Маркос объявил, что Филиппины не в состоянии платить по долгам и необходима их реструктуризация. Долговой кризис привел к дефициту импорта нефти и продовольствия, а инфляция подскочила на 50%. Даже друзья Маркоса в Соединенных Штатах, крупнейшие воздушные и морские базы которых в акватории Тихого океана располагались всего в пятидесяти милях от Манилы, призвали его подтвердить свою легитимность.

Маркос назначил выборы в Национальную ассамблею на 1984 г. Напечатав миллионы песо с целью подкупа избирателей, воспользовавшись преимущественным доступом к СМИ во время избирательной кампании и приказав спецслужбам запугать избирателей, Маркос вновь привел свою партию к власти. Окрыленный успехом, он запланировал президентские выборы на февраль 1986 г., уверенный в том, что сможет повлиять на их результаты.

Однако на этот раз оппозиция была готова к борьбе. При поддержке кардинала Сина, который призвал священников и монахинь возглавить местные отделения Национального движения граждан за свободные выборы (NAMFREL), для мониторинга выборов и охраны урн для голосования по всей стране было привлечено полмиллиона добровольцев. По их подсчетам, Корасон Акино победила подавляющим большинством голосов. Тем не менее, когда 15 февраля были обнародованы официальные итоги, победителем объявили Маркоса. Окончательные итоги были осуждены как фальшивые Епископской конференцией Филиппин, американскими наблюдателями и даже десятками счетчиков, работавших в избирательной комиссии, которые устроили демонстрацию протеста и покинули рабочие места, увидев, что их подсчеты были полностью подтасованы.

На следующий день Кори Акино обратилась к участникам митинга в Маниле, собравшего два миллиона человек, и призвала начать кампанию гражданского неповиновения с требованием отставки Маркоса. Между тем Энриле и Рамос запланировали военный переворот. 22 февраля вместе с несколькими сотнями членов Движения за реформу в вооруженных силах (RAM) они закрепились на военной базе Кемп-Агинальдо. Ночью кардинал Син выступил по Католическому радио, обратившись к гражданам с просьбой поддержать мятежных солдат. На следующее утро сотни тысяч филиппинцев окружили базу, предложив помощь мятежникам.

Маркос направил на подавление мятежа танковый батальон, однако, прибыв на место, солдаты обнаружили хорошо организованных дружелюбных людей, обученных вести себя ненасильственно. В первых рядах стояли монахини, которые становились на колени перед танками, держа в руках четки, в то время как беременные женщины, старушки и дети предлагали солдатам еду и воду. Несмотря на приказ не останавливаться и применить оружие, солдаты отказались стрелять в безоружных мирных граждан и вместо этого начали присоединяться к толпе. В течение нескольких дней на сторону мятежников перешли около 80% всех военнослужащих. Работники телевидения отказались транслировать заявления Маркоса. 25 февраля, осознав, что его власти пришел конец, Маркос последовал совету администрации США и сел в самолет, который летел на Гавайи. Власть народа победила.

Антикоммунистические революции в Восточной Европе и Советском Союзе

В 1944 г., когда немецкие войска отступили к Берлину, советская армия оккупировала всю Восточную Европу. После этого Советский Союз поддержал местные коммунистические партии, пришедшие к власти в Чехословакии, Болгарии, Румынии, Польше и Венгрии, и превратил занятую Советами часть Германии в новое государство — Восточную Германию. Исключение составила западная часть Берлина, которая все еще была оккупирована

союзниками. Перемены не всегда приживались, и Советам пришлось бросить танки на подавление попыток мирного свержения коммунистических режимов в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., а также воздвигнуть стену, проходившую через Берлин и не позволявшую восточным немцам бежать на Запад. Взяв с помощью тайной полиции и Советской Армии под контроль экономику, СМИ, свободу передвижения граждан и их трудоустройство, коммунистические режимы правили железной рукой, не допуская инакомыслия.

Вначале эти режимы, борясь с разрухой, царившей после Второй мировой войны, добились определенных экономических успехов. Централизованная, руководимая партией промышленность была нацелена на увеличение производства стали, сельскохозяйственной техники, нефти и вооружений. Копируя и адаптируя западные проекты, режимы построили мощные экономики на базе тяжелой промышленности. Однако отсутствие каких-либо рыночных стимулов и индивидуальных свобод в конечном итоге подорвало производство. Рост денежных вложений привел всего лишь к увеличению запасов некондиционной стали, нефти, цемента и других товаров, которые производились ради выполнения плана, а не в соответствии с запросами рынка. Трактора постоянно ломались и простаивали из-за дефицита запчастей. Современные высококачественные потребительские товары были редкостью, и их приходилось импортировать. Самой серьезной проблемой оставалось сельское хозяйство, которое так и не смогло достичь уровня производительности труда, достигнутого в Европе, Соединенных Штатах и Японии, а поддержание паритета военных расходов и технологических достижений в соперничестве с Америкой становилось все более трудной и дорогостоящей задачей.

В 1956 г., через три года после смерти Сталина, коммунистическое руководство решило провести реформы. В течение трех десятилетий жесткий политический контроль сопровождался растущим импортом товаров из стран Запада, который должен был удовлетворить потребительский спрос. Однако к концу 1970-х гг. эта стратегия породила чудовищную коррупцию, поскольку доступ к импортным товарам находился под контролем партийного руководства. Расходы на импорт раскрутили спираль государственного долга. Когда на должность генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) был избран самый молодой в истории генсеков Михаил Горбачев, у него уже был разработан план кардинальных преобразований.

Горбачев стремился искоренить коррупцию и привести к управлению новое поколение коммунистических лидеров. Избранные для решения этой задачи инструменты включали

гласность — политику открытости, призванную вскрывать злоупотребления коррумпированного руководства КПСС, и

перестройку — реорганизацию, которая должна была повысить уровень демократии. Горбачев считал, что, если дать людям такую возможность, они выберут лидеров, настроенных на повышение эффективности производства, реформы и совершенствование экономики.

К несчастью для Горбачева, к концу 1980-х гг. вся система коммунистического хозяйства находилась в глубоком упадке. Нарастало недовольство рабочих неиндексируемой заработной платой, коррупцией среди элит и условиями жизни, серьезно отстававшими от западных. Интеллектуалы и рабочие во всех странах восточноевропейского блока требовали собственных версий гласности и перестройки, и Горбачев дал понять, что вторжений советской армии не будет.

В Польше движение «Солидарность», в которое входили рабочие, интеллектуалы и священники во главе с высококвалифицированными рабочими судовой верфи в Гданьске, было загнано в подполье военным положением, объявленным в 1981 г., однако возродилось в

середине 1980-х гг. После крупных стачек в 1988 г. польское правительство согласилось провести новые выборы, все еще рассчитывая получить большинство мест. В результате «Солидарность» получила все места, на которые претендовала, а кандидаты от компартии не смогли набрать и 50% голосов, необходимых для получения мест, за которые, оппозиция даже не боролась. В 1989 г. новый парламент, в котором доминировали депутаты «Солидарности», взял под контроль правительство. В 1990 г. президентом был избран Лех Валенса, лидер рабочих судостроительной верфи и один из основателей «Солидарности».

На протяжении всего 1989 г. в Венгрии и Чехословакии на улицах и площадях проходили шествия и демонстрации, в которых участвовали, требуя перемен, сотни тысяч граждан. Лишенные поддержки со стороны СССР, покинутые интеллектуалами и не желавшие использовать армию против мирных демонстрантов, лидеры этих стран согласились провести выборы, в результате которых коммунистические партии были отстранены от власти. В Болгарии реформистское крыло в компартии само взяло под контроль часть армии и политбюро и возглавило переход к демократии. В Румынии, где правил страдавший манией величия Николае Чаушеску, толпы в столице, а затем и армия выступили против диктатора, который был схвачен и казнен.

Толпы на Вацлавской площади в Праге вершат «бархатную революцию», 1989 г. (Photo by Peter Dejong, Associated Press)

В октябре 1989 г. сотни тысяч граждан Восточной Германии воспользовались шансом, чтобы бежать через Венгрию в Западную Германию. После нескольких недель массовых демонстраций в Лейпциге, Восточном Берлине и других городах, в ходе которых многие подразделения вооруженных сил дезертировали или заявили командирам, что не будут стрелять в мирных граждан, правительство сдалось и разрешило свободный выезд на Запад. 9 ноября тысячи немецких граждан заполнили пропускные пункты и, ликуя, снесли Берлинскую стену. Еще через несколько недель коммунисты потеряли контроль над ситуацией в стране, и в 1990 г. Восточная Германия перестала существовать, воссоединившись с Западной Германией.

Однако наиболее драматичные события произошли в Советском Союзе. В 1986 г. взрыв на Чернобыльской атомной электростанции серьезно дискредитировал КПСС. Вместо того чтобы поддержать реформаторски настроенных коммунистических лидеров, люди пошли за националистами и антикоммунистами. От Азербайджана до Эстонии миллионы принимали участие в демонстрациях, требуя большей автономии и даже отделения национальных республик от Советского Союза. В 1987 г. Борис Ельцин, популярный в России лидер-реформатор, был выведен из состава правящего политбюро ЦК КПСС. В июне 1991 г. он был избран президентом Российской Федерации. Горбачев, который все еще оставался генеральным секретарем КПСС, обеспокоенный результатом, к которым привели реформы, попытался подавить протестные движения. Но весной 1991 г., после волны стачек, прокатившейся по всей стране, и демонстраций в Москве с участием сотен тысяч граждан, выступивших за демократию, он пошел на компромисс и предложил принять новую конституцию, которая предоставляла значительную автономию национальным республикам.

Для консерваторов в компартии, армии и спецслужбах этот шаг был неприемлем, и они составили заговор с целью отстранения Горбачева от власти и отмены реформ. В августе 1991 г. заговорщики изолировали Горбачева в его летней резиденции в Крыму и попытались взять под контроль Москву. Они захватили Кремль и главные телевизионные станции и вывели на улицы танки. Однако им не удалось арестовать Ельцина, который призвал своих сторонников собраться у здания российского парламента, где они начали возводить

баррикады и раздавали листовки с осуждением переворота. 20 августа главари путча приказали десантникам, трем танковым батальонам и вертолетному отряду атаковать здание парламента. Однако командиры отказались выполнять приказ и отвели войска. Путч провалился, когда население и большая часть армии выступили в поддержку президента Российской Федерации. Вернувшись в Москву, Горбачев обнаружил, что принадлежавшее ему место национального лидера занято Ельциным. 24 августа Горбачев подал в отставку с поста генерального секретаря ЦК КПСС, а еще через несколько месяцев не стало Советского Союза. В период с сентября по декабрь 1991 г. бывшие советские социалистические республики одна за другой проголосовали за независимость.

«Оранжевая революция» в Украине

Крах Советского Союза не привел повсюду к одинаковым последствиям. В Восточной Европе, большинство стран которой имели опыт демократии в период до Второй мировой войны, новая власть, вдохновленная обещаниями интеграции в Европейский союз (ЕС), стремилась установить либеральные конституционные демократии. К 2013 г. все бывшие коммунистические страны Восточной Европы (кроме Албании и некоторых частей бывшей Югославии), а также бывшие советские республики Латвия, Литва и Эстония выполнили условия присоединения и были приняты в ЕС.

Россия, однако, откатилась назад к авторитаризму. Коммунистической партии уже не было, но Ельцин оказался весьма эксцентричным правителем. При нем Россию сотрясали восстания и экономические кризисы. Преемником Ельцина стал бывший офицер КГБ Владимир Путин, обещавший продолжить модернизацию России и одновременно усилить власть центра. Путин действительно укрепил власть и восстановил экономику, но сделал это, заключив с несколькими «олигархами», которые при Ельцине получили огромные доли собственности в виде природных ресурсов и секторов экономики, соглашения в обмен на политическую лояльность.

В других бывших советских республиках Средней Азии и Кавказа преобладал похожий сценарий: бывшие коммунистические властители стали президентами и использовали систему патронажа и коррупции для сохранения власти и одновременно, с разной степенью успеха, инвестировали средства в экономическое развитие.

Народ Украины надеялся на лучшую судьбу. В 1994 г. президентом был избран Леонид Кучма, инженер и давний критик компартии, выдвинувший программу экономических реформ. Однако во время второго президентского срока он оказался замешан в коррупции и целом ряде преступлений, в том числе в зверском убийстве журналиста. Решив не баллотироваться на третий срок, он поддержал на выборах 2004 г. своего премьер-министра Виктора Януковича. Главным оппонентом Януковича стал Виктор Ющенко, бывший премьер-министр, возглавлявший коалицию реформаторов, в которую входила Юлия Тимошенко.

На выборах развернулось жесткое соперничество. Кучма и Янукович использовали административный ресурс и контроль над СМИ для того, чтобы запугать оппозицию. Ющенко при таинственных обстоятельствах был отравлен, но выжил и продолжил предвыборную гонку. Первый тур выборов не выявил очевидного победителя, поэтому 21 ноября состоялся второй тур. По результатам экзит-поллов Ющенко одержал во втором туре убедительную победу, однако по телевидению сообщили, что с большим отрывом победил Янукович. Из различных районов страны неожиданно поступили дополнительные голоса, свидетельствовавшие о явке более 90% и о том, что 90% избирателей якобы проголосовали за фаворита прежнего режима. Тут же были выдвинуты обвинения в мошенничестве, и

сторонники Ющенко начали акции протеста.

22 ноября протестующие хлынули на Майдан, центральную площадь украинской столицы, повязав в цвет предвыборных плакатов Ющенко оранжевые ленточки и требуя честного подсчета голосов. За несколько дней толпа выросла почти до миллиона человек. Ющенко объявил себя законным президентом Украины и призвал к всеобщей стачке. Местные органы власти отказались признавать подтасованные итоги голосования. Армия и служба безопасности раскололись, многие подразделения перешли на сторону Ющенко. В этой ситуации Кучма не посмел отдать приказ на подавление протестов. Однако Янукович отказался признать поражение. В течение следующих десяти дней, несмотря на морозы, сотни тысяч украинских граждан продолжали выходить на демонстрации во многих крупных городах страны, протестуя против того, что они считали кражей своих голосов.

3 декабря Верховный суд объявил результаты второго тура недействительными из-за допущенного на них мошенничества и призвал провести новые выборы, которые состоялись 26 декабря в присутствии более двенадцати тысяч наблюдателей, многие из которых прибыли из-за рубежа. Ющенко победил, получив 52% голосов против 44%, отданных за Януковича. В январе 2005 г. состоялась его инаугурация. Премьер-министром он назначил Тимошенко.

Ненасильственные революции обычно приводили к более демократическим режимам и позволяли избежать огромных экономических издержек и человеческих жертв, что характерно для революций, движущей силой которых служат идеологии. Тем не менее «цветные революции» не всегда заканчиваются счастливо. Доверие граждан и институциональные структуры надлежащего управления возникают не сразу, особенно в странах, мало знакомых с демократией. Новые лидеры часто сталкиваются с наследием из слабых институтов, расколотых элит и нетерпеливого населения.

На Филиппинах Кори Акино сумела уберечь демократию от нескольких попыток военного переворота. И все же она не смогла провести необходимых земельных реформ и обуздать влияние и коррупцию богатых элит. Преемником Акино стал Фидель Рамос, правление которого началось с экономического бума. Однако под конец его правления страна погрузилась в трясину, вызванную азиатским экономическим кризисом 1997-1998 гг., а сам он был обвинен в коррупции. Преемником Рамоса стал Джозеф Эстрада, который был отстранен от должности за коррупцию, а занявшая его место Глория Макапагал-Арройо была арестована за мошенничество на выборах.

В России Владимир Путин с 1999 г. постоянно находится у власти в качестве президента или премьер-министра, а после очередного избрания президентом в марте 2012 г. намерен занимать этот пост как минимум до 2018 г. Его наиболее серьезные противники изолированы или сидят в тюрьме, а критически настроенные журналисты найдены мертвыми. Повальная коррупция продолжает ослаблять экономику и подрывает легитимность власти.

В Украине Ющенко провел свой президентский срок в бесплодной борьбе с бывшей союзницей Юлией Тимошенко. В 2006 г. на пост премьер-министра вернулся Янукович, и члены парламента начали покидать Ющенко и переходить на сторону оппозиции. На президентских выборах 2010 г., в которых участвовали Янукович, Ющенко и Тимошенко, Ющенко получил менее 6

% голосов, а победителем оказался Янукович. Став президентом, он ограничил свободу прессы и посадил Тимошенко в тюрьму по обвинению в злоупотреблении служебным положением и других преступлениях. Казалось, будто «оранжевой революции» никогда не было.

Как свидетельствуют эти эпизоды, революцию можно организовать очень быстро, и она

может произойти внезапно. Другое дело — создание стабильной демократии — и оно может занимать долгие годы или даже десятилетия. В большинстве стран, где произошли «цветные революции», не наблюдалось быстрого и надежного перехода к демократии. Вместо этого революционерам приходилось вести борьбу с коррумпированными элитами, сохранявшими свою экономическую власть, со слабыми политическими партиями, не заслуживающими доверия судебными системами и борьбой между фракциями. Во многих из них можно видеть отступление назад и авторитарные тенденции. Таким образом, даже «цветные революции» вписываются в общую схему революций, согласно которой падение старого режима служит лишь началом революционного процесса, полное осуществление которого может занять несколько лет или даже десятилетий.

Глава 10. Арабские революции 2011 г.: Тунис, Египет, Ливия и Сирия

В феврале 2013 г. Зин эль-Абидин Бен Али, занимавший пост президента Туниса в течение двадцати четырех лет, отданный под суд и заочно приговоренный к пожизненному тюремному заключению, находился в изгнании в Саудовской Аравии. Хосни Мубарак, президент Египта на протяжении почти тридцати лет, содержался под арестом в военном госпитале, ожидая повторного слушания дела по обвинению в убийстве демонстрантов. Муаммар Каддафи, правивший Ливией сорок два года, был убит мятежниками, которые свергли его режим. Башар аль-Асад, семья которого правила Сирией сорок три года, держал оборону: контроль над значительными территориями его страны был утрачен, а крупнейшие города Алеппо и Дамаск подвергнуты нападению.

Мир был поражен, наблюдая за внезапным падением этих режимов. Революции там произошли совсем недавно, и еще рано говорить о том, как они закончатся. Но самое время извлечь уроки из того, что уже произошло.

Тунис: от жертвоприношения к революции

Тезис о том, что арабские революции возникли на пустом месте, вспыхнув спонтанно в мирном и хорошо управляемом регионе, является мифом. Недовольство постепенно нарастало во всем арабском мире, а стачки и акции протеста происходили на протяжении всего предыдущего десятилетия.

Арабские общества имеют один из самых высоких показателей прироста населения в регионах со средним уровнем дохода. Это привело к появлению большого слоя честолюбивой молодежи, а одновременно к сокращению земли и воды для ведения сельского хозяйства. Египет, Тунис, Ливия и Сирия, — все пошли по пути, проложенному в 1950-х гг. арабским социалистическим лидером Гамаль Абдель Насером, и стремились обеспечить себе поддержку, щедро дотируя образование, продукты питания, топливо, другие жизненно важные товары и обещая выпускникам колледжей рабочие места в бюджетной сфере. Однако быстрый рост населения в сочетании с самым высоким в мире уровнем зависимости от импорта зерна делали эти программы все более дорогими и все менее выполнимыми. К началу 1990-х гг. власти начали сокращать объем субсидий. В 2008 г. в Тунисе и Египте после скачка цен на продовольствие вспыхнули бунты; еще один такой скачок произошел в 2010 г. Заработные платы большинства населения отставали от роста цен, и, хотя экономика арабских стран продолжала расти за счет привлечения иностранного капитала, рабочих мест не хватало. Безработица среди молодежи в арабских странах была самой высокой в мире, на

уровне 25%. Что особенно важно, сильнее всего от безработицы страдали наиболее образованные слои, которые рассчитывали на рабочие места в профессиональной сфере или в госаппарате, но по несколько лет не могли найти работу.

Тунис достиг серьезных результатов в сфере образования, однако за пределами столицы, особенно на юге страны, царили нищета и почти полная безработица. Постепенно недовольство сосредоточилось на персоналистском режиме Бен Али, клан которого был печально известен своей коррумпированностью. При его правлении выгодами от экономического роста пользовался узкий круг приближенных, а более широким слоям бизнес-сообщества приходилось давать взятки, обслуживая нужды семьи правителя.

Бен Али обнаружил, что с помощью экономического роста и дотаций было все труднее обеспечивать поддержку населения, и его полицейские силы начали вести себя все более агрессивно и безнаказанно. В маленьком городке Сиди-Бузид на юге страны их мишенью стал молодой торговец фруктами. Мохаммед Буазизи: полиция конфисковала его повозку и унизила его достоинство. Это привело к тому, что 17 декабря 2010 г. он совершил самоубийство перед местным полицейским участком. Действия Буазизи получили широкий резонанс среди тунисцев, которые остро реагировали на безработицу и постоянное запугивание, царившие при режиме Бен Али.

Когда на следующий день у полицейского участка собралась толпа, власти открыли огонь и застрелили несколько человек, а затем попытались локализовать протесты, заблокировав дороги и заставив молчать СМИ. Но скрыть происходящее было сложно. Режим ввел жесткую цензуру на телевидении, радио, в газетах и на большинстве интернет-сайтов, но забыл о фейсбуке, который считал чем-то вроде светского развлечения. Поскольку Тунис располагал относительно многочисленным средним классом, доля пользователей фейсбука среди молодежи была самой высокой в Северной Африке. Новости о событиях в Сиди-Бузиде и зверствах полиции быстро распространились по сети и вскоре достигли Аль-Джазире, которая сообщила о них всему арабскому миру.

В городах на юге Туниса один за другим начали вспыхивать бунты. Режим ответил на них дальнейшими репрессиями, о которых точно так же сообщалось в фейсбуке и по спутниковому телевидению. В стране поднялась волна возмущения. Поразительное по своему спектру число организаций выступило в поддержку протестующих. Генеральный союз трудящихся Туниса, который в течение многих лет устраивал мелкие стачки шахтеров, учителей и других групп, организовал всеобщую стачку в крупнейших городах страны. Тысячи интернет-активистов взяли себе революционные аватары в фейсбуке и твиттере. С открытой критикой режима выступили юристы, журналисты и даже рэп-музыканты.

Международные новостные СМИ изображали события в Тунисе как противостояние пользующегося интернетом, но жестоко преследуемого населения с одной стороны и жадного и коррумпированного правителя — с другой. В этих обстоятельствах ни Франция, ни США, эти традиционные союзники Бен Али, пальцем не пошевелили, чтобы его поддержать. Помогло и то, что в мятежах не принимали участия исламисты, поскольку к этому времени Бен Али разгромил главную исламистскую партию «Ан-Нахда» и выслал из страны ее лидеров. И так как явной исламистской угрозы не было, западный мир приветствовал борьбу молодых демонстрантов против стареющего диктатора.

К началу января стало ясно, что единственной надеждой Бен Али осталась армия. Однако генерал Рашид Аммар заявил, что армия не будет нарушать профессиональный кодекс и стрелять по тунисским гражданам, 14 января 2011 г., менее чем через месяц после отчаянного поступка Буазизи, Бен Али и его семья бежали в Саудовскую Аравию.

По мере того как спутниковые сети распространяли в арабском мире информацию о протестах в Тунисе, отчаяние и недовольство народа другими стареющими диктаторами сменялось надеждой и планами аналогичных действий. Тем не менее арабские лидеры были уверены, что революция не перекинется на их страны. Министр иностранных дел Египта назвал подобное предположение «ерундой»[17]. В конце концов, режим Мубарака располагал многочисленными полицейскими силами и высокопрофессиональной армией. В дополнение к этому, выступая в качестве ключевого заслона в борьбе с исламистскими движениями и поддерживая мир с Израилем, Мубарак всегда пользовался твердой поддержкой со стороны США. Кроме того, режим всегда был тесно связан с египетской армией. С тех пор как Насер сверг в 1952 г. монархию, каждый следующий президент был выходцем из офицерского сословия. Армия располагала крупной собственностью в сферах туризма, розничной торговли, недвижимости и других секторах египетской экономики.

И все же режим оказался шатким. Президент Мубарак находился у власти так долго и так сильно желал передать бразды правления своему сыну Гамалю, что люди в шутку называли его «последним фараоном». Главное же заключалось в том, что Гамаль

не был членом военного сословия, а занимал ключевое положение в небольшой группе миллиардеров, которые сколотили громадные состояния, пользуясь связями в правительстве и наживаясь на иностранных инвестициях в нефть, сталь и банковское дело. Военные с тревогой наблюдали за молодым гражданским преемником, задавая вопрос, будет ли он уважать и поддерживать репутацию армии и обеспечивать ее ключевую роль в государстве.

Президент Египта Хосни Мубарак в образе фараона (Illustration by P.J. McQuade)

Протесты в Египте не были новым явлением. В 2008 г. молодежное движение «6 апреля» провело акции протеста, которые были подавлены. Режим жестко реагировал на любую оппозицию, и молодых активистов часто сажали в тюрьму. Один из них, Халед Саид, был избит до смерти полицией в Александрии в июне 2010 г. Снимки его чудовищно изуродованного лица были распространены через фейсбук и привели к созданию онлайн-сообщества «Мы все Халед Саиды», широкой сети граждан, сочувствующих оппонентам Мубарака. Однако большинство египтян продолжали вести себя пассивно.

25 января 2011 г. антимубаракские силы организовали акцию протеста в праздничный «День полиции». Режим подготовился к волнениям, силы безопасности патрулировали площадь Тахрир и другие места в центре. Однако, в отличие от проводившихся прежде акций, после 25 января к авангарду из молодых демонстрантов примкнуло большое число рядовых египтян.

Этому способствовали три фактора. Во-первых, в декабре 2010 г. в Египте прошли парламентские выборы. В 2005 г. члены движения «Братья-мусульмане», выступая в качестве независимых кандидатов (сама партия находилась под официальным запретом), получили 88 мест в парламенте. Поэтому теперь, в 2010 г., Мубарак был полон решимости нанести «братьям» поражение и использовал любые возможные средства — аресты, кампании в СМИ, атаки на финансовые ресурсы, — чтобы практически все места в парламенте заняла его собственная партия или его союзники. Мубарак развеял любые надежды на реформы посредством выборов, оставив акции протеста в качестве единственного возможного способа осуществления перемен. Во-вторых, эксперты по

ненасильственному сопротивлению из сербского молодежного движения «Отпор!» — ветераны революции, отстранившей от власти Слободана Милошевича, подготовили членов молодежного движения «6 апреля». Благодаря им организаторы акций 25 января поняли, насколько важно соблюдать принцип ненасилия и дружелюбно относиться к солдатам и полиции. В-третьих, и это самое важное, примером для египтян стали события в Тунисе, где уличные протесты только что лишили Бен Али власти. Если это сделали тунисцы, то наверняка смогли бы сделать и египтяне.

25 января люди начали прибывать на каирскую площадь Тахрир, и вскоре толпа выросла до нескольких десятков тысяч человек. Еще более внушительная толпа собралась на набережной в Александрии. В течение следующих четырех дней велись ожесточенные бои с полицией за контроль над публичными местами. Революция была не вполне мирной — полицейские участки и тюрьмы поджигались, демонстранты нападали на полицию. Но к 28 января полиция отступила, не в силах справиться с протестующими — их было слишком много, и они не собирались сдаваться. Для зачистки площадей требовались армейские танки и вертолеты.

Вечером 28 января военные получили приказ занять площадь Тахрир. Несмотря на это, они отказались стрелять по согражданам. Солдаты заняли позиции вокруг площади, но не предпринимали никаких действий против протестующих. Люди на улицах скандировали лозунг «армия и народ едины». К оппозиции присоединились и «Братья-мусульмане», предоставив в ее распоряжение свои организационные и кадровые ресурсы.

Отказ армии разгонять толпу привел к кризисной ситуации с неясным исходом. Соединенные Штаты и египетские военные вели между собой постоянные переговоры, пытаясь найти мирное решение. Однако президент Мубарак отказался уступить. Протестующие разбили палатки и возвели баррикады, заявив, что останутся на площади Тахрир, пока Мубарак не уйдет в отставку.

10 февраля, на фоне ожиданий отставки, президент Мубарак выступил с продолжительной эмоциональной речью, в которой вновь заявил, что не уйдет, пока в сентябре не истечет срок его полномочий.

На следующий день массовые стачки парализовали страну от Александрии до Верхнего Египта и от Каира до Суэца. Не дожидаясь коллапса, военные отстранили Мубарака от власти. Высший совет вооруженных сил взял на себя руководство страной, пообещав вернуть власть гражданскому режиму, как только будут проведены новые выборы парламента и президента.

Ливия: смерть тирана

Муаммар Каддафи, пришедший к власти в 1969 г. в результате военного переворота, был в высшей степени персоналистским лидером. Национализировав нефтяную отрасль, он уже не нуждался в формальном правительстве и направил свое огромное нефтяное состояние на создание кланового патронажного общества в соответствии с собственной причудливой философией «Джамахирии». Согласно этой философии, Ливия должна была стать революционным государством, управляемым Всеобщим народным комитетом. На самом деле Каддафи лично принимал все государственные решения и правил при помощи указов.

Каддафи считал себя арабским социалистом и националистом; он поддерживал бедных и развивал систему среднего и высшего образования. Однако, как это происходило и в других персоналистских государствах, он направлял доходы главным образом в кошельки своей

семьи и ближайших сторонников, а большинству населения доставались низкие зарплаты и высокий уровень безработицы.

В феврале 2011 г. ливийская молодежь призвала к мирным демонстрациям протеста в поддержку демократии. Самая крупная из них прошла на востоке страны в городе Бенгази, население которого всегда находилось в напряженных отношениях с западным регионом и его столицей Триполи. Каддафи решил немедленно подавить протесты. Армии было приказано стрелять не разбирая во всех подряд, и в течение первой недели протестов были убиты сотни демонстрантов.

Почему в Ливии армия действовала гораздо более эффективно, чем в Тунисе и Египте? На самом деле профессиональная ливийская армия, подобно армиям в Тунисе и Египте, решила не стрелять по соотечественникам. Большинство солдат перешли на сторону мятежников, растворились в толпе или остались в бараках. Однако Ливия отличалась от Туниса и Египта в двух отношениях. Во-первых, это была нефтяная держава, приносящая Каддафи огромные доходы, которыми он распоряжался по своему усмотрению. На эти деньги им была создана личная армия из наемников, которых вербовали в странах, расположенных к югу от Сахары. Эта армия в два раза превышала по численности национальную армию, и ее солдаты не испытывали угрызений совести, убивая мятежных ливийцев. Во-вторых, Ливия была в значительной степени родоплеменным обществом, а не национальным государством. «Спецподразделения по защите режима», состоявшие из членов клана Каддафи и находившиеся под командованием его сыновей, отличались особой преданностью и готовы были воевать до конца против ливийцев из других регионов.

В Бенгази профессиональные военные решили не покидать бараков, и к 20 февраля демонстранты взяли верх над силами полиции и захватили город. Однако на остальной территории Ливии танки, артиллерия и авиация подавили сопротивление городов, начав с Триполи и быстро продвигаясь в восточном направлении вдоль нефтяных центров Рас-Лануф и Брега к Бенгази. Каддафи и его сын Саиф обещали уничтожить всех, кто примкнет к восстанию в Бенгази. По заявлению Каддафи, «люди, которые не любят меня, не имеют права жить»[18]. К началу марта силы Каддафи, погубившие к тому времени тысячи человек, были готовы развязать кровавую бойню, чтобы отвоевать Бенгази.

Благодаря спутниковому телевидению и СМИ мир наблюдал за происходящим и сочувствовал мятежникам. 18 марта Совет Безопасности ООН принял резолюцию, разрешавшую использовать силу для прекращения кровопролития. НАТО немедленно приступила к бомбардировке с воздуха артиллерийских установок и танков Каддафи и зачистке неба от его самолетов и вертолетов.

Когда НАТО вступила в войну против Каддафи — ибо теперь это была полномасштабная гражданская война, — мятежники получили легитимный статус и начали более эффективную мобилизацию. В конце марта они провели ряд контрнаступлений при поддержке натовской авиации. Спустя несколько месяцев повстанцы отвоевали крупные нефтяные базы в центральной части побережья. Силы Каддафи были ослаблены массовым дезертирством. В конце июля берберы в районе Западных гор открыли второй фронт, перейдя в наступление с юга в направлении Триполи, в то время как мятежники во главе бенгазийцами атаковали с востока. В августе эти силы, нападавшие с двух направлений, добились серьезных успехов. Деморализованная наемная армия Каддафи быстро распалась, многие наемники бежали через границу в Чад, Нигер и Мали. К октябрю оппозиция контролировала всю страну. Каддафи, прятаясь в водосточной трубе в пригороде Триполи, был схвачен и убит.

Сирия: скатывание к гражданской войне

Как и в других персоналистских режимах арабского мира, в Сирии у власти находилась коррумпированная семья, наблюдалось значительное неравенство и было очень много разочарованной молодежи. Но правитель Башар аль-Асад полагал, что ему ничего не грозит. По мнению Асада, в отличие от прозападных режимов в Тунисе и Египте, его режим был популярен из-за своего враждебного отношения к Израилю. К тому же Сирия все еще представляла собой родоплеменное, разделенное на секты общество. Семья Асада принадлежала к небольшому и сплоченному шиитскому меньшинству — алавитам, из среды которых Асад набирал офицеров для своей армии.

Тем не менее, воодушевленные арабскими революциями в других странах и особенно мартовской интервенцией НАТО в Ливии, направленной против Каддафи, молодые сирийцы развернули кампанию ненасильственного сопротивления, которая началась с демонстраций в южном городке Дерья. Прояви Асад сдержанность, движение, возможно, удалось бы остановить. Но, как и в Тунисе, режим отреагировал на первые протесты жестокими и беспощадными действиями, которые были сняты на камеру, выложены на YouTube и распространены жившими за рубежом и желавшими смены власти сирийцами. В скором времени благодаря спутниковому телевидению об этих событиях узнала вся страна.

Поначалу в торговом центре страны городе Алеппо и столице Дамаске ситуация оставалась спокойной. Войска были направлены в мелкие города, где происходили протесты и где, как внушали солдатам, окопались предатели и иностранные джихадисты. Но когда выяснилось, что их послали для того, чтобы убивать простых сирийцев, многие солдаты отказались стрелять. Некоторые были застрелены командирами, но это лишь увеличило число потенциальных дезертиров.

К концу 2011 г. режим изменил стратегию. Вместо войск, которые направлялись для подавления протестующих, были применены бомбардировки занятых мятежниками территорий силами артиллерии и авиации, а затем на зачистку бросали спецназ, в котором преобладали алавиты. Несмотря на эффективность таких операций, режиму не хватало солдат, чтобы проводить их одновременно и сразу в нескольких районах. Поэтому оппозиция научилась избегать прямого столкновения и возобновляла действия в других местах. Стало ясно, что мирные протесты в борьбе с Асадом неэффективны. Как и режим, повстанцы изменили стратегию: теперь они захватывали оружие и создавали для ведения гражданской войны подразделения под командованием дезертиров.

На всем протяжении 2012 г. силы сопротивления расширяли территорию своих действий и дошли до Алеппо и Дамаска. Однако ядро вооруженных сил режима оставалось сплоченным и отбивало все атаки. Мятежники рассчитывали на внешнюю помощь в свержении тирана, как это произошло в Ливии. Однако их ожидания оказались напрасными. Китай и Россия блокировали в ООН все резолюции, направленные на оказание помощи оппозиции. США и Европа решили не вмешиваться в еще один региональный конфликт. Война носила теперь слишком сложный характер, чтобы ее исход могли решить бесполетные зоны или точечные удары по силам Асада. Кроме того, западные страны опасались, что поставки вооружений оппозиции приведут к новым жертвам, а оружие попадет в руки джихадистов. Между тем Иран, решив защитить маршрут, по которому шли поставки вооружений ливанской Хизболле, и поддержать дружественный шиитский режим, выступил в поддержку Асада, направив ему деньги, оружие и военных советников.

К началу 2013 г. события в Сирии приобрели характер полномасштабной гражданской войны. Десятки тысяч человек были убиты, в стране вспыхнули межконфессиональные конфликты, вакуум власти на местах заполнили джихадисты. Многие районы Алеппо и Дамаска были превращены в руины. Бои велись на всей территории страны. Несмотря на постепенное усиление инсургентов, Асад не собирается уходить в отставку. Жертв становится все больше,

и ничто не предвещает скорого окончания войны.

Отсутствие революций в арабских монархиях

Тунис, Египет, Ливия и Сирия соответствовали параметрам государств, в которых происходят революции. В них господствовали коррумпированные персоналистские режимы, наблюдалось отчуждение элит, потеря лояльности со стороны военных, недовольство населения, вызванное, фискальными и экономическими проблемами и давлением демографических факторов. Везде широкая коалиция оппозиционных сил объединялась вокруг нарратива несправедливости: ненасытные правящие кланы плохо обращаются со своим страдающим народом: «Ты одет по последней моде», — ревела толпа в Каире, имея в виду Мубарака, — «а мы спим по двенадцать человек в одной комнате!»[19] В Тунисе и Египте армия отказалась защищать режим, и правители были быстро отстранены от власти. В Ливии и Сирии части армии, сохранявшие лояльность благодаря родоплеменной и религиозной близости к режиму, защищали власть, но не обладали значительным ресурсом. В Ливии вмешательство НАТО позволило мятежникам одержать победу над Каддафи всего за несколько месяцев. Однако в Сирии иностранное вмешательство было на стороне режима Асада, что позволило ему продолжить боевые действия. Причины и течение этих революций, таким образом, похожи друг на друга, следуя схемам, наблюдавшимся в революциях на всем протяжении истории.

Но как быть с арабскими странами, в которых не произошло никаких революций? Разве большие группы молодежи, неиндексируемые зарплаты и возмущение населения элитами существовали не на всей территории от Марокко до Саудовской Аравии? Почему же революции произошли лишь в нескольких государствах?

Во-первых, только эти четыре государства плюс Йемен (где акции протеста тоже привели к отстранению от власти правителя, президента Салеха) были персоналистскими режимами, грабительский характер которых привел к отчуждению широких кругов бизнеса и военных элит и в которых возмущение оппозиции могло быть сосредоточено на лидере, его семье и его приближенных. Большинство других арабских государств, такие как Марокко, Иордания, Оман, Эмираты и Саудовская Аравия, являются монархиями. В них правители могут возложить вину на премьер-министров и сохранить власть, пообещав конституционные реформы. Именно так все и происходило. Алжир и Ирак, еще два крупных арабских государства, недавно прошли через испытание гражданскими войнами, в которых власть одержала победу над оппозицией. Богатые нефтью страны также располагали исключительно крупными ресурсами, что позволяло власти защищать себя и использовать доходы для щедрых подачек и субсидирования армии и населения. Наконец, прекращение иностранной помощи режимам или активное вмешательство, направленное на поддержку оппозиции, произошли только в Тунисе, Египте и Ливии. В Сирии режим поддерживали сразу две страны — Россия и Иран; правитель Бахрейна получил щедрую помощь от Саудовской Аравии и жестоко подавил акции народного протеста; в Марокко и Иордании правители получили финансовую помощь от других арабских стран.

Арабские революции 2011 г. ясно показывают, что, когда некоторые страны региона вступают в состояние неустойчивого равновесия, их может быстро захлестнуть волна революций. Однако, если взять весь регион в целом, мы должны помнить, что для успешной революции необходимо множество условий, которые должны появиться одновременно. На начало 2013 г. на всей территории Северной Африки и Ближнего Востока правители были свергнуты всего в четырех государствах — Тунисе, Египте, Ливии и Йемене. Необходимость совпадения множества условий для того, чтобы произошли революции, приводила к тому, что на

протяжении всей истории революции случались редко и были совершенно уникальными событиями.

Более того, даже там, где диктаторов свергали, дальнейший путь был полон трудностей. В Тунисе, самой мирной из четырех стран, исламистская партия «Ан-Нахда» заключила соглашение о разделе власти со светскими партиями, а в разработке новой конституции принимали участие главные политические силы страны. Однако даже там сотрудничество было ослаблено убийством популярных светских политиков, и нет гарантии, что демократия упрочит свои позиции в этой стране.

В Ливии светская, племенная и исламистская милиции действуют независимо друг от друга, бросая вызов попыткам создать силы национальной безопасности, которые находились бы под гражданским контролем. Многие города страдают от милицейского насилия и политических убийств, включая нападение на дипломатическую миссию США в Бенгази и убийство американского посла. Новые законы, запрещающие всем, кто служил при Каддафи в правительстве Ливии, занимать посты в новом режиме, привели к отставке нескольких министров, и встал вопрос, где взять опытных чиновников. Может пройти много месяцев, прежде чем Ливия сформирует правительство, которое возьмет на себя полную ответственность за положение дел в стране.

В Египте события шли по типичной революционной траектории, от медового месяца до поляризации, а затем контрреволюции. После взрыва ликования и появления множества новых политических партий, сопровождавших отставку Мубарака, политика свелась к борьбе за власть между двумя самыми организованными группировками египетского общества — армией и «Братьями-мусульманами». Светские либеральные группировки, несмотря на важнейшую роль, сыгранную ими на начальном этапе, не имели широкой поддержки или общенациональной организации и были вытеснены на обочину политической жизни. Когда кандидат «братьев-мусульман» Мохаммед Мореи выиграл на первых свободных президентских выборах, он дал понять, что намерен ввести исламистов в парламент, суды и конституционную комиссию и лишить армию ее роли в политической жизни. Это вызвало протесты населения и ответные действия со стороны военных. Сыграв на растущих опасениях, что «Братья-мусульмане» собираются установить фундаменталистский исламский режим, и при значительной народной поддержке армия сместила Мореи и ввела режим чрезвычайного положения, чтобы восстановить правление военных. Атака армии на «братьев» привела к нескольким сотням человеческих жертв, и вероятным результатом этих событий, до тех пор пока не установится более стабильный режим, станет появление еще более радикальных исламистских группировок и рост насилия.

Наконец, в Йемене, где бывший персоналистский правитель Али Абдулла Салех покинул свой пост, его преемник пытается сформировать стабильное правительство и сохранить контроль над страной. Появились сотни новых партий, оживились региональные сепаратистские движения. Радикальные исламистские группировки создают опорные пункты в провинциях (где они служат мишенью для американских беспилотников, что еще больше усиливает оппозиционные настроения). Трудно понять, что происходит в Йемене: создается ли здесь постепенно новое центральное правительство или страна медленно сползает в хаос.

Иначе говоря, еще слишком рано судить о том, к какому результату приведут арабские революции 2011 г., однако можно с уверенностью констатировать, что в ближайшее время они, как и все революции, будут разворачиваться, демонстрируя неухающую борьбу за власть между радикалами и умеренными, ключевую роль иностранного вмешательства и проблемы с установлением центральной власти в мятежных провинциях. И пройдут годы, прежде чем неопределенность уступит место прочной власти.

В 1979 г., когда я учился в аспирантуре, произошли никарагуанская и иранская революции, которые взволновали и меня, и моих коллег. Революции казались нам чем-то удивительным, однако в то же время мы спрашивали себя, произойдут ли в ближайшие годы еще какие-нибудь революции. В конце концов, почти не осталось монархий и империй, в которых они главным образом происходили, а централизованные партии-государства, такие как коммунистические режимы, казалось, имели к ним иммунитет. А пока продолжалась холодная война, диктатуры, подобные иранской и никарагуанской, скорее всего, должны были находить решительную поддержку со стороны Соединенных Штатов.

Однако последующие годы были заполнены революциями. Самые известные из них — революция против апартеида в Южной Африке, филиппинская революция «власти народа», свергнувшая Фердинанда Маркоса, революция польской «Солидарности», чехословацкая «бархатная революция» и другие антикоммунистические революции в Восточной Европе и Советском Союзе, маоистская революция в Непале, «оранжевая революция» в Украине и арабские революции 2011 г.

В десятилетия, прошедшие после 1980-х гг., революции продолжали оказывать влияние на мировую политику. Распад Советского Союза был столь же значимым событием, как и крушение Российской, Германской и Австро-Венгерской империй после Первой мировой войны. Многочисленные успехи «цветных революций» знаменовали появление убедительной новой модели ненасильственного сопротивления и смены режима. Революции, прокатившиеся в 2010-2012 гг. по Северной Африке и Ближнему Востоку, изменили отношения между Соединенными Штатами, арабскими государствами и Израилем, господствовавшие в этом регионе в течение нескольких десятилетий.

Заметный сдвиг произошел и в доминирующем типе революций. События в Никарагуа и Иране стали последними примерами революций, во время которых к власти приходили движимые идеологиями радикальные режимы. С тех пор революции обычно порождали слабые демократии или прагматичные полуавторитарные режимы. Недавние революции также чаще всего носили ненасильственный характер, хотя примеры Непала, где партизанское движение сражалось за смену правительства, и Сирии, где тысячи людей погибли в борьбе против режима Асада, показывают, что насильственные революции все еще происходят.

Какое будущее ждет революции? Как и прежде, они будут происходить там, где совпадут пять условий, приводящих к коллапсу режима: экономический или фискальный кризис; раскол и отчуждение элит от режима; коалиция групп населения, которых волнуют разные проблемы; появление убедительного нарратива сопротивления; и благоприятная для революционных преобразований международная обстановка. Эти условия, вероятнее всего, сложатся в странах, расположенных к югу от Сахары. В них наблюдается быстрый рост населения, а власть представлена или персоналистскими режимами, или слабыми и коррумпированными демократиями. Авторитарные лидеры на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, а также на юге и юго-востоке Азии тоже станут уязвимыми, когда их богатств, накопленных с помощью эксплуатации природных ресурсов, не будет хватать для поддержания патронажных режимов. Даже в коммунистическом Китае наблюдаются признаки всех пяти условий, хотя и неясно, составят ли они комбинацию, которая приведет к внезапному краху режима, или будут накапливаться постепенно и таким образом, что приведут к «переговорной революции», когда в ответ на рост народного недовольства будут проводиться реформы, преобразующие власть и ее роль в обществе.

Еще одним историческим уроком следует считать то, что от большинства революций нельзя

ожидать немедленных результатов в виде стабильных демократий. Революции порождают новые трудности и новую борьбу за власть. Большинство революций, включая даже Американскую революцию 1776 г., принимали по ходу своего развития несколько конституций, осуществляли дискриминацию меньшинств, приводили к власти слабые правительства или скатывались назад, к авторитаризму, прежде чем вставали на путь, который вел к прочной демократии.

Когда-нибудь все страны мира будут иметь стабильные, жизнеспособные, свободные от дискриминации и справедливые режимы. Тогда, наверное, революции отойдут в прошлое, наподобие героических сказаний о войнах и рождении государств и народов. Но нам еще предстоит проделать долгий путь, чтобы этот день настал. В последние годы число стран, придерживающихся демократических принципов, уменьшается. Поэтому мы еще будем наблюдать, как люди мобилизуются, чтобы свергнуть свои правительства во имя социальной справедливости и новых политических институтов.

Если сохранятся тенденции последних тридцати лет, люди будут все чаще использовать для этого методы ненасильственного сопротивления и избегать ужасов радикальных революций, ставящих идеологическую догму выше человеческой жизни. Будем надеяться, что в будущем возобладает революционный героизм, а не революционные кошмары. В любом случае для достижения этой цели потребуются мудрость и сотрудничество между людьми разных вероисповеданий и разного цвета кожи, которых нам сегодня так не хватает.

Дополнительная литература

Что такое революция?

Foran J. Taking Power: On the Origins of Third World Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 1991.

Goodwin J. No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945_1991. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Katz M.N. Revolutions and Revolutionary Waves. New York: Palgrave Macmillan, 1999.

Moore B.Jr. Origins of Dictatorship and Democracy. Boston: Beacon Press, 1966.

Nepstad S.E. Nonviolent Revolutions: Civil Resistance in the Late 20th Century. New York: Oxford University Press, 2011.

Parsa M. States, Ideologies, and Social Revolutions: A Comparative Analysis of Iran, Nicaragua, and the Philippines. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Selbin E. Revolution, Rebellion, and Resistance. London: Zed Books, 2010.

Skocpol T. States and Social Revolutions: a Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979.

Отдельные революции

De Fronzo J. Revolutionary Movements in World History: From 1750 to the Present. 3 vols. Santa Barbara, CA: ABC CLIO, 2006.

The Encyclopedia of Political Revolutions / Ed. J.A. Goldstone. Washington, DC: CQ, Press, 1998.

Революции в Древнем мире

Forrest W.G. The Emergence of Greek Democracy. New York: McGraw-Hill, 1979.

Ober J. The Athenian Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998.

Shaban M.A. The Abbasid Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Syme R. The Roman Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Революции в эпохи Возрождения и Реформации

Kishlansky M. A Monarchy Transformed: Britain 1603-1714. London: Penguin, 1996.

Pincus S. 1688: The First Modern Revolution. New Haven: CT: Yale University Press, 2011.

Weinstein D. Savonarola: The Rise and Fall of a Renaissance Prophet. New Haven, CT: Yale University Press, 2011.

Worden B. The English Civil Wars 1640-1660. London: Orion, 2009.

Конституционные революции

Bailyn B. The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

Doyle W. The Oxford History of the French Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2003.

From Deficit to Deluge: The Origins of the French Revolution / Eds. T. Kaiser, D. Van Kley. Stanford, CA: Stanford University Press, 2010.

Huber T. The Revolutionary Origins of Modern Japan. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990.

Jansen M.B. The Making of Modern Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

Klooster W. Revolutions in the Atlantic World. New York: New York University Press, 2009.

Sperber J. The European Revolutions, 1848-1851. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Wood G.S. The Creation of the American Republic 1776-1787. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1998.

Коммунистические революции

Fitzpatrick S. The Russian Revolution. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Perez-Stable M. The Cuban Revolution: Origins, Course and Legacy. 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2013.

Spence J. The Search for Modern China. 3rd ed. New York: W.W. Norton, 2013.

Trotsky L.A. History of the Russian Revolution. Translated by Max Eastman. Chicago: Haymarket Books, 2008.

Революции против диктаторов

Booth J. The End and the Beginning: The Nicaraguan Revolution. Boulder, CO: Westview, 1985.

Keddie N. Modern Iran: Roots and Results of Revolution. New Haven, CT: Yale University Press, 2006.

Kurzman C. The Unthinkable Revolution in Iran. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.

Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York: Vintage Books, 1968.

Цветные революции

Ash T.G. The Magic Lantern: The Revolution of '89 Witnessed in Warsaw, Budapest, Berlin, and Prague. New York: Vintage, 1993.

Beisinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Bunce V.J., Wolchik S. Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Kotkin S. Armageddon Averted: The Soviet Collapse 1970-2000. New York; Oxford University Press, 2008.

Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough / Eds. A. Aslund, M. McFaul. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2006.

Thompson M.R. The anti-Marcos Struggle: Personalistic Rule and Democratic Transition in the Philippines. New Haven, CT: Yale University Press, 2011.

Арабские революции 2011 г.

Cook S.A. The Struggle for Egypt: From Nasser to Tahrir Square. New York: Oxford University Press, 2011.

Lynch M. The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East. New York: Public Affairs, 2012.

Примечания

1

Webster's New World Dictionary of Quotations. Hoboken, NJ.: Chambers Harrap // <http://quotes.yourdictionary.com/rochefoucauld>.

2

Инсurreкция — (от лат. *insurgere* восставать). Мятеж, вооруженное восстание, возмущение.

3

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 338.

4

Сольдадеры (исп. *Soldaderas*) — женщины, сопровождавшие мексиканских солдат в походах, занимавшиеся приготовлением пищи, стиркой, уходом за ранеными и погребением мёртвых.

Подобная практика появилась ещё во времена конкистадоров. Каждая сольдадера обычно была «прикреплена» к одному солдату и зачастую находилась с ним в интимных отношениях. Широкое распространение сольдадеры получили в период Мексиканской революции. Некоторые сольдадеры непосредственно участвовали в боевых действиях и могли занять руководящую должность. Например, Маргарита Нери командовала отрядами индейцев на юге Мексики. Полковник Петра Эррера, вначале скрывавшая свой пол, сыграла важную роль в битве при Торреоне в 1914 году, но Панчо Вилья боялся произвести женщину в генералы, и она сформировала собственный женский отряд.

Сольдадерам посвящена одна из популярных песен-корридо — «Аделита» (в связи с этим «солдатские жёны» были известны и как «аделиты»). Образ сольдадер присутствует в работах многих муралистов, он также отражён в романе Мариано Асуэлы «Те, кто внизу». Тема сольдадер фигурирует в большом количестве кинолент, в том числе в фильме Сергея Эйзенштейна «Да здравствует Мексика!».

После окончания революции и создания квартирмейстерской службы сольдадеры исчезли.

5

Gardiner A.H. The Admonitions of an Egyptian Sage from a Hieratic Papyrus in Leiden. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1909. P.16,35,53,58.

6

Фукидид. История: Кн. III, 8i.

7

Trevelyan G.M. England Under the Stuarts. London: Routledge, 2002. P. 276.

8

Цит. по: Билль о правах (1689) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX вв. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 128-130.

9

Cromwell O. At the Opening of Parliament Under the Protectorate, 1654 // <http://www.bartleby.com/268/3/11.html>.

10

Henry P. Give Me Liberty or Give Me Death, March 23, 1775, speech to the Virginia House of Burgesses // <http://www.nationalcenter.org/GiveMeLiberty.html>.

11

Декларация независимости // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 25.

12

Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие? // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту. СПб.: Алетейя, 2003. С. 155.

13

Пейн Т. Избранные сочинения. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 34.

14

Декларация независимости. С. 25.

15

Конституция Японской империи (11 февраля 1889 г.) // Конституции буржуазных стран. Т. 1. Великие державы и западные соседи СССР. М.-Л.: Соцгиз, 1935. С. 190-196.

16

Castro F. History will Absolve Me, speech delivered 1953. Castro Internet Archiv // <http://www.marxists.org/history/cuba/archive/castro/1953/10/16.htm>.

17

Цит. по:

Lync M: The Arab Uprising. New York: Public Affairs, 2012. P. 81.

18

Цит. по:

Lync M. The Arab Uprising. New York: Public Affairs, 2012. P. 170.

19

Ciezahllo A. Let them Eat Bread. Foreign Affairs.com, March 23, 2011 // <http://www.foreignaffairs.com/articles/67672/annia-ciezahllo/let-them-eat-bread#>.